

**Международная
безопасность**

**Нераспространение
оружия массового
уничтожения**

**Контроль над
вооружениями**

Non multa, sed multum

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

**№ 4 (70), Том 9
Зима 2003**

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Роланд М. Тимербаев
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков

ISSN 1026-9878

PIR CENTER
Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР
Центр политических исследований в России

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Издается с ноября 1994 г. Выходит ежеквартально
Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.

Издатель

ПИР-Центр политических исследований:

Анна И. Абаева, стажер
Владимир З. Дворкин, генерал-майор, старший советник
Томас Дитерс, стажер
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Андрей В. Гребенщиков, стажер
Даниил О. Кобяков, научный сотрудник
Ирина А. Котова, помощник директора
Олег В. Кулаков, специалист по информационным системам
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, старший советник
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Юлия Н. Орлова, секретарь
Елена Д. Полидва, помощник директора
Роман Е. Попов, стажер
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Вячеслав А. Романов, генерал-лейтенант, консультант
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению
Роланд М. Тиммербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
председатель Совета и старший советник
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Андрей Л. Фролов, младший научный сотрудник
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор
образовательных проектов
Анна В. Шувалова, координатор образовательных проектов,
библиотекарь
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 4 (70), Том 9
Зима 2003

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор
[frolov@pircenter.org]
Елена Д. Полидва, администратор проекта
[info@pircenter.org]
Даниил О. Кобяков, корреспондент
[kobyakov@pircenter.org]
Наталья С. Котовщикова, технический редактор
Маргарита М. Крючкова, корректор
Ольга Э. Королева, литературный редактор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 9, стр. 1Б
Редакция *Ядерного Контроля*
Телефон редакции:
+7-095-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-095-234-9558

Интернет-представительство: [www.pircenter.org]

Русская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yk.html>
Английская версия журнала: <http://www.pircenter.org/rus/publications/print/yc.html>

Редакционная политика

- Материалы *Ядерного Контроля* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушер и др.

Подписка и распространение (подробнее см. стр. 181)

В России:

- «Роспечать». Подписной индекс в каталоге – 79280
- «Триалог». Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный купон вместе с квитанцией об оплате направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог», тел: +7-095-764-98-96

За рубежом:

- Swets Blackwell: тел: +31-252-435-111; факс: +31-252-415-888; e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com; web: www.swetsblackwell.com
- East View Publications, Представительство в России, тел: +7-095-777-6558; факс: +7-095-318-0881; web: www.eastview.com

Тираж 1000 экз. Подписано в печать 1 декабря 2003 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека»

© ПИР-Центр, 2003

Р Е Д А К Ц И О Н Н А Я   С Т А Т Ь Я

- 7 **«Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации»: идем в ногу со временем?**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 9 **Сергей Антипов: «Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока не пересек никто» – Владимир Орлов** – Заместитель министра по атомной энергии России в эксклюзивном интервью главному редактору журнала *Ядерный Контроль* Владимиру Орлову осветил ряд актуальных проблем утилизации АПЛ в рамках программы Глобального партнерства, а также затронул комплекс вопросов, связанных с Многосторонней ядерно-экологической программой в России.

А Н А Л И З

- 15 **Глобальное партнерство на распутье – Анатолий Анин** – В статье рассматриваются основные направления развития программы Глобального партнерства за период от саммита в Кананаскисе до встречи на острове Морской. Автор отмечает, что за прошедшее время главный акцент был сделан на утилизацию химического оружия и атомных подводных лодок. Однако одной из важнейших задач на 2004 год является продолжение формирования необходимой юридической базы для сотрудничества в рамках Глобального партнерства.
- 25 **О роли ООН в сегодняшнем мире – Роланд Тимербаев** – Автор анализирует причины кризиса, в котором оказалась в настоящее время ООН. Р. Тимербаев обращает особое внимание на негативные последствия политики США в отношении ООН. В статье также рассматриваются возможности ООН по урегулированию конфликтов, дается оценка различных подходов к ее реформированию. Особое внимание уделено позиции постоянных членов Совета Безопасности ООН по данному вопросу.

- 39 **Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России – Игорь Голоскоков** – Автор рассматривает процессы, вызвавшие необходимость пересмотра сложившейся практики охраны объектов Минатома России. В статье отмечается, что в силу повышенной потенциальной опасности, исходящей от них, последствия неудовлетворительной охраны могут иметь катастрофический характер. На примере функционирования охраны Сибирского химического комбината автор анализирует достоинства и недостатки сложившейся практики охраны объектов – внутренними войсками и отрядом ведомственной охраны.

П О Л Е М И К А

- 51 **О ядерном выборе Ирана – Гейдар Али Балуджи** – В статье анализируются причины многочисленных обвинений в адрес Ирана о наличии в стране программы по созданию ядерного оружия. Автор также пытается ответить на вопрос о политической и экономической цене ядерной программы Ирана.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 61 Заметным событием 2003 г. стало заседание круглого стола в Совете Федерации Федерального собрания РФ на тему **«Международный терроризм с использованием оружия массового уничтожения: миф или реальность?»**, организатором которого выступил ПИР-Центр. В материалах круглого стола представлены мнения представителей экспертного сообщества России по вопросам актуальности проблемы ОМУ-терроризма, уязвимости инфраструктуры государств и мегаполисов рассматриваются пути, а также возможности по противодействию терроризму.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 81 **Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности – Василий Лата** – В статье рассматривается один из важнейших факторов, обеспечивающих ядерную безопасность ракетных комплексов РВСН, – морально-психологическое состояние военнослужащих, обслуживающих эти системы. Автор широко использует результаты социологических исследований, проведенных в войсках.
- 89 **Пути противодействия международному терроризму – Виктор Есин** – В последнее время мир столкнулся с эскалацией международного терроризма. Автор анализирует социальные и идеологические причины этого феномена, отмечая, что использование только одних вооруженных методов борьбы с терроризмом «загоняет» проблему в тупик. В связи с этим предлагаются пути противодействия международному терроризму, базирующиеся прежде всего на консолидированной международной системе борьбы с терроризмом.
- 95 **Ядерные грёзы Бразилии – Илья Фабричников** – В начале 2003 г. руководство Бразилии заявило о необходимости создания ядерного оружия для защиты суверенитета страны. В комментарии рассматриваются политические и экономические предпосылки возобновления военной ядерной программы в этой стране.

О Б З О Р

- 101 **Стратегические Ядерные Силы и обеспечение военной безопасности государства – Василий Лата** – Автор на примере анализа реализации СССР договоров о сокращении стратегических вооружений приходит к выводу о том, что сокращение СЯС автоматически не приводит к снижению безопасности, при этом потенциал для нанесения неприемлемого ущерба агрессору сохраняется.
- 117 **Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика – Бахтияр Тузмухамедов** – В статье рассматривается правовое регулирование процедур принятия решения о направлении воинских контингентов как СССР, так и России, действующий порядок и опыт его применения. Показаны трансформация отношения исполнительной власти к использованию отечественных вооруженных сил за рубежом. Приводятся подробно малоизвестного решения Конституционного суда РФ, имеющего непосредственное отношение к теме исследования.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 137 **Контрраспространение: хорошо забытое старое – Илья Фабричников, Андрей Фролов** – В статье авторы анализируют первый практический пример контрраспространения – действия Израиля в 1979–1981 гг. по саботированию иракской ядерной программы. Рассматриваются акции Израиля во Франции и в Ираке, в результате которых иракская ядерная программа была приостановлена. В статье также исследуются возможные сценарии нанесения превентивных ударов по объектам иранской ядерной программы.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 151 **Тритий – заморозить – Роланд Тимербаев** – Физик и писатель К. Бергерон на страницах своей новой книги приходит к выводу, что решение Министерства энергетики США возобновить производство трития в коммерческих реакторах очень опасно с точки зрения нераспространения. Кроме того, наработка трития в данных реакторах без соблюдения специальных мер безопасности может повлечь за собой тяжелые экологические последствия.
- 153 **Распространение ядерного оружия: спор продолжается – Михаил Лебедев** – На страницах одноименной книги продолжается спор между видными исследователями в области международных отношений К. Уолтцем и С. Саганом о позитивном или негативном влиянии процесса распространения ОМУ на глобальную безопасность в условиях возникновения новых вызовов.
- 157 **Книжные новинки – Даниил Кобяков** – Обзор самых интересных книжных новинок, поступивших в библиотеку ПИР-Центра.

П И С Ь М А Р Е Д А К Т О Р У

- 159 **Андрей Быков – Поодиночке терроризм не осилить.**

167 S U M M A R Y

171 О Б А В Т О Р А Х

177 ЭКСПЕРТНО - КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

181 О П О Д П И С К Е

ВЕСТНИК ГЛОБАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

после с. 80 ПИР-Центр и журнал *Ядерный Контроль* публикуют очередной выпуск бюллетеня, посвященного взаимодействию стран «Большой восьмерки» в области сокращения избыточного ОМУ, его компонентов и носителей в России. Читайте в третьем выпуске *Вестника* эксклюзивный репортаж с заседания, посвященного Глобальному партнерству на Второй Московской международной конференции по нераспространению, интервью члена Совета по устойчивому партнерству для России генерал-полковника Е.П. Маслина, новости о ходе реализации программы Глобального партнерства.

«АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»:
ИДЕМ В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ?

Проблемы реформирования Вооруженных сил Российской Федерации постоянно обсуждаются на совещаниях, проводимых Президентом России В.В. Путиным с кабинетом министров, в Совете безопасности, с руководящим составом Минобороны. Состояние, а также перспективы развития армии и флота вызывают повышенную обеспокоенность практически у всех слоев населения. Представители экспертного сообщества в России и за ее пределами, подвергая критическому анализу темпы реформирования, низкий уровень оснащения армии современным вооружением, недопустимое социальное положение военнослужащих и многие другие стороны, всегда подчеркивали необоснованную закрытость для общества многих процессов в Вооруженных силах.

В этом отношении проведение открытого совещания руководителей Минобороны в расширенном составе с участием Президента России, а также публикация материалов о современном положении и перспективах Вооруженных сил представляют собой новый позитивный шаг в начале диалога военного руководства с обществом, необходимость которого назрела уже давно.

Опубликованные материалы содержат оценку состояния Вооруженных сил России, как сказано, на пороге нового этапа развития, характеристику сформированной правовой базы и системы общественного контроля над ними. Утверждается, что осуществлены основные структурные преобразования Вооруженных сил, завершилось сокращение их численности, которая составляет на середину 2003 г. 1,16 млн человек, а к 2005 г. достигнет примерно 1 млн человек.

Подчеркнуты важные перемены в военной политике и в основах военного планирования в связи с принципиально новыми отношениями с США и другими развитыми демократическими странами, в частности сохранение партнерских отношений с НАТО, несмотря на расширение альянса на восток.

В качестве новых вызовов мировой безопасности названы распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, этническая нестабильность, деятельность радикальных религиозных сообществ, наркоторговля, организованная преступность. Это полностью совпадает с позицией ведущих мировых держав, о приоритетах в противодействии таким вызовам неоднократно говорил Президент В.В. Путин.

Отражена реальность международных силовых операций в рамках временных коалиций вне традиционных военно-политических структур. Отмечено, что такая практика будет расширяться и что это отражение объективного характера современной ситуации в мире.

Подробный обзор возможных угроз, характера современных войн и вооруженных конфликтов свидетельствует о том, что руководство Вооруженных сил России разделяет принципы военной политики США, ориентированной на беспрецедентную непредсказу-

емость развития военно-политической обстановки, возникшую после крушения двухполюсного мира. Об этом же может свидетельствовать и ядерная политика России.

Вместе с тем материалы Минобороны вызывают вопросы, и в первую очередь потому, что в документе утверждается, что реформирование Вооруженных сил по многим показателям, включая военное планирование, сложившуюся структуру, оптимальную численность, адаптацию военной политики к новым глобальным вызовам, принятым срокам перехода к контрактной службе и др., якобы завершилось.

Большинство из этих процессов, по убеждению ведущих военных специалистов, должны перманентно реформироваться, особенно в условиях отмеченной выше непредсказуемости военно-политической обстановки. Так, например, руководство Министерства обороны США в течение многих лет «стирает» границы между видами вооруженных сил, постоянно интегрируя разнородные силы и средства в объединенные командования, а у нас считаются законченными структурные преобразования, остановившиеся на трех видах и трех родах войск!

Задачи, которые должны решать Вооруженные силы России, противоречат не только ориентации на партнерство с США и НАТО, но и их собственному реальному потенциалу. Достаточно проанализировать следующее чрезмерно амбициозное утверждение: «Именно Вооруженные силы Российской Федерации могут обеспечить глобальную стабильность в широком понимании данного термина». Если военное планирование исходит, как утверждается, из того, что необходимо нанести поражение агрессору в условиях применения им современных и перспективных боевых средств, в том числе оружия массового уничтожения, и что необходимо «наличными силами отразить воздушно-космическое нападение противника, после полномасштабного стратегического развертывания решать задачи одновременно в двух локальных войнах», то вряд ли можно представить другого противника, особенно со средствами воздушно-космического нападения, кроме США и НАТО. Это вновь ставит вопрос о том, к какой войне мы готовимся и есть ли у нас для этого силы.

Трудно найти новые элементы в ядерной политике в сравнении с действующей Военной доктриной, утвержденной В.В. Путиным в 2000 г., даже с учетом последующих ответов министра обороны С.Б. Иванова на вопросы западных коллег. Если не считать в качестве новшества продекларированное намерение пересмотреть планирование в ответ на гипотетическую возможность понижения порога применения ядерного оружия в связи с работами над проникающими зарядами малой мощности и указание на присутствие в планах «дозированного боевого применения».

Для реализации главной цели – стратегического сдерживания, о чем сказано в материалах Минобороны, России нужна прозрачная программа развития стратегических ядерных сил, подобная ядерным программам всех официальных членов ядерного клуба (кроме Китая), в которых всегда представлены данные о том, сколько будет ракет на земле, подводных ракетноносцев и ракет на них, стратегических бомбардировщиков, каковы их характеристики и т. п. Пока, к сожалению, в России такой подход не реализован.

Несмотря на обилие цифр, обоснованность большинства утверждений в представленных материалах, по существу, отсутствует. Вряд ли такой критерий, как «оборонная достаточность», может быть убедительным для обоснования численности Вооруженных сил и других показателей. Поэтому представляются необоснованными, в частности, принятые сроки перехода на контрактную службу, не раскрыты показатели стоимости отдельных этапов перехода к контракту. Показательно также, что эти данные значительно отличаются от оценок независимых организаций.

Безусловно, представленные материалы руководства Минобороны заслуживают более глубокого анализа, чем это позволяет сделать редакционная статья. Сейчас же необходимо подчеркнуть, что руководство Вооруженными силами сделало всего лишь первый шаг навстречу обществу и продемонстрировало готовность к диалогу. И есть надежда, что в результате этого можно будет избежать многих ошибок в военной политике.

*Заместитель министра по атомной энергии России С.В. Антипов ответил на вопросы главного редактора журнала **Ядерный Контроль** Владимира Орлова.*

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Что нового дает России и Минатому подписание Многосторонней ядерно-экологической программы в России (МНЭПР)?

АНТИПОВ: 6 октября 2003 г. состоялось заседание Комиссии по законотворчеству, которое рекомендовало Правительству Российской Федерации рассмотреть внесение МНЭПР на ратификацию. Поскольку Минатом определен правительством как главный координатор по этим вопросам, то основной объем работы и лежит на плечах Минатома.

Что дает России подписание МНЭПР? Безусловно, МНЭПР может стать универсальным организационно-правовым механизмом для реализации самых разных видов взаимодействия, будь то сотрудничество по Глобальному партнерству или по каким-либо двусторонним отношениям. То есть мы вырабатываем некий стандарт, который уже сегодня если и не признан всеми, то по крайней мере принят большинством участников международного сотрудничества в ядерно-экологической области. Если посмотреть на те двусторонние соглашения, которые действуют в этой области с нашими партнерами, то они довольно разнообразны. У нас огромный спектр подходов к вопросам компенсаций за материальный (ядерный) ущерб, по освобождению от налогообложения.

Известный Закон 1995 г. о технической помощи содержит сплошные поправки². Это говорит о том, что у нас нет устоявшейся нормативной базы. Соглашение МНЭПР, во-первых, может стать основой такой базы, а во-вторых, оно будет способствовать принятию ряда документов, которые снимут неопределенности и позволят работать дальше совершенно четко и однозначно.

К сожалению, не все идет так гладко, как хотелось бы. Прежде всего, внутри России есть межведомственные противоречия, столкновения интересов. Но в целом уже возникает понимание того, что общероссийские интересы должны превалировать над межведомственными. Так, я был удивлен, получив ответ на ратификационный пакет от одного из руководителей региональной администрации, в котором было сказано, что поскольку ядерные объекты являются федеральной собственностью и не стоят на балансе у администрации области, то областная администрация не считает обязательным вкладывать деньги в эти объекты и даже предоставлять налоговые льготы. Региональными властями это воспринимается как какая-то работа, которая должна финансироваться из центра.

МНЭПР заработает только тогда, когда все поймут необходимость вкладывать средства в реализацию проектов, поскольку условием МНЭПР является освобождение как от местных, так и от региональных налогов. Если главы регионов хотят, чтобы в их регио-

нах проводилась очистка территории, повышались экологическая безопасность и уровень занятости на предприятиях, то они должны внести свою лепту, хотя бы в виде освобождения от налогов. Таких мелочей достаточно много.

Я думаю, нам удастся до конца продумать хотя бы механизм освобождения от акцизов. Многие говорят, что он невозможен, но если мы его создали, то должны и дальше разрабатывать. Поэтому МНЭПР – это прекрасный стимул отладить наши внутренние отношения. С международной точки зрения – это хороший инструмент для использования тех средств, которые сегодня заявлены, причем в большей степени именно заявлены, а не реально выделены нашими партнерами. Общеизвестно, что Фонд Северного измерения, управляемый Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), уже собрал достаточно солидные суммы: сегодня они, по разным оценкам, уже превышают 150 млн долл., которые адресно переведены в этот Фонд для решения ядерно-экологических проблем России. До недавнего времени механизма использования этих денег не было, так как основным условием было заключение соглашения по МНЭПР, в котором должен был быть описан данный механизм. Мы надеемся, что после подписания Соглашения МНЭПР деньги пойдут и через этот источник, и мы начнем решать наши ядерно-экологические проблемы более эффективно, особенно на Северо-Западе России.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какие направления приоритетны с точки зрения Минатома в рамках собственно утилизации АПЛ: разделка, безопасное хранение облученного ядерного топлива (ОЯТ) и радиоактивных отходов?

АНТИПОВ: Начнем с вопроса, собственно ради чего проводится утилизация АПЛ. Прежде всего, конечно, из-за ОЯТ. Если извлечь его из лодок и обеспечить безопасное хранение, переработку, то проблема утилизации самих лодок так остро стоять не будет: это будут просто стальные корпуса с оборудованием и радиоактивные отходы. Понимание, что делать с РАО, которые образуются при утилизации лодки, отсутствует. Кроме того, вновь появляются и вопросы финансирования. Жидкие радиоактивные отходы перерабатываются на тех же заводах, где идет утилизация. Все они обладают специальными установками, которые являются более или менее современными, но в той или иной степени позволяют перерабатывать все жидкие радиоактивные отходы. Проблема твердых отходов решается по-другому. По сути, твердыми отходами является весь реакторный отсек. Сегодня во всем мире этот вопрос решается одинаково. Отсек доводится до состояния герметичности, когда его можно хранить в течение долгих лет, пока естественным образом радиация не уменьшится в несколько раз. После этого отсек можно будет дезактивировать. Единственное, чего у нас не хватает, – это наземной площадки для отсеков, и нам нужна международная помощь для решения этого вопроса. В частности, Германия собирается в этом нам помочь.

Мы с вами оставили за пределами нашего обсуждения еще одну важную проблему. Я сейчас говорил только о тех отходах, которые находятся в лодках. Всего у нас было выведено из состава 192 лодки. Лодки эти много лет эксплуатировались, и топливо и радиоактивные отходы складировались на береговых технических базах флота. Таких баз четыре: две – на Севере, еще две – на Дальнем Востоке. Главная проблема заключается в том, что сегодня количество радиоактивных отходов и топлива, которое находится на этих базах, превышает то количество, которое находится в лодках. Поэтому приступить к решению этой проблемы гораздо сложнее. Базы пребывают в крайне неудовлетворительном состоянии. Зачастую они находились в ведении флота и только в 1999 г. были переданы Минатому. Наша задача – разобраться, какие материалы там есть, разработать четкие программы и планы по их утилизации и, наконец, эти планы реализовать. То есть, если говорить в процентном отношении, проблема береговых баз и радиоактивных отходов, которые там хранятся, является большей проблемой, чем проблема подводных лодок. Это видно и по финансовым вкладам, которые мы осуществляем: большая часть денег идет на работу по береговым базам. Когда мы говорим «утилизация лодок», мы опускаем слово «комплексная», однако всегда имеем его в виду. Комплексная утилизация атомных подводных лодок включает и все вопросы, которые мы решаем на берегу.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Как складываются ваши отношения с Военно-морским флотом по вопросу утилизации многоцелевых атомных подводных лодок?

АНТИПОВ: Флот является таким же исполнителем, как и Минатом. Наши отношения можно охарактеризовать как нормально-деловые, когда есть одинаковые, а иногда и не вполне совпадающие точки зрения. В спорах пытаемся найти истину.

Каковы основные проблемы в этой области? Когда лодка выведена из эксплуатации и более не является боевой единицей, она все еще остается в ведении флота. Такая лодка ложится тяжелым бременем на плечи флота: необходимо содержать экипаж, обеспечивать безопасность лодки, ядерную и техническую, ее непотопляемость. Для этого приходится содержать довольно обширную инфраструктуру. Например, база в Гремихе – это в прошлом боевая база флота, на которой теперь находятся только корабли в отстое. Флот, соответственно, стремится как можно скорее передать эти лодки Минатому, а если точнее, то предприятиям, которые занимаются непосредственно утилизацией. Минатом становится координатором, а непосредственно выполняют работы либо предприятия Военно-морского флота, либо судостроительные заводы, где Минатом выступает заказчиком. В свою очередь, заводы и, соответственно, Минатом стремятся брать лодки с темпом, с которым они могут быть утилизированы. Этот темп определяется финансированием. Поэтому баланс интересов и есть некая проблема: флот пытается сдать как можно больше лодок, а мы стремимся брать ровно столько, сколько можем утилизировать.

Российское финансирование сегодня не отвечает тем задачам, которые перед нами поставлены. Поэтому мы обращаем на это внимание мирового сообщества и ждем помощи, большей частью финансовой. К сожалению, на сегодня мы ее в нужном количестве не получаем. Единственным реальным источником финансирования является программа Совместного уменьшения угрозы. Однако американцы дают деньги только на утилизацию российских стратегических лодок. Что же касается многоцелевых АПЛ, то единственная страна, с которой заключен контракт на утилизацию двух АПЛ, – это Норвегия. Ни с какими другими странами договоренностей пока нет, хотя переговоры в этом направлении достаточно далеко продвинулись, например с Японией, Германией, Великобританией. Поэтому какие-либо антагонистические противоречия отсутствуют, а тактические, конечно же, существуют. В октябре 2003 г. проводилось межведомственное совещание с присутствием представителей флота, Российского агентства по судостроению, Минатома. Мы планировали свою деятельность в области утилизации на будущий год. По отзывам участников, это совещание было наиболее конструктивным за последний год, и основные противоречия были сведены к минимуму.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вопрос о сотрудничестве с Министерством обороны в деле утилизации атомных подводных лодок. По вашему мнению, как здесь обеспечивается безопасность, все ли благополучно?

АНТИПОВ: Проблема обеспечения безопасности, конечно, является ключевой: ведь по сути все подчинено ее решению. Сама по себе проблема утилизации – это и есть проблема безопасности. Она требует (и получает) максимального внимания, максимального финансирования, абсолютного понимания всей ее важности всеми участниками, флотом, предприятиями Россудостроения, Минатомом. Но здесь есть, как всегда, нюансы, которые заключаются в том, что каждый участник видит прежде всего те проблемы, связанные с безопасностью, которые входят в сферу его ответственности. А иногда нужно заглянуть и за горизонт. В этом плане Минатом, являясь государственным заказчиком и координатором, как бы стоит выше всех и дальше видит. Поэтому нам приходится координировать все вопросы, в том числе и вопросы безопасности.

В последнее время в прессе часто встречается мнение, что Минатом сам себя контролирует. Однако это не так. Для этого у нас есть два контролирующих органа: по гражданской ядерной безопасности – Госатомнадзор и по военной безопасности – Государственное управление по ядерному надзору. И они проявляют очень большую заинтересованность в результате своего контроля, при этом не в ущерб безопасности, а с повышением требований и критериев. Мы им признались, что те два печальных инцидента, которые произошли в последнее время – потопление лодки и неорганизованность процесса, которая привела хотя и в рамках допустимого, но все же к облучению персонала в Гремихе, – еще раз подтверждают, что нам надо уделять предельное внимание вопро-

сам безопасности. Объективно условия, в которых мы сейчас работаем, очень напоминают ситуацию в «Сталкере», когда не всегда знаешь, что ждет впереди.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Не может ли случиться именно так, что деньги пойдут как раз на подъем затонувшей лодки К-159 и процесс финансирования активизируется в результате этого печального события? И еще чисто формальное уточнение: лодка К-159 на момент гибели принадлежала флоту или Минатому?

АНТИПОВ: К-159 принадлежала флоту. Лодка как раз переводилась на завод, и если бы она дошла до места назначения, то была бы передана Минатому. К-159 стояла в графике утилизации на этот год, но теперь она по-прежнему остается на балансе флота.

Что касается денег, то трудно сказать, увеличатся или уменьшатся поступления в результате этого инцидента. Я надеюсь на взвешенный, разумный подход наших западных партнеров. По крайней мере это не должно снизить темпы усилий. Эта ситуация показывает, что действительно реальная опасность существует. С ней надо бороться. Более внимательно наблюдать, усилить контроль, но снижать темпы работ ни в коем случае нельзя.

Что касается российского бюджета, то он является прерогативой правительства и Государственной думы; по крайней мере я не слышал, что это должно привести к снижению, а не, наоборот, к увеличению внимания к этой проблеме. Для себя в Минатоме мы сделали однозначный вывод, что нам нужно внимательно посмотреть на приоритеты расходования денег. Несмотря на то, что денег не хватает, они все же имеются, и необходимо очень внимательно отслеживать их расходование. Это заставляет нас еще более внимательно проанализировать те приоритеты, те технологии, которые мы используем.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Последний вопрос по Глобальному партнерству. Если посмотреть по странам, которые заявили о выделении средств, то как вы можете оценить, с кем идет сейчас наиболее динамично процесс заявок о выделении и получении средств на утилизацию АПЛ, где процесс идет медленно, где вообще не сдвинулся с мертвой точки?

АНТИПОВ: Если использовать спортивную терминологию, то финишной ленточки пока не пересек никто. Ни одна из стран-участниц Глобального партнерства не сумела довести наше взаимодействие до того состояния, когда мы бы заключили контракт и получили какие-то деньги. Я не говорю здесь о Норвегии, поскольку формально она не является членом «Большой восьмерки», но в качестве присоединившейся страны после Эвиана она тем не менее тоже может рассматриваться. Норвегия – это единственная страна, которая заключила реальные контракты и начала финансирование утилизации двух лодок.

После подписания межправительственного соглашения с Германией будет заключено несколько контрактов с немецкой стороной по строительству берегового пункта хранения для реакторных отсеков в Сайда-губе, и мы надеемся начать реализацию этих контрактов уже в этом году.

С Великобританией мы подписали межправительственное соглашение во время визита Президента В. В. Путина этим летом в Лондон и нашли механизм максимально простого и быстрого получения исполнительного соглашения через обмен письмами. Мы наметили конкретные проекты, и я надеюсь, что если не в этом году, то в начале следующего будут заключены контракты по этим проектам³.

Менее оптимистично я смотрю на развитие процесса с Японией, хотя, казалось, с Японией мы были наиболее близки к финишной черте, так как этим летом совместно подписали исполнительное соглашение. Прорабатывается контракт на утилизацию лодки класса «Виктор» на заводе «Звезда». Мы очень хотели подписать этот контракт еще в августе, но сроки неоднократно переносились. Честно говоря, я вижу некие искусственные препятствия, которые выдвигаются с японской стороны. Я не знаю, с чем это связано, скорее всего, это какие-то политические влияния внутри Японии. Мы договорились провести заседание совместного российско-японского комитета по этой проблеме в конце ноября, и, может, нам удастся разрешить те пока непонятные противоречия, неясности, которые имеются на данный момент⁴.

Франция, которая является председателем «Большой восьмерки» в этом году и, по идее, должна служить примером развития практических действий, очень много времени тратит на обсуждения, политические заявления, а не на конструктивный обмен мнениями. И сегодня я не вижу ни одного конкретного контракта с Францией, который может быть заключен в ближайшее время, если не считать контракт с Мурманским морским пароходством по плавтехбазе «Лепсе». Этот проект с большой натяжкой можно отнести к Глобальному партнерству, поскольку он начался задолго до выдвижения инициативы по Глобальному партнерству. Здесь хотелось бы отметить, что существует общая тенденция со стороны партнеров России подтянуть всю их деятельность под зонтик Глобального партнерства. Но мы готовы и на таких условиях получать помощь, если это ведет к усилению безопасности, экологической или ядерной.

Что касается Италии, то мы подписали межправительственное соглашение в ходе визита Президента В. В. Путина в Рим в ноябре 2003 г. После этого мы с Италией выберем из шести проектов, предварительно обозначенных для сотрудничества, тот, который можно реализовать быстрее всего. Необходимо сказать, что подход итальянской стороны отличается от подходов других стран. Италия с самого начала определила конкретную фирму, которая будет представлять эту страну, в то время как другие страны представляют различные ведомства. К чему это приведет, покажет будущее, фирма известная, у меня нет к ней никаких претензий, но боюсь, что подмена понятия государства понятием фирмы может вызвать некие сложности во взаимоотношениях.

С Канадой ситуация складывается следующим образом. Канада объявила еще в апреле 2003 г. о своем намерении выделять финансирование для утилизации примерно трех лодок в год. Канада пообещала в очень короткий срок, буквально в течение нескольких недель, подготовить проект межправительственного соглашения для осуществления этой деятельности. Кроме того, она определила деньги уже в этом финансовом году, которые могут идти на разные направления деятельности. Но, как выяснилось, эти деньги не могут быть получены Россией, так как межправительственного соглашения по-прежнему нет, а проект соглашения, который предложила нам Канада, имеет такое большое количество сложностей и точек столкновения интересов стран, что могут потребоваться годы на то, чтобы договориться о соглашении. Мы, со своей стороны, предлагаем упростить это соглашение, брать апробированные формулировки по различным направлениям деятельности, по ответственности, налогообложению из уже действующих соглашений, например МНЭПР, но пока не находим в этом отношении полного взаимопонимания с канадской стороной. Вот почему я опасаясь, что в ближайшее время ожидать помощи от Канады не придется.

США в проблеме утилизации многоцелевых лодок в рамках Глобального партнерства стоят особняком: с самого начала они заявили, что на утилизацию многоцелевых лодок по Глобальному партнерству денег давать не будут, так как считают, что достаточно того, что они дают деньги на утилизацию стратегических лодок и на другие программы, скажем, на программы трудоустройства ученых-ядерщиков в закрытых городах, на проблемы утилизации плутония. В данном случае наша позиция заключается в том, что мы будем признательны нашим партнерам за предоставление помощи в любых областях, которые они выберут.

Наше сотрудничество со Швецией в основном посвящено проблемам береговых баз, экологического мониторинга, радиационной разведки, разработки совместных проектов. Это небольшие деньги, но тем не менее они реальные. Кстати, Великобритания тоже помогает в этом направлении.

Финляндия участвует через программы TACIS по проблеме безопасности атомных электростанций. Но я все-таки стараюсь эту проблему в рамках Глобального партнерства не рассматривать.

Многие из оставшихся стран (кроме Норвегии) пока даже не заявляли о своей помощи.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Вы упомянули программу Совместного уменьшения угрозы как удачный пример сотрудничества. Чувствуете ли вы в последнее время какие-либо увязки, так или иначе направленные на продолжение оказания помощи американцев совместно с Минатомом в завершении строительства атомной станции в Бушере?

АНТИПОВ: Конечно, прямых увязок нет. Есть некие условия продолжения сотрудничества, которые иногда упоминаются. Это условия, связанные, например, со статьями по гражданской ответственности. Здесь американцы открыто говорят, что если мы не изменим свою позицию, то они не только сами начнут сворачивать сотрудничество с нами, но и еще будут оказывать влияние на своих коллег из других стран. Но тема Бушера в этом контексте не звучит. По крайней мере в том секторе деятельности, информация по которому мне доступна.

Примечания

¹ Интервью было взято 1 октября 2003г. *Прим.ред.*

² Полное название: Федеральный Закон от 04.05.99 N 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» (закон о технической помощи 1995 г.). *Прим. ред.*

³ 19 ноября 2003 г. Россией и Великобританией было подписано четыре контракта, направленные на решение проблем ядерной и радиационной безопасности в Мурманской области, подписаны в Мурманске между Минатомом России и Минэкономки Великобритании в ходе работы 17-го заседания контактно-экспертной группы МАГАТЭ. Три контракта касаются реабилитации хранилища радиационных отходов и отработанного ядерного топлива в губе Андреева. В частности, речь идет о создании крыши над блоками сухого хранения, обследования помещения N5 и комплексного обследования самого хранилища. Четвертый контракт предусматривает разработку проекта по созданию наземного хранилища для ОЯТ, которое не подлежит переработке и находится в трюмах плавтехбазы “Лотта”. В качестве первого транша на решение проблем реабилитации хранилища в губе Андреева Великобритания выделила 8 млн долларов. *Прим. ред.*

⁴ 14 ноября в Москве состоялось 19-е заседание Правления японо-российского комитета по сотрудничеству в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в России ядерного оружия. В ходе заседания была подтверждена договоренность сторон относительно содержания финансового и рабочего контрактов для осуществления проекта демонтажа атомной подводной лодки класса *Виктор-3*. *Прим. ред.*

Июньский саммит «восьмерки» во французском Эвиане подвел промежуточные итоги первого года реализации инициативы по Глобальному партнерству против распространения оружия и материалов массового уничтожения (ГП). Что же удалось сделать за время, прошедшее с момента появления этой инициативы? Какие проблемы предстоит решить перед следующим саммитом – на острове Морской?

Для ответа на эти вопросы необходимо кратко напомнить основные моменты инициативы по ГП, решение о запуске которой было принято в 2002 г. на саммите «восьмерки» в Кананаскисе. Предполагается, что ГП поможет решить одну из главных задач в области международной безопасности – не допустить того, чтобы террористы или те, кто их укрывает, смогли приобрести либо разработать оружие массового уничтожения (ОМУ). Лидеры «восьмерки» условились оказать поддержку конкретным проектам сотрудничества, первоначально в России, для решения вопросов нераспространения, разоружения, борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности. Причем в зачет идут как действующие программы, так и будущие проекты. Среди приоритетов – уничтожение химического оружия (ХО), утилизация списанных атомных подводных лодок (АПЛ), обращение с расщепляющимися материалами и трудоустройство бывших ученых-оружейников. Лидеры стран «восьмерки» приняли обязательство ассигновать до 20 млрд долл. на такие проекты в течение ближайших десяти лет.

В Кананаскисе был также принят свод или перечень основных положений (норм), так называемые Основные направления (ОНАП), которые стали основой для переговоров по конкретным соглашениям о новых проектах. Речь идет о фиксации в соглашениях льготных положений по налогообложению, освобождению от материальной ответственности, транспарентности расходования средств, о допуске на объекты и др.

Для координации деятельности стран «восьмерки» по ГП был создан специальный механизм – Группа старших должностных лиц (СДЛ), которая практически ежемесячно собиралась для решения конкретных проблем. В каждой стране были определены чиновники и подразделения в соответствующих министерствах, в обязанности которых входит повседневный контроль за проектами ГП. Например, в США эту работу курирует старший заместитель госсекретаря Дж. Болтон, в Канаде – замминистра иностранных дел Дж. Райт, которые лично принимают участие в работе СДЛ.

Первоначально на Западе звучала обеспокоенность в отношении того, как в России будет решен вопрос координации ведомств в рамках их деятельности по ГП. С учетом важности данной проблемы у нас был создан межведомственный механизм под руководством Председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова. В заинтересованных министерствах и ведомствах определены координаторы на уровне замминистра. В МИД РФ для этих целей назначен посол по особым поручениям, а в Департаменте по вопросам безопасности и разоружения создан специальный отдел.

В Эвиане лидеры «восьмерки» одобрили доклад СДЛ о работе за год, но главное – План действий (ПД) на следующий год¹. Было объявлено, что за год удалось получить подтверждение финансовых обязательств от стран «восьмерки» в размере 18 млрд долл., включая 2 млрд долл. от России (причем здесь обозначен российский вклад по двум приоритетным для Москвы направлениям – уничтожение ХО и утилизация списанных АПЛ).

Так сегодня выглядят суммы обязательств стран-участниц ГП в млн долл. США на 10 лет:

Канада	727 (1 млрд канад. долл.)
Франция	883 (750 млн евро)
Германия	1700 (1,5 млрд евро)
Италия	1200 (1 млрд евро)
Япония	200
Россия	2000
Великобритания	750
США	10 000
ЕС	1200 (1 млрд евро)
Норвегия	14 (14 млн норв. крон)
Швеция	0,5
Швейцария	13 (17 млн швейц. фр.)

Таким образом, вся сумма обязательств стран составляет 18,6 млрд долл. США².

Необходимо подчеркнуть, что эти цифры – лишь **обязательства** (здесь и далее выделено автором) стран, но отнюдь не **выделенные** средства. Важно, что по объемам некоторые страны, например США, ограничились прежним, то есть существовавшим до Канадского соглашения, уровнем финансирования. Что касается обязательств ЕС и особенно Японии с учетом ее экономического положения, то их показатели пока явно не оправдывают ожиданий.

Каковы же практические результаты года ГП? Хотелось бы кратко обозначить основные моменты с акцентом на два российских приоритета на базе доклада СДЛ для Эвиана³.

Во-первых, уничтожение ХО. Запущена первая очередь построенного с помощью Германии, Финляндии, Нидерландов и ЕС объекта по уничтожению ХО в поселке Горный Саратовской области. Это позволило в апреле 2003 г. уничтожить 400 т ХО, то есть 1% российского арсенала этого оружия. Тем самым были выполнены международные обязательства России по Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). Германия при поддержке ЕС согласилась продолжить работу по расширению объекта в Горном, а также оказать содействие в создании другого объекта в Камбарке. США в этом году выделили – после непростых политических шагов и маневров – более 160 млн долл. на строительство объекта в Щучьем Курганской области. Канадцы заявили о готовности предоставить в нынешнем финансовом году (начался с 1 апреля) 30 млн канад. долл. Великобритания недавно решила выделить 100 млн долл. на 10 лет на программы уничтожения ХО в России⁴.

Во-вторых, утилизация списанных АПЛ. До 2010 г. России предстоит утилизировать свыше ста многоцелевых АПЛ, два надводных корабля с ядерными энергетическими установками, несколько судов атомного технологического обслуживания (плавучие хранилища радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива).

В июне Россия и Япония подписали исполнительное соглашение, которое позволило приступить к утилизации АПЛ класса «Виктор». Этот пилотный проект может стать первым шагом к еще более важным договоренностям по утилизации списанных 41 АПЛ общего на-

значения, находящиеся на Дальнем Востоке. Также в июне подписаны контракты с Норвегией по утилизации двух АПЛ общего назначения. Канада объявила о готовности утилизировать три АПЛ общего назначения, начиная со следующего своего финансового года. Активно продвигается взаимодействие с Германией, которая намерена выделить несколько сотен миллионов долларов на проект в губе Сайда, что позволит серьезно продвинуться в решении задачи по утилизации 48 списанных АПЛ, находящихся на Северо-Западе России. Великобритания планирует израсходовать около 100 млн долл. США для этих же целей. США по-прежнему концентрируются на утилизации стратегических АПЛ.

Внимательное изучение доклада СДЛ «восьмерки» для Эвиана показывает, что российская сторона на начальном этапе проработала конкретные предложения партнерам по своим приоритетам. Однако ясно, что далеко не все страны откликнулись на них положительно. Можно только догадываться о причинах таких решений, среди которых, видимо, стоит выделить сложность проектов, необходимость больших инвестиций, сохраняющееся недоверие на Западе к эффективности использования выделяемых России средств, разрыв между политическими декларациями и готовностью чиновников выполнять принятые решения. Не последнюю роль играет «двойственная» политика США (об этом несколько ниже), и, разумеется, есть другие причины.

Одним из центральных вопросов ГП за прошедший год было создание необходимых условий, в первую очередь правового характера, которые позволили бы быстро и эффективно решать все проблемы конкретных проектов. В плане действий по ГП поставлена задача «решить все остающиеся неурегулированными проблемы реализации и продолжить анализ практического осуществления руководящих принципов, имея в виду необходимость одинакового отношения к партнерам, отражающего подход в духе сотрудничества»⁵.

Из этого факта можно сделать несколько выводов.

Во-первых, год ГП не позволил решить все проблемы. И это несмотря на то, что эти проблемы, как говорится в отчете СДЛ, обсуждалась на каждой их встрече.

Во-вторых, данный вопрос остается весьма острым и при определенных негативных условиях может превратиться в серьезный раздражитель в отношениях некоторых западных стран и России. Сейчас все отчетливее это просматривается на примере российско-американских противоречий по освобождению от материальной / гражданской ответственности (ОМО) за возможный ущерб при осуществлении проектов в области разоружения и нераспространения.

В-третьих, реальное партнерство, что, собственно, предполагает ГП, пока не сложилось между Россией и западными странами. Россия решительно отстаивает позицию о готовности к сотрудничеству на основе международно признанных норм и выступает против создания какого-либо специфического политико-юридического режима в отношении взаимодействия в рамках ГП. Далеко не всегда наша страна находит здесь должное понимание со стороны партнеров.

Несмотря на все эти проблемы, российские усилия по созданию необходимых условий для реализации проектов ГП были позитивно оценены всеми лидерами «восьмерки». В документах Эвиана отмечено: «Российское правительство приняло **достойные одобрения решения** по обеспечению выполнения руководящих принципов, в частности по полному освобождению содействия от налогообложения, пошлин, сборов и других вы плат. В отношении других вопросов также ведется интенсивная работа»⁶.

Как видно из сообщений для печати МИД РФ⁷, вопрос по освобождению от налогообложения согласовывался в России не просто. Это было сделано в контексте переговоров по Соглашению о ядерно-экологической программе в Российской Федерации (МНЭПР). 12 марта 2003 г. на совещании у Председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова было принято принципиальное решение освободить иностранных физических и юридических лиц, участвующих в реализации проектов в рамках МНЭПР, от обложения налогом на добавленную стоимость и от других сборов в отношении оборудования и товаров, приобретаемых на территории Российской Федерации, а также выполненных ими работ и оказанных услуг. Данное решение нашло отражение в тексте Соглашения МНЭПР, которое было подписано 21 мая в Стокгольме.

В Соглашении МНЭПР и в Протоколе по вопросам претензий, судебных разбирательств и освобождения от материальной ответственности (далее – Протокол) удалось найти компромиссное решение, по крайней мере, с европейскими партнерами по вопросам ОМО за ядерный ущерб. Американцы, присоединившись к Соглашению МНЭПР, не подписали Протокол и сделали соответствующее заявление на церемонии подписания (далее эти два документа – Соглашение МНЭПР). С учетом важности и сложности проблемы ОМО рассмотрим ее отдельно несколько позднее.

Предполагается, что положения Соглашения МНЭПР по освобождению от налогообложения и материальной ответственности в дальнейшем будут использованы в качестве образца (но только не для США) для заключения двусторонних договоренностей по ГП. Причем первые примеры такого использования уже имеются. Так, во время государственного визита В.В. Путина в Великобританию было подписано Дополнительное соглашение к российско-британскому Соглашению о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. В этом новом Соглашении использованы положения Соглашения МНЭПР по ОМО. Аналогичные планы имеются у канадцев и французов, которым еще предстоит согласовать ряд двусторонних соглашений с Россией.

Продолжает остро стоять проблема допуска к объектам. Как видно из отчета СДЛ к Эвиану, российская сторона внесла предложение об упрощении процедуры доступа на объекты за счет сокращения срока предварительного уведомления: 30 дней вместо 45 до планируемого визита. Схема решения проблемы: страны должны заранее, скажем, в начале года, представлять общий список своих граждан, которых предполагается направить на объекты двустороннего сотрудничества в течение года. СДЛ признали, что это российское предложение является шагом вперед по сравнению с предыдущей практикой. Разумеется, все ждут, как будет на практике реализовываться эта инициатива.

Одновременно обращает на себя внимание то, что некоторые партнеры (в отчете СДЛ не фигурируют конкретные страны) считают такое российское предложение «недостаточным». В то же время остается неясным: какой же срок предварительного запроса приемлем для коллег из стран «восьмерки»? Что стоит за таким негативизмом? Нежелание понять, что проекты будут осуществляться в большинстве случаев на объектах, в отношении которых действуют соответствующие режимные правила? Интересно, как бы реагировали западные страны на подобные **российские требования**. Известно, как трепетно американцы относятся к проблеме допуска на свои объекты биоиндустрии, что, кстати, явилось одной из основных причин срыва переговоров по созданию контрольного механизма Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО).

При этом необходимо обратить внимание на тезисы в документах Кананаскиса в отношении вопроса о допуске стран-доноров на объекты. Там речь идет об «адекватном» или «надлежащем» допуске, что, разумеется, позволяет по-разному трактовать содержание договоренностей по данной проблеме.

Среди перечня норм ОНАП, необходимых для успешного сотрудничества, можно выделить менее острые вопросы. Это касается обязательств о том, что «материалы, оборудование, технологии, услуги и экспертный опыт будут предоставляться исключительно в мирных целях», и о том, что «представителям правительств стран-доноров будут предоставляться соответствующие привилегии и иммунитеты».

При всей правильности и обоснованности данных положений, их будет весьма трудно полностью реализовать на практике. Если, например, речь идет о ремонте дороги между объектами или моста, то значит ли это, что после ремонта по ним не могут передвигаться воинские части или перевозиться военная техника? Что значит фраза о «соответствующих иммунитетах»? Вряд ли российская сторона пойдет на предоставление дипломатического статуса иностранным специалистам. Однако будет ли достаточным для доноров получение льгот для своих граждан в объеме тех, которые имеет административно-технический персонал посольств?

Остальные нормы ОНАП, такие как мониторинг, аудиторская проверка и бухгалтерский учет средств и т. п., как видно из документов Эвиана, не выносились на обсуждение в

рамках работы СДЛ. Это может свидетельствовать о том, что никаких проблем, по крайней мере пока, в двусторонних отношениях по этим сюжетам не возникает.

Таким образом, результаты первого года ГП оставляют смешанное впечатление. Продолжается прежнее сотрудничество со странами «восьмерки», и это уже можно отнести к позитиву. Однако кардинальных изменений не произошло. Подавляющее большинство конкретных проектов – результат «старых» наработок. В отчете СДЛ в основном фигурируют будущие планы. Новых заделов мало. Пожалуй, здесь можно упомянуть лишь Германию, с которой сотрудничество развивается прагматично и эффективно. Главный донор ГП – США не собирается расширять сотрудничество, подтягивая все проекты под новый «зонтик» под названием ГП. Переговоры по юридической фиксации положений ОНАП в двусторонних соглашениях идут трудно и медленно. Один из немногих результатов – Соглашение МНЭПР, переговоры по которому длились более четырех лет.

Каковы же проблемы, которые необходимо решить в ближайшей перспективе, принимая во внимание задачи, поставленные лидерами «восьмерки» в Эвиане? Как их можно решить с учетом практических проблем по реализации конкретных проектов в области разоружения и нераспространения в России?

Лидеры «восьмерки» зафиксировали в эвианском ПД задачу добиться увеличения общей **заявленной** суммы на ГП до 20 млрд долл. за счет вкладов новых доноров или дополнительных ассигнований со стороны стран «восьмерки». Понятно, что работа по расширению «клуба» доноров будет и должна быть продолжена. Первые успехи уже есть. Новыми участниками ГП стали Норвегия, Нидерланды, Польша, Швеция, Швейцария и Финляндия. Представители этих стран уже приняли участие в качестве полноправных членов «клуба» ГП в июньской встрече СДЛ «восьмерки»⁸.

Странам «восьмерки», в первую очередь США, еще предстоит подумать о путях реализации американской идеи по зачету задолженности России западным странам в обмен на собственное финансирование программ нераспространения и разоружения. Пока в этом направлении ничего не происходит.

Сегодня много спорят о том, является ли цифра 20 млрд долл. на цели ГП пределом усилий международного сообщества или же это начальный показатель долгосрочного финансирования текущих и будущих проектов. Некоторые эксперты полагают, что в этом вопросе необходимо четко придерживаться документов Кананаскиса, в которых зафиксировано обязательство ассигновать на нужды ГП до 20 млрд долл. Однако с учетом масштаба стоящих задач и перспективы реализации конкретных проектов на всем пространстве бывшего СССР, а возможно, и в других странах, данная цифра, как представляется, должна рассматриваться как начальный показатель.

Другой, и весьма деликатной, является проблема расходования выделяемых средств, но не в России, а в странах-донорах. Не секрет, например, что из ежегодного американского 1 млрд долл. на программы в странах СНГ большая часть не доходит до этих государств. По неофициальным оценкам американских экспертов, от 60 до 70% всех выделяемых средств остается в США. Думается, что эта практика мало кого устроит (разумеется, за исключением американцев), да и эффективность такой «помощи» резко падает. Кстати, это одна из причин увеличения стоимости разоруженческих проектов в России.

Уже в первый год ГП развернулась дискуссия по приоритетам этой инициативы, тем более что с учетом явной расплывчатости документов Кананаскиса каждая страна может найти там представляющие для нее интерес направления сотрудничества. Так, США и Франция настаивают на расширении общепризнанных приоритетов ГП за счет сотрудничества в биосфере, а ЕС – за счет ядерной безопасности. Группа влиятельных международных НПО предлагает включить в основные направления взаимодействия, например, вопросы тактического ядерного оружия, биобезопасности, экспортного контроля и усиления охраны границ и др.⁹ В недавней публикации американского Центра стратегических и международных исследований предлагается больше усилий сконцентрировать на краткосрочных программах по повышению безопасности хранения российского ядерного оружия, топлива для атомных реакторов, которые используют высокообога-

щенный уран, выработке глобальных стандартов безопасности для обращения с опасными патогенами и др.¹⁰.

Вряд ли надо ставить под сомнение важность вышеперечисленных проблем для решения вопросов глобальной безопасности, в первую очередь в борьбе с международным терроризмом. Любая деятельность в области предотвращения нераспространения ОМУ и ускорения процесса разоружения полезна. Однако нельзя и согласиться с авторами этих идей о расширении первоочередных задач ГП уже на этом этапе реализации данной инициативы. Еще слишком мало сделано для решения приоритетных проблем. Пока, как представляется, необходимо концентрироваться на них. В противном случае мы будем распылять силы и средства, что негативно скажется на всем процессе реализации ГП. Пересмотр приоритетов и расширение сфер взаимодействия – это вопросы будущего.

В Эвиане на одно из первых мест поставлена задача расширения деятельности по реализации проектов. Другими словами, речь идет о кардинальном увеличении количества новых проектов на приоритетных направлениях. Один из важнейших вопросов в этом контексте – будут ли реально выделены средства в западных странах на нужды ГП или же заявления некоторых лидеров «восьмерки» останутся лишь декларациями о намерениях. От решения этой задачи будет зависеть успех второго года ГП. Много предстоит сделать с канадцами, французами и итальянцами для выхода на конкретные договоренности. К сожалению, еще не преодолена в некоторых странах определенная инертность, проявляемая в реализации политических договоренностей Кананаскиса.

Настораживают нет-нет да и появляющиеся заявления на Западе о «недовыполнении» Россией обязательств в рамках ГП и даже «неготовности» реализовать в полном объеме положения ОНАП. В основном это касается тех моментов, по которым у нас разные подходы, например с США по проблеме освобождения от ответственности за материальный ущерб.

Однако здесь следует напомнить, что в отношении ОНАП в документах Кананаскиса говорится о возможности их использования в качестве «базы» или «основы» для переговоров. Даются рекомендации фиксировать их в двусторонних соглашениях «при необходимости» и при учете национальных законодательств и международных обязательств сторон. С учетом этих тезисов возникает законный вопрос: не скрывается ли за лозунгами с критикой России стремление некоторых стран скрыть свою медлительность и неготовность к конкретной работе или даже «перевалить» ответственность за «пробуксовку» ГП на российскую сторону?

Одна из важнейших задач на ближайший год – продолжить формирование необходимой юридической базы для сотрудничества по ГП. Нынешние двусторонние соглашения с США, Японией, Германией, Великобританией, Италией позволяют двигаться вперед. С Канадой предстоит такие договоренности выработать. С Францией осталось урегулировать вопросы взаимодействия в области уничтожения ХО.

В 2004 г. председательство в «восьмерке» перейдет к США, от позиции которых во многом и без этого зависит ход ГП. Анализ участия США в ГП показывает «двойственные» результаты¹¹.

С одной стороны, Вашингтон является крупнейшим донором российских программ по разоружению и нераспространению. Американцы постоянно публично подчеркивают свою заинтересованность в решении задач ГП в России. С другой – налицо крайне выраженная политизированность отношения администрации Белого дома к сотрудничеству с Россией. Широко известны условия Конгресса США по выделению финансовых средств для строительства объекта по уничтожению ХО в Щучьем. Постоянно звучат жесткие обвинения России в нарушении обязательств по режимам нераспространения. Таких примеров много. Все это мешает прагматичному, поступательному и эффективному сотрудничеству двух стран.

Примечательно, что такой ситуации нет ни с кем из других стран-участниц ГП. Хотелось бы поддержать некоторые выводы уже упоминавшегося доклада группы международных НПО о том, что имеющиеся расхождения между Россией и партнерами (политичес-

кие и экономические) не должны мешать реализации ГП, а само партнерство не должно становиться заложником возможных противоречий между нами¹².

Таким образом, складывается впечатление, что начало ГП не привнесло положительных элементов в российско-американское взаимодействие. По некоторым аспектам ощущается даже «откат». Например, в июле 2003 г. США заявили о нежелании продлить действие Соглашений по осуществлению инициативы «Атомные города», а также о научно-техническом сотрудничестве в области обращения с плутонием, изъятым из ядерных военных программ. А предмет этих Соглашений напрямую связан с приоритетами ГП!

В чем же дело? В соответствующем заявлении министра энергетики США С. Абрахама говорится, что главной причиной для такого американского шага является неудовлетворенность решением в данных Соглашениях вопроса по ОМО американской стороны. Здесь, как и при решении вопроса об участии в проектах Соглашения МНЭПР, речь идет об использовании соответствующих положений известного двустороннего Соглашения 1992 г. Для продавливания своей позиции США ужесточают требования даже в отношении соглашений, которые были полезны двум странам и по которым, по крайней мере официально, не звучало претензий ни с той ни с другой стороны.

В ПД, принятом в Эвиане, отмечается необходимость урегулирования всех нерешенных вопросов по ОНАП и проведения обзора практической реализации этого свода положений сотрудничества «с учетом необходимого соблюдения одинакового отношения к партнерам». Главной проблемой 2004 г., а возможно и более продолжительного времени, будет вопрос освобождения предоставляемой помощи от материальной/гражданской ответственности.

Попытаемся в этой статье широкими мазками обозначить данную проблему. Отметим, что, к сожалению, ясного и четкого изложения американской позиции по данному вопросу найти не удалось. Пока, как представляется, в заявлениях США (выступление американского посла при подписании Соглашения МНЭПР, уже упоминавшиеся заявления министра энергетики С. Абрахама, публикации бывших американских чиновников, работающих сейчас в различных неправительственных организациях (НПО)) содержится больше политических моментов, чем юридического объяснения.

Итак, США считают, что проблемы по ОМО должны быть урегулированы на основе положений российско-американского Соглашения 1992 г. относительно безопасных и надежных перевозок, хранения, уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия (далее – Соглашение 1992 г.). Это Соглашение содержит максимально возможные льготы, которые с того времени Россия больше никогда и никому не предоставляла: американская сторона получила освобождение своего персонала от ответственности за ядерный и неядерный ущерб даже при совершении иностранцами правонарушений, в том числе **преднамеренных действий**.

Американцы также отвергают возможность разбирательства подобных дел в российских судах, считая их необъективными. А решение возможного конфликта видится не в правовом поле, а в политическом. Американцы **в этом вопросе** подчеркивают, что Россия и США являются не противниками, а партнерами. Какие, мол, судебные иски могут быть между партнерами? Все проблемы, дескать, надо решать путем диалога.

Подчеркнем, что уже в 1993 г. – без обозначенных выше моментов по ОМО – было заключено российско-американское Соглашение о повышении эксплуатационной безопасности, мерах по снижению риска и нормам ядерной безопасности в отношении гражданских ядерных установок в Российской Федерации. По образцу последнего Соглашения были подписаны соответствующие двусторонние соглашения с Францией, Нидерландами, ФРГ, Норвегией и другими странами. За последние 10 лет на таких же условиях были заключены различные соглашения с США. Отметим, что Вашингтон с таким подходом соглашался. В противном случае не было бы этих юридических договоренностей.

Американцы исходят из того, что на проекты сотрудничества в рамках Соглашения 1993 г. с американским участием должны распространяться положения Соглашения между Российской Федерацией и США относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия.

При этом США настаивают на единственном режиме ответственности – договоренность в Соглашении 1992 г., требуя одновременно его незамедлительной ратификации. Его суть – абсолютное и ничем не ограниченное (по сумме и по времени) освобождение от ОМО по всем претензиям, причем фактически в любом суде мира. Тем самым ставится под сомнение и юрисдикционный иммунитет Российского государства.

Соглашение МНЭПР, основанное на принципах Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., также не содержит одиозных норм Соглашения 1992 г. по ОМО. Однако в Соглашении МНЭПР российская сторона пошла дальше положений Венской конвенции. Так, снята предельная сумма ответственности; предусматривается бессрочность обязательств по ОМО, более широкое освобождение от ответственности даже в случаях, если ядерный инцидент имел место в результате грубой небрежности и непреодолимой силы, вооруженного конфликта, военных действий, гражданской войны или восстания; арбитражный порядок разрешения споров по правилам Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Напомним, что США не подписали Протокол к Соглашению МНЭПР по ОМО. Американцы настаивают на заключении отдельного двустороннего Протокола с Россией по ОМО на основе положений Соглашения 1992 г. Пока же США не будут финансировать программы в рамках Соглашения МНЭПР.

Продвигая свои подходы по вопросам ОМО, американцы часто ссылаются на документы Кананаскиса, требуя от России «полного и безоговорочного» выполнения заложенных там соответствующих положений. Давайте еще раз взглянем на эти материалы в контексте данной проблемы.

В документах Кананаскиса действительно зафиксирована рекомендация о предоставлении **адекватной** защиты от судебных исков. Но «адекватная» защита не означает решение проблемы исключительно на основе американских пониманий. Видимо, принимая во внимание партнерский характер отношений в рамках ГП (если это действительно так), следует больше говорить о решении данной проблемы при учете взаимных интересов. Кстати, в документах канадского саммита «восьмерки» зафиксировано, что все сотрудничество будет осуществляться с учетом международных и национальных законодательств партнеров. Однако эти тезисы забываются американскими представителями.

Не совсем понятна логика США в отношении требований по ОМО в случае преднамеренных действий. Означает ли это, что американская сторона допускает такую возможность? Требуя от России юридических гарантий в данной области, готовы ли США дать таковые на предмет отсутствия в составе иностранного персонала лиц, имеющих намерение нанести ущерб нам или третьим лицам?

Из-за неурегулированности проблемы ОМО «зависли» переговоры по разработке механизма утилизации избыточного оружейного плутония – еще одного приоритетного направления взаимодействия «восьмерки» в рамках ГП. Причем в рамках этих переговоров американцам постепенно удастся «перетягивать» на свою сторону другие страны. Растет давление общественного мнения в США в пользу ужесточения американской позиции по ОМО. Достаточно вспомнить уже упоминавшуюся работу ряда НПО по проблемам ГП¹³.

Несколько слов о перспективах ратификации Соглашения 1992 г. Здесь ситуация, как представляется, выглядит не очень обнадеживающей. В предвыборный период в Государственную думу, а также с учетом предстоящих президентских выборов в следующем году, исполнительной власти будет непросто решиться на запуск ратификационного процесса Соглашения 1992 г. в расчете на положительный результат. Хотя и очевидно, что с американской помощью в рамках этого Соглашения удалось сделать многое для реализации программ в области нераспространения и разоружения. Это содействие позволило выполнить некоторые российские международные обязательства в области сокращения вооружений. Понятно, что отказаться от этой помощи будет весьма болезненно для определенных отраслей российской промышленности, испытывающих острый недостаток в государственном финансировании.

Таким образом, перед российскими официальными представителями стоит непростой вопрос: что делать? В России сложилась трудная ситуация в области ОМО. Есть национальное законодательство в этой сфере. Подписана, но не ратифицирована Венская конвенция. Действуют на условиях временного применения положения Соглашения МНЭПР и Соглашения 1992 г. В условиях нехватки собственных средств для финансирования программ в области нераспространения и разоружения сможет ли Россия устоять под нажимом США? Дать однозначный ответ довольно сложно.

Понятно, что в случае ядерного инцидента масштабы ядерного ущерба трудно себе представить. Объем платежей по искам может превысить сумму помощи. Видимо, еще предстоит выработать такую тактику сотрудничества в рамках ГП, которая могла бы позволить получить максимально возможную помощь с наименьшими потерями (если здесь вообще применимо это определение) для политического имиджа и при защите имущественных интересов России. В этой ситуации перспективы решения проблемы о предоставлении одинаковых условий по ОМО для всех участников ГП в ближайшей перспективе вообще не просматриваются.

Очевидно, что ГП направлено не только на решение возникших проблем разоружения и нераспространения в России. Здесь, пожалуй, уместно упомянуть, что в Кананаскисе лидеры «восьмерки» договорились вступить в переговоры на более поздней стадии с любыми другими странами – получателями финансовой помощи, включая бывшие республики Советского Союза, о подключении последних к ГП. Украина уже заявила о своей готовности присоединиться к ГП.

В Эвиане было принято решение пока продолжать концентрироваться на проектах в России. Тем не менее Франции, председательствующей в «восьмерке», было дано право «вступить в предварительные обсуждения с новыми или существующими странами-реципиентами, включая те из состава бывшего Советского Союза, которые готовы принять документы Кананаскиса, как это уже сделала Украина»¹⁴.

Отвечает ли интересам России подключение к ГП других стран СНГ? Как представляется, ответ здесь должен быть положительным. Россия заинтересована, чтобы по периметру ее границ не существовало угроз для ее национальной безопасности, чтобы с территории стран СНГ не происходило «подпитки» террористов, причем «подпитки» любого характера (технической, технологической, финансовой и т. п.).

Кроме того, де-факто многие страны уже являются участниками такого сотрудничества, поскольку документы Кананаскиса характеризуют существо ГП в том числе как продолжение действующих программ в области разоружения и нераспространения. Масштабы западной помощи достаточно подробно изложены в различных публикациях в России и за рубежом.

Однако на вопрос о сроках официального подключения других стран СНГ к ГП ответить сложнее. Наверное, сначала нужно решить субстантивные проблемы между странами-донорами и Россией в плане кардинального расширения сотрудничества на приоритетных направлениях ГП. Понятно, что нужны непростые усилия, возможно, на самом высоком политическом уровне, для разрешения противоречий по закреплению ряда положений ОНАП в двусторонних соглашениях. Только тогда, как представляется, можно и нужно вести речь о приглашении других стран СНГ к сотрудничеству в рамках ГП.

В ближайшее время предстоит многое сделать для разъяснения общественности, законодателям стран-участниц ГП существа и задач этой инициативы. Это необходимо как с точки зрения понимания ими задач, которые сегодня пытаются решить правительства ведущих государств мира, так и с точки зрения организации нормального процесса выделения средств и прохождения соответствующих законов и соглашений в парламентах стран-участниц ГП. Пока здесь много резервов. Одна из возможностей для разговора по существу была представлена в ноябре 2003 г. в Страсбурге, где прошла организованная ЕС международная конференция по ГП для западных и российских законодателей.

Хорошо бы чаще садиться за стол дискуссий российским и зарубежным НПО. Их разработки, рекомендации и мысли, насколько нам известно, учитываются в работе государ-

ственных структур. Совместная работа позволит быстрее преодолеть разногласия и прийти к взаимоприемлемому алгоритму решения задач ГП.

Хотелось бы в заключение сделать несколько ремарок. Как представляется, было бы ошибочным полагать, что заинтересованность России в сотрудничестве с западными странами в решении задач ГП означает готовность принять помощь на любых условиях. Формула «мы даем вам 20 млрд долл., а взамен получаем все, что хотим» сегодня не годится. Лишь при учете российских интересов и желании договориться можно достичь компромисса и прийти **сообща** к обозначенной цели.

Как представляется, ГП должно поднять сотрудничество России с западными странами на качественно новую ступень. Оно должно быть равноправным. Никто здесь не должен играть ни первых, ни вторых ролей.

Импонирует тезис уже упоминавшегося доклада международных НПО о том, что ГП должно быть именно партнерством, а не патронажем. Россия должна рассматриваться другими странами как надежный равноправный партнер, обладающий большим научным потенциалом, а не просто «клиентом» – получателем помощи. Равноправное сотрудничество будет служить долгосрочным интересам снижения опасности распространения ОМУ¹⁵.

Россия заинтересована в развитии конструктивного взаимодействия, предсказуемых отношений со всеми странами. Развитие именно таких отношений отвечает интересам народов, отвечает интересам международного сообщества. Хочется выразить уверенность в том, что, опираясь на эти принципы, мы в состоянии совместно искать и находить ответы на новые угрозы и вызовы.

Примечания

¹ С этими документами можно ознакомиться на сайте (<http://www.g8.fr/evian>).

² Использованы данные Центра стратегических и международных исследований, Вашингтон, США; <http://www.sgpproject.org>.

³ <http://www.g8.fr/evian>.

⁴ Более подробно об иностранной помощи России для уничтожения ее арсеналов ХО см.: Калинина Наталья. Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. *Ядерный Контроль*. 2003, №1, весна. С. 89–122.

⁵ <http://www.g8.fr/evian>.

⁶ Там же.

⁷ См.: <http://www.mid.ru>.

⁸ Там же.

⁹ Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. An action agenda for the Global Partnership? Vol. 1, CSIS, Wash., 2003. P. 24, 26-28, 33-35.

¹⁰ См.: <http://www.sgpproject.org>.

¹¹ Более подробно об американской помощи см.: Э. В. Кириченко «Глобальное партнерство и интересы России» (М.: ИМЭМО, 2003) или «Некоторые аспекты международного содействия российским программам по разоружению» (М.: ИМЭМО, 2002).

¹² Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. Op. cit.

¹³ Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. Op. cit. P.22.

¹⁴ <http://www.g8.fr/evian>.

¹⁵ Protecting against the spread of nuclear, biological and chemical weapons. Op. cit. P. 22.

После окончания холодной войны и особенно в годы уже нынешнего столетия развернулись горячие споры о месте и роли ООН в быстро меняющемся мире, и в первую очередь ее Совета Безопасности, на который по Уставу ООН возложена «главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Основания для подобных споров, безусловно, имеются. В мире действительно произошли коренные изменения. ООН создавалась на исходе Второй мировой войны, учреждали и формировали ее Устав державы-победительницы, а также Китай. Хотя в период разработки Устава это и не было еще вполне очевидным (1944 г. – первая половина 1945 г.), однако уже тогда чувствовалось приближение нового, биполярного миропорядка, и конференция лидеров антигитлеровской коалиции в Ялте (февраль 1945 г.), в сущности, заложила его первооснову.

С тех пор, однако, в прошлое отошли времена холодной войны, мир стал однополярным (в том смысле, что вместо двух «сверхдержав» мы сегодня имеем лишь одну), да и соотношение сил на планете круто изменилось. На мировой сцене появились новые крупные акторы, такие как Германия, Япония, Индия, а относительный вес и влияние на развитие событий некоторых держав-основательниц ООН – Франции, Великобритании, России – сравнительно уменьшились. В то же время более авторитетными и требовательными стали голоса стран так называемого «третьего мира», многие из которых в 1940-х гг. вообще пребывали в положении колониальных или зависимых территорий либо были далеко в стороне от мировых дел. Это в первую очередь Бразилия, ЮАР, Индонезия и ряд других государств.

Всемирная организация не может не ощущать на себе и не отражать в своей деятельности все эти перемены. Особенно остро вопрос о роли ООН встал на повестку дня международной жизни после событий 11 сентября 2001 г., в результате резкого и постоянного возрастания угрозы международного терроризма, усиления опасности распространения оружия массового уничтожения. Дополнительным и весьма существенным фактором явился приход к власти в США республиканской администрации Буша, в которой преобладающим влиянием пользуются так называемые неоконсерваторы, делающие основную ставку на односторонние и упредительные силовые действия США, в обход существующих международных механизмов, прежде всего Совета Безопасности ООН.

Объективно встает вопрос, насколько способна ООН, образованная немногим менее 60 лет тому назад, отвечать сегодня и в обозримом будущем на те постоянно возникающие вызовы международному миру и безопасности, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время. Вопрос этот каждодневно затрагивает практически все страны и народы, он непосредственно касается чуть ли не каждого землянина. Если взять только последнее десятилетие, то стоит вспомнить хотя бы события на Балканах, в Руанде, Ираке, которые обернулись трагедией для сотен, тысяч и даже миллионов людей. Способна ли ООН в ее нынешнем виде эффективно справляться с этими и подобными им конфликтами? Не грозит ли ей судьба, которая постигла Лигу Наций? Не возвращается ли мир

вновь в состояние всеобщего хаоса, где править бал будет «кулачное право» сильных мира сего? Не требуется ли радикальная реформа ООН или она пока еще в состоянии приспособиться к новым реалиям? Не возникла ли необходимость в создании какого-либо иного международного механизма урегулирования возникающих конфликтов, угрожающих всеобщей безопасности и безопасности отдельных государств? Эти вопросы императивно требуют ответа.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Человечество стало осознанно ощущать необходимость в объединении усилий государств для поддержания мира с начала XX в., и процесс формирования принципов и механизмов обеспечения всеобщей коллективной безопасности с тех пор стал последовательно и неуклонно набирать силу. Изначальной серьезной попыткой было образование после Первой мировой войны Лиги Наций. Однако она включала лишь ограниченный круг государств, и вне ее остались многие страны, в том числе США¹. Лига Наций не смогла стать эффективной организацией коллективной безопасности и предотвратить возникновение Второй мировой войны.

ООН стала первой подлинно всемирной организацией по поддержанию мира, и хотя за весь период ее существования имело место немало нарушений мира и кровопролитных войн, которых ООН не смогла предотвратить или остановить, все же ее «послужной список» большинством государств и специалистов-международников оценивается в целом как положительный. Недостатки ООН – это в первую очередь недостатки и ошибки отдельных государств, входящих в ее состав. Как справедливо отмечали американские историки и политологи П. Кеннеди и Б. Рассет, «организация может быть только в той степени эффективной, в какой участвующие в ней правительства по согласию между собой пожелают ей быть таковой»².

Главный орган ООН по поддержанию мира – Совет Безопасности, как известно, состоит из 15 членов: 5 постоянных, обладающих правом вето, и 10 непостоянных, избираемых Генеральной Ассамблеей на двухлетний срок³. В течение многих лет Специальным комитетом ООН рассматривается вопрос о расширении членского состава Совета Безопасности в целом и числа его постоянных членов в частности, но пока безрезультатно. К этому вопросу мы еще вернемся.

Следует отметить, что ООН за годы ее существования проявила немалую способность к модернизации и приспособлению к постоянно возникающим новым условиям и обстоятельствам. Так, в конце 1950-х и в 1960-х гг. была введена в практику ООН без изменения ее Устава функция проведения миротворческих операций в конфликтных ситуациях, которая не была предусмотрена Уставом ООН. Общеизвестно, что миротворческие операции ООН играют позитивную роль в урегулировании конфликтов и поддержании мира и активно проводятся в различных регионах мира. С 1991 г. и до последнего времени по решению Совета Безопасности осуществлялись меры по инспектированию и разоружению Ирака, что также прямо Уставом не предусматривается.

В рамках системы ООН созданы многочисленные специализированные организации, накопившие огромный практический опыт всемирного масштаба в самых различных областях человеческой деятельности. Одной из таких организаций, тесно связанной с ООН, является Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), которое выполняет важную функцию по предотвращению распространения ядерного оружия⁴. В этой области МАГАТЭ активно и плодотворно сотрудничало и готово и дальше продолжать сотрудничество с Советом Безопасности в Ираке, КНДР и в других регионах, если в этом возникнет необходимость и если Совет Безопасности предоставит МАГАТЭ соответствующий мандат. Такая функция заложена в Устав МАГАТЭ и предусматривается соглашением между двумя организациями.

В целом имеются достаточные основания делать вывод о том, что по мере возникновения все большего числа глобальных проблем и усиления взаимозависимости и взаимодействия государств человечество все больше нуждается в международном сотрудни-

честве и, соответственно, в международных механизмах, обеспечивающих наиболее эффективным образом такое сотрудничество⁵.

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О КРИЗИСЕ ООН?

Да, сегодня ООН переживает очередной кризис, вызванный как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В сущности, ООН за время своего существования никогда и не «дотягивала» до той степени эффективности и действенности, которая необходима для подлинно коллективного обеспечения международного мира и безопасности, целиком базирующегося на принципах и нормах, провозглашенных в Уставе. Будучи организацией, основанной на принципах «суверенного равенства всех ее членов» и невмешательства во внутренние дела государств (ст. 2, пп. 2 и 7), она на практике не в состоянии, во всяком случае на нынешнем этапе развития международных отношений, в полной мере удовлетворять интересам всех своих государств-членов. Поэтому неудовлетворенность действиями ООН неизбежно имеет место, а иногда эта неудовлетворенность приобретает и более крайние формы, включая обвинения в ее полной не состоятельности и неспособности к эффективным действиям.

И тем не менее вряд ли найдется хоть один здравомыслящий человек, который потребовал бы «закрыть» ООН. Встречаются, конечно, и горячие головы, вроде консервативного американского журналиста Дж. Уилла, который писал, что если ООН откажется дать США и Великобритании полномочия на войну против Ирака, то она «по сути дела прекратит свое существование»⁶. Но это единичные безответственные голоса.

ООН, несмотря на свое несовершенство, повсеместно признается важнейшим и необходимым фактором международной жизни. В начале 1960-х гг., когда ООН переживала серьезный кризис из-за разногласий между постоянными членами Совета Безопасности по вопросу о ее действиях в Африке, один английский аналитик писал, что ООН «стала необходимой еще до того, как она стала эффективной»⁷. В немалой степени это относится и к сегодняшнему дню.

ПРИЧИНЫ НЫНЕШНЕГО КРИЗИСА

В чем причины сегодняшнего кризиса ООН? Во многом он был спровоцирован так называемыми неоконсерваторами в нынешней администрации США, хотя основания его лежат глубже.

Неоконсерваторы давно стремились свергнуть в Ираке режим С. Хусейна. Еще в 1991 г. они высказывались за то, чтобы не завершать операцию «Буря в пустыне» до свержения правительства Ирака. В 1992 г. П. Вулфовиц, занимавший тогда пост заместителя министра обороны по политическим вопросам, настойчиво добивался превентивного военного вмешательства в Ирак для обеспечения «доступа к жизненно важным сырьевым материалам, прежде всего к нефти в районе Персидского залива». Он предлагал, чтобы США, если бы не удалось сколотить коалицию государств, действовали в одиночку. В 1996 г. Р. Перл, Д. Фейт и Д. Вёрмсер, ныне занимающие крупные посты в администрации Буша⁸, направили только что пришедшему в Израиле к власти правительству партии «Ликуд» предложение отказаться от политики переговоров с палестинцами. «Израиль, – писали они, – может сформировать свое стратегическое окружение [...] путем ослабления, сдерживания и даже «отбрасывания» Сирии. Эти усилия могут быть сконцентрированы на удалении Саддама Хусейна от власти. [...] Будущее Ирака может круто изменить стратегический баланс на Ближнем Востоке». В 1998 г. 18 видных консерваторов, большинство из которых вошло в правительство Буша, в том числе Д. Рамсфельд, П. Вулфовиц, Р. Армитедж, Дж. Болтон, Р. Перл, направили письмо тогдашнему президенту Б.Клинтону с призывом «добиваться свержения режима Саддама Хусейна». Сразу же после 11 сентября 2001 г. П. Вулфовиц предлагал совершить нападение на Ирак, однако госсекретарь К.Пауэл и Объединенный комитет начальников штабов высказали возражения. Тогда К.Пауэл взял верх, но не надолго⁹.

Анализируя иракскую военную операцию, ведущий специалист Фонда Карнеги за международный мир по нераспространению оружия массового уничтожения Дж. Сиринсионе писал, что «для ястребов в администрации Ирак только начало, а не конец. Ирак – старт плана по изменению всех режимов на Ближнем Востоке»¹⁰. А далее цитировал Р. Перла: «Существует колоссальный потенциал для перестройки региона. Если такой тиран, как Саддам Хусейн, может быть низложен, то и другие (народы. – Р. Т.) начнут думать и действовать в направлении свержения тиранов, которые угнетают их»¹¹.

После недавних разоблачений деятельности ЦРУ и британской Интеллидженс Сервис стало совершенно очевидным, что США, предпринимая военную операцию против Ирака, руководствовались отнюдь не официально объявленной целью уничтожения там ядерного и других видов оружия массового уничтожения и даже не только задачей свержения правительства С. Хусейна, а гораздо более широкими геополитическими и экономическими интересами, простирающимися и за пределы этого региона. Ближневосточная нефть – вот что является главной подоплекой действий США.

И вполне естественно, что такие действия США, поддержанные Великобританией, не могли не вызвать возражений со стороны Франции, России и Китая, как постоянных членов Совета Безопасности, а также и многих других стран, в том числе союзников США по НАТО, включая Германию. Между постоянными членами Совета Безопасности произошел раскол, самый глубокий за все время существования ООН. В результате США решились пойти на вторжение в Ирак без получения мандата Совета Безопасности и, следовательно, вопреки Уставу ООН. Расхождения между ведущими членами Совета Безопасности, судя по всему, оставят на себе болезненные шрамы еще в течение немалого времени.

ВОЗВРАТ К REALPOLITIK?

После окончания холодной войны – в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – в умах многих людей царил эйфория по поводу перспектив деятельности ООН в новой обстановке, когда отошла в прошлое конфронтация между СССР и США и возглавлявшимися ими военными блоками – Варшавским договором и Североатлантическим альянсом. Так, английский политолог М. Бердал писал:

«В конце 1980-х – начале 1990-х гг. существовала глубокая иллюзия, что с окончанием холодной войны ООН автоматически превратится в «эффективную» организацию. Эта иллюзия основывалась главным образом на представлении, что Совет Безопасности после многих лет состояния паралича наконец-то сможет взять на себя «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Тогда казалось, что прекращение идеологического раскола между Востоком и Западом само по себе обеспечит единство членов Совета Безопасности в вопросах мира и безопасности и, более того, они будут готовы действовать совместно в общих интересах»¹².

В доказательство этого приводились такие, в частности, факты. Если с начала деятельности ООН по 1990 г. постоянные члены Совета Безопасности (прежде всего СССР и США) применяли вето 279 раз, то с мая 1990 по июнь 1992 г. вето не применялось *ни одного раза*¹³ и в дальнейшем количество случаев использования принципа единогласия постоянных членов было весьма ограниченным. В течение 1991 г. Совет Безопасности принял ряд важнейших решений, направленных на уничтожение оружия массового уничтожения в Ираке и на постоянное инспектирование этой страны силами специальной комиссии Совета Безопасности и МАГАТЭ (широко известные резолюции 687¹⁴, 707 и 715).

31 января 1992 г. Совет Безопасности провел заседание на высшем уровне, на котором на основе консенсуса было принято заявление «О новых рисках для стабильности и безопасности», в котором, в частности, говорилось:

«Распространение всех видов оружия массового уничтожения представляет угрозу международному миру и безопасности. Члены Совета Безопасности обязуются действовать для предотвращения распространения технологии, связан-

ной с исследованиями или производством такого оружия, и предпринимать соответствующие действия в этих целях.

В области ядерного распространения они отмечают важность решения многих стран присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и подчеркивают неотъемлемую роль для осуществления этого договора полностью эффективных гарантий МАГАТЭ, а также важность эффективного экспортного контроля. Члены Совета Безопасности предпримут соответствующие меры в случае любых нарушений, о которых их уведомит МАГАТЭ»¹⁵.

Таким образом, распространение оружия массового уничтожения было причислено Советом Безопасности к категории деяний, которые представляют угрозу международному миру и безопасности и, следовательно, подпадают под действие главы VII Устава ООН, которая регламентирует принудительные «действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии».

Однако сейчас, особенно после вторжения и военных операций войск США и Великобритании в Ираке без санкции Совета Безопасности, стало совершенно очевидным, что политика силы, применяемой вне и помимо ООН, как справедливо отмечал тот же английский политолог, «вполне жива и бодрствует, и полностью и неотвратимо предсказуемая живучесть конфликтов интересов и ценностей между государствами-членами означает, что Совет Безопасности [...] неминуемо обречен на то, чтобы быть «неэффективным»»¹⁶.

И даже если бы Совет Безопасности дал Америке мандат на ввод войск в Ирак (а такой вариант теоретически можно было предположить, учитывая неуверенность в твердости Франции, колебания России и по крайней мере внешнюю безучастность Китая) и война там стала бы формально «легитимной», то для многих, даже для большинства государств и для мировой общественности, она все же расценивалась бы как незаконная. По мнению огромного числа стран Африки, Азии и Латинской Америки, а также и немало числа европейцев, Совет Безопасности по сути дела рассматривался бы в этом случае исключительно как инструмент американской внешней политики.

На заседании Совета Безопасности 5 февраля 2003 г. государственный секретарь США К. Пауэл недвусмысленно заявил при рассмотрении проблемы Ирака, что если Совет Безопасности не одобрит американско-британские предложения, санкционирующие военные действия против режима С. Хусейна, то «есть опасность, что этот орган окажется бесполезным».

Означают ли действия администрации Буша в данном, а в дальнейшем, возможно, и в других регионах, что роль ООН в поддержании международного мира и безопасности будет сходиться на нет и в мире вновь восторжествует право сильного, а международное право и механизмы его претворения в жизнь окажутся невостребованными?

ЗАКАТ ООН?

После первых молниеносных военных успехов США в Ираке, с которыми молчаливо смирились и Франция, и Россия, и Китай, многие заговорили о том, что эпоха ООН ушла в прошлое. Конечно, и раньше всемирная организация и ее Совет Безопасности нередко оставались в стороне при решении наиболее острых кризисов, например Карибского кризиса между СССР и США 1962 г. Но ведь совершенно очевидно, что она и не предназначалась для урегулирования кризисных ситуаций такого апокалиптического масштаба. Ведь включение в Устав принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, кстати говоря, сделанное по инициативе Ф. Рузвельта и принятое И. Сталиным и У. Черчиллем¹⁷, подразумевало, что ООН может решать вопросы мира только в том случае, если великие державы действуют заодно или, во всяком случае, безмолвно соглашаются с принимаемым решением. От ООН в сегодняшнем мире, основанном на суверенном равенстве государств-членов, нельзя ожидать большего, чем то, на что она способна и для чего она предназначалась.

ООН создавалась до появления ядерного оружия¹⁸, и действительно, как справедливо считают некоторые политологи, широкомасштабные кризисы, вроде Карибского, не подвластны урегулированию на основе Устава ООН. Тут действуют иные «законы» поддержания мира и международной стабильности, основанные на «концепции» взаимного гарантированного уничтожения¹⁹.

Но в первые годы функционирования ООН среди отдельных специалистов-международников было немало иллюзий относительно возможности превращения ООН в мировое правительство. Существовала даже целая школа «федералистов», выступавшая за трансформацию ООН во всемирное правительство, лидерами которой были крупные американские юристы-международники Г. Кларк и Л. Сон²⁰. Однако наступивший период холодной войны полностью развеял эти иллюзии.

В ООН наступило время полного господства США. Советская пропаганда назвала его периодом манипулирования ООН Соединенными Штатами посредством «механического большинства» голосов. Но вот в 1960-х гг. в ООН приходит большая группа новых независимых государств Африки, Азии и Латинской Америки, только что освободившихся от колониального гнета, возникает Движение неприсоединения, и ситуация резко меняется. Теперь большинство из этих стран чаще голосуют вместе с Советским Союзом, и США начинают терять интерес ко всей системе ООН.

Вот характерный пример. В 1981 г. израильтяне налетом своей военной авиации разрушают иракский реактор «Таммуз-1», построенный при содействии Франции и способный нарабатывать оружейный плутоний. Арабские государства при поддержке других неприсоединившихся стран добиваются исключения Израиля из состава членов МАГАТЭ. Республиканская администрация Р. Рейгана угрожает выходом из МАГАТЭ или, по крайней мере, прекращением ее финансирования, и только благодаря усилиям ряда западных стран при активной поддержке Советского Союза кризисную ситуацию удается погасить²¹.

Девяностые годы, о чем мы уже говорили, вновь стали периодом возрождения интереса к ООН и надежд на то, что она на деле может стать эффективной организацией по поддержанию всеобщего мира. Но последний иракский конфликт остро высветил тенденцию нынешней американской администрации не прислушиваться к голосу ООН, обходить ее стороной. Как будет развиваться ситуация дальше? Каковы перспективы будущего ООН?

БОЛЬШИНСТВО СЧИТАЕТ, ЧТО ООН ПО-ПРЕЖНЕМУ НУЖНА, НО СЛЕДУЕТ ПОВЫСИТЬ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Подавляющее большинство государств мира продолжают считать, что при всей своей сегодняшней малоэффективности ООН продолжает оставаться совершенно необходимым цементирующим элементом международной жизни. Широко распространено мнение, что в условиях ослабления влияния на развитие мировых событий других «великих» держав и неспособности таких региональных объединений, как, например, Европейский Союз, взять на себя роль противовеса гегемонистским устремлениям Вашингтона, лишь ООН может в той или иной степени служить каким-то сдерживающим фактором и объединителем усилий всего мирового сообщества по поддержанию мира и международной стабильности. Многие страны, особенно малые, продолжают считать, что ООН и международные организации, входящие в систему ООН, могут помочь сократить разрыв в социально-экономической сфере между Севером и Югом, который является причиной многих современных конфликтов и благоприятной почвой для продолжающегося роста международного терроризма.

Собственно говоря, никто и не предлагает распустить ООН или полностью заменить ее какой-либо другой организацией. Проблема заключается в том, как повысить ее эффективность и исключить возможность силовых действий помимо ООН, как это не раз имело место в прошлом (например, США – во Вьетнаме и Ираке, СССР – в Венгрии и Афганистане).

Вопрос этот обсуждается между членами ООН чуть ли не со времени ее создания. В ООН уже в течение почти 30 лет существует Специальный комитет по Уставу ООН и усилению ее роли. Создана Рабочая группа открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава. Однако ввиду разногласий между членами ООН каких-либо существенных результатов по этим вопросам достигнуто не было. Специальный комитет ежегодно проводит свои сессии, а Генеральная Ассамблея ежегодно принимает резолюции, поручающие комитету «продолжить рассмотрение всех предложений о поддержании международного мира и безопасности [...] в целях усиления роли» ООН и «рассмотреть другие предложения, касающиеся международного мира и безопасности, которые уже представлены или могут быть представлены Специальному комитету»²².

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ООН

Существует бесчисленное количество предложений по реформе ООН, но большинство из них сводится в первую очередь к изменению и расширению состава Совета Безопасности и, особенно, к пересмотру положений Устава, касающихся его постоянных членов и их полномочий, прежде всего принципа единогласия постоянных членов. Как отмечалось, в 1960-х гг. состав членов Совета Безопасности был немного расширен, но только за счет увеличения числа избираемых членов; вопроса о постоянных членах это не затронуло. Напомним читателю, что для принятия поправок к Уставу нужно набрать две трети голосов членов ООН, причем важно, что такое квалифицированное большинство непременно должно включать всех постоянных членов Совета Безопасности. Следовательно, без согласия всех постоянных членов изменить Устав невозможно.

Большинство предложений по реформе предусматривает расширение состава Совета Безопасности с тем, чтобы придать ему более представительный характер, адекватно отражающий, по мнению их авторов, изменения, произошедшие в мире с середины прошлого века в соотношении сил между государствами, а также рост членского состава ООН. В последнее время, особенно в связи с операциями США и Великобритании в Ираке, участились выступления в пользу такого изменения принципа единогласия постоянных членов, которое позволяло бы государствам (читай – США) осуществлять принудительные меры в отношении той или иной страны и в случае использования права вето постоянным членом Совета Безопасности.

Довольно типичным предложением первого рода является предложение, выдвинутое в 1995 г. независимой международной Комиссией по глобальному управлению. Суть этого предложения состояла в том, чтобы расширить состав Совета Безопасности и ввести новую категорию «неротируемых» или «неизменных» членов из пяти государств (двух из числа промышленно развитых и по одному от Азии, Африки и Латинской Америки), которые не располагали бы правом вето. Что же касается первоначальных постоянных членов, то предлагалось, чтобы они согласились не применять его в течение 10 лет, «за исключением экстремальных случаев, затрагивающих национальную безопасность». Такой период проявления «сдержанности», по мнению авторов предложения, «проложил бы путь к соглашению о полном отказе от вето». Количество избираемых членов было бы увеличено с 10 до 13. Таким образом, общее число членов Совета Безопасности возросло бы с 15 до 23, а для принятия решений требовалось бы не 9 голосов, как сейчас, а 14²³.

Характерным предложением из числа тех, что направлены на изменение принципа единогласия постоянных членов, является предложение премьер-министра Канады Ж. Кретьена, сделанное на международной конференции по прогрессивному управлению, состоявшейся в Лондоне в июле 2003 г. Канадский премьер выступил с планом, согласно которому если только один постоянный член Совета Безопасности возражает против принятия резолюции, санкционирующей военное вмешательство в странах, стоящих перед угрозой больших человеческих потерь или этнической чистки, коалиция «стран-добровольцев» может начать действовать по собственному усмотрению. Согласно сообщениям СМИ, премьер-министр Великобритании Т. Блэр как будто поддержал эту идею, в то время как канцлер Германии Г. Шредер высказал категорическое возражение, мо-

тивирюя его тем, что канадское предложение позволит оправдывать любые действия, подобные тем, что имели место в случае с Ираком²⁴.

Можно не сомневаться в том, что и в дальнейшем отдельные государства или группы стран, а также и неправительственные организации, исходя из благих побуждений или в зависимости от политической конъюнктуры, будут вносить подобные или сходные с ними предложения по реформе Совета Безопасности ООН. Каковы их реальные шансы?

ОТНОШЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ ЧЛЕНОВ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ К ЕГО РЕФОРМЕ

Поскольку реформа ООН неосуществима без согласия постоянных членов Совета Безопасности, нас в первую очередь интересует, как к ней относятся эти государства.

Включение Великобритании и Франции в категорию постоянных членов отражало реалии совершенно иной эпохи, и их нынешний статус как постоянных членов дает им преимущественное положение, несоразмерное с их действительными возможностями внести соответствующий их сегодняшнему статусу вклад в решение главной задачи ООН – задачи поддержания международного мира и безопасности. Несмотря на тот факт, что они являются официальными членами ядерного клуба, их реальные способности проецировать силу на деле представляются ограниченными. Следует полагать, что хотя Т. Блэр горячо откликнулся на требование администрации Дж. Буша принять участие в военной операции в Ираке с тем, чтобы главным образом «потрафить» своему заокеанскому «старшему брату», он преследовал и побочную, но тем не менее важную цель – продемонстрировать, что Великобритания еще на что-то способна. Если же принимать во внимание другие индикаторы, такие как экономическая мощь или размеры территории и населения, то претензии Великобритании и Франции на привилегированное положение в Совете Безопасности становятся еще менее обоснованными. И все же нельзя не признать, что в мире есть страны, которые имеют больше «достоинств» для обладания статусом постоянных членов, чем Великобритания и Франция.

С учетом сказанного имеются все основания полагать, что и та и другая страна будут изо всех сил держаться за свое уникальное положение в качестве постоянных членов Совета Безопасности, которое предоставляет им огромное влияние и престиж. «Они знают, – писал журнал *Экономист*, – что их членство в Совете Безопасности является главной причиной, почему их вообще принимают всерьез на мировой арене»²⁵. Именно поэтому, считает журнал, они не пожелают уступить свои два места в пользу одного места постоянного члена от Европейского Союза, что, возможно, могло бы удовлетворить претензии Германии и других влиятельных членов ЕС.

Пожалуй, еще в большей степени, чем для Великобритании, статус постоянного члена исключительно важен для Франции. Для последней играть роль «великой державы» – многовековая историческая традиция, глубоко укоренившаяся в психологии всей французской нации, не говоря уже о политической элите. В ходе развертывавшегося в начале 2003 г. кризиса вокруг Ирака Франция заняла совершенно непримиримую позицию, за что заслужила особый гнев Вашингтона. И после завершения военных операций Ж. Ширак заявил, что «дело ООН – и ее одной – осуществить политическую, гуманитарную и административную реконструкцию Ирака»²⁶.

По этим основаниям обе западные державы будут и дальше продолжать отстаивать необходимость сохранения роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах.

Примерно в той же мере это относится и к Российской Федерации. Потеряв с распадом СССР статус «сверхдержавы», Россия принуждена всеми силами доказывать, что она продолжает оставаться великой державой и поэтому на совершенно законном основании может занимать место постоянного члена Совета Безопасности, хотя никто и не пытается оспаривать этого ее права. Конечно, в первую очередь это право основывается на ее положении второй после США ядерной державы, но и другие факторы – размеры территории и уникальное расположение на двух континентах – в Европе и в Азии, объем природных богатств, постепенное, хотя и медленное, возрождение экономики – также определяют важное, но сравнительно меньшее, чем в прошлом, влияние на ход международных событий.

Поэтому вполне естественно и закономерно, что Россия неизменно подчеркивает важное значение ООН и не проявляет никакого энтузиазма в отношении реформы последней. Правда, следует заметить, что в ходе визита индийского премьер-министра А. Ваджаи в Россию в ноябре 2001 г. в совместном заявлении по его итогам было записано: «Россия и Индия достигли согласия о целесообразности расширения состава Совета Безопасности ООН с тем, чтобы сделать его более представительным и повысить его эффективность». При этом Россия «заявила о своей поддержке Индии как влиятельного члена международного сообщества, сильного и достойного кандидата в постоянные члены расширенного Совета Безопасности ООН»²⁷. Однако не похоже, если не сказать большего, чтобы со стороны российских представителей в ООН предпринимались какие-либо практические шаги в целях реализации этого заявления.

В отношении принципа единогласия постоянных членов Россия, безусловно, крайне заинтересована в его сохранении и не раз демонстрировала это на практике. Так было и перед началом американо-британской операции в Ираке. Но после ввода в Ирак войск коалиции России пришлось «скрепя сердце» смириться с односторонним военным вмешательством США, ибо у нее не было реальных возможностей как-то этому воспрепятствовать. Впрочем, Советский Союз в прошлом и сам не раз поступал точно так же. Нельзя исключать и того, что России придется когда-нибудь действовать аналогичным образом в крайних случаях, затрагивающих ее коренные национальные интересы, благо что прецедентов на этот счет предостаточно²⁸.

Для Китайской Народной Республики главное значение ООН на данном этапе состоит, пожалуй, в том, чтобы использовать Совет Безопасности и свое право вето с целью недопущения вмешательства в ее внутренние дела и оказания поддержки Тайваню в его усилиях продвинуть вперед дело обретения полной независимости. В течение 1990-х гг. Китай не раз воздерживался в ООН при принятии решений, которые могли бы в какой-либо степени способствовать усилению вмешательства ООН во внутренние дела государств. Что касается решений Совета Безопасности по Ираку, то КНР старалась держаться в стороне, избегая ухудшения отношений с США, тем более что иракская проблема не затрагивала прямым образом китайские интересы.

Со стороны может показаться, особенно в последнее время, что для США полезность и ценность Совета Безопасности представляется меньшей, чем для других постоянных членов. И действительно, став единственной «сверхдержавой», США не раз игнорировали Совет Безопасности и действовали в одиночку или в коалиции с несколькими поддерживающими их странами, в последний раз – в Ираке. В опубликованном Белым домом в сентябре 2002 г. документе «Стратегия национальной безопасности» было объявлено, что США, «не колеблясь, будут, если в том возникнет необходимость, действовать в одиночку во имя осуществления права на самооборону путем упредительных действий».

Недвусмысленно позицию нынешней администрации США по вопросу о Совете Безопасности недавно изложил американский посол в России А. Вершбоу:

«С начала иракского кризиса мы пытались добиться большего понимания от своих партнеров по Совету Безопасности. Но случившийся в Совете Безопасности раскол не позволил нам решить иракский вопрос быстрее, легче и без применения силы. Этот раскол показал, что если Совет Безопасности намерен выполнять задачи, поставленные перед ним основателями ООН, он должен быть существенно укреплен.

Полагаю, что речь должна идти не столько о реформировании Совета, хотя мы и поддерживаем расширение круга его членов (расширение Совета Безопасности всегда стопорилось, когда разговор заходил о выборе конкретных кандидатов). Более важной является проблема восстановления политической воли. Все члены Совета Безопасности, особенно постоянные, должны более прицельно концентрировать внимание на разрешении или упреждении еще только обозначившихся конфликтов, до перехода потенциального конфликта в горячую фазу. Чтобы, когда наступит время действовать, мы уже имели согласованное мнение Совета Безопасности.

Вероятно, совершенства здесь достичь не удастся. Иногда достижение консенсуса представляется совершенно невозможным. Именно поэтому так важно существование региональных организаций, которые могут действовать в тех случаях, когда от действий отказывается ООН. И именно поэтому мы оставляем за собой право действовать в одиночку или вместе с теми, кто готов составить с нами коалицию»²⁹.

Ясней, наверное, не скажешь. ООН нужна, если она действует заодно и в согласии с США. Если же нет, то Америка будет действовать в одиночку. Но реформа ООН, и тем более изменение принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, – не в интересах США.

И все же США не могут позволить себе уж совсем не считаться с ООН. Ведь перед вторжением в Ирак они обратились к Совету Безопасности в попытке добиться согласия на применение силы. Более того, пошли на явную подтасовку фактов, чтобы попытаться убедить Совет Безопасности в том, что у Ирака остались какие-то виды оружия массового уничтожения³⁰. А после того как увязли в Ираке, вновь постучались в дверь ООН с просьбой о помощи в урегулировании положения в стране, которую сами ввергли в состояние хаоса и разрухи.

Генеральный секретарь ООН (конечно же, не без согласия США) назначил своего специального представителя в Ираке, и уже 22 июля состоялось заседание Совета Безопасности, на котором спецпредставитель, в прошлом бразильский дипломат, С. Виейра ди Меллу заявил, что роль ООН в Ираке «должна развиваться»³¹. На этом же заседании Совета Безопасности российский представитель выступил в поддержку идеи создания миссии ООН по содействию Ираку³². А 14 августа Совет Безопасности по предложению США 14 голосами при одном воздержавшемся (Сирия) принял резолюцию 1500, в которой приветствовал создание в Ираке Руководящего совета в качестве «важного шага в направлении формирования народом Ирака международно-признанного представительного правительства, которое будет осуществлять суверенитет Ирака». Была учреждена Миссия ООН по оказанию помощи Ираку. Хотя эта резолюция не полностью удовлетворяла Россию, Францию и многих других членов Совета Безопасности, она все же, как представлялось, явилась известным этапом на пути к восстановлению в стране порядков, соответствующих принципам ООН. Однако дальнейшие усилия американской администрации взять под свой по существу единоличный контроль ситуацию в Ираке под флагом ООН встретили решительное сопротивление основных членов Совета Безопасности: Франции, России, Германии, Китая и ряда других. Генеральный секретарь ООН К. Аннан тоже высказался за то, чтобы ООН играла не виртуальную, а реальную роль в обустройстве Ирака на основе принципов ООН.

После длительных консультаций, в которых приняли участие и высшие руководители основных держав, Россия при поддержке Франции и Германии добилась единогласного принятия 16 октября 2003 г. новой резолюции Совета Безопасности 1511, которая санкционирует создание многонациональных сил под единым командованием и *предусматривает расширение роли ООН в реконструкции Ирака*. К 15 декабря 2003 г. Руководящий совет Ирака должен разработать и представить на рассмотрение Совета Безопасности график и программу подготовки новой конституции Ирака и проведения демократических выборов. Вместе с тем предусматривается, что полномочия оккупационных властей в Ираке истекут лишь тогда, «когда международно-признанное представительное правительство, созданное народом Ирака, будет приведено к присяге и возьмет на себя функции администрации».

Комментируя это решение, постоянный представитель Российской Федерации в Совете Безопасности сказал, что в нынешних условиях, когда в Ираке отсутствует должная безопасность, ООН не в состоянии играть полноценную роль в обустройстве страны. Однако он добавил, что резолюция наделяет Генерального секретаря правом принимать решения о сроках и формах подключения к политическому процессу, и выразил надежду, что по мере стабилизации обстановки в Ираке ООН выполнит свои задачи. «Полученный результат – это компромисс, который не решает всех проблем. Однако на данном этапе мы видим в резолюции больше плюсов, чем минусов»³³. Можно с полным основанием констатировать, что и при таком сложном кризисе, в котором могла оказаться

ООН, действующая система принятия решений, пусть с трудностями и сбоями, но все же восторжествовала.

Рассмотрение позиций постоянных членов Совета Безопасности в отношении его реформы показывает, что **все** постоянные члены без малейшего восторга относятся к перспективе такой реформы, в частности к возможности расширения его состава и тем более изменения принципа единогласия постоянных членов. Что касается роли и значения Совета Безопасности в решении вопросов международной безопасности в сегодняшнем мире, то тут есть различные и даже существенные «нюансы», которыми располагает тот или иной член Совета Безопасности в зависимости от потенциала и его возможности решать те или иные проблемы без непременно обращения в ООН. Но никто из них, однако, не хотел бы расставаться с Советом Безопасности, так как последний за более чем полувековую срок своей деятельности заработал такой авторитет и престиж во всем мире, что немыслимо представить себе, что кто-либо мог бы посягнуть на его существование. Даже в США опросы общественного мнения неизменно свидетельствуют, что подавляющее большинство населения выступает в пользу взаимодействия США с международными институтами, и особенно с ООН.

КАКОВО РЕАЛЬНОЕ МЕСТО СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ?

Тем не менее широко распространено мнение о наступившем кризисе ООН и других международных механизмов. Более того, некоторые политологи предрекают чуть ли не неминуемый крах сложившейся за последние полвека системы международных организаций. В подтверждение этого приводится тот довод, что в Америке все большее влияние приобретают силы, которые, опираясь на преобладающую военную и экономическую мощь своей страны, делают ставку на достижение геополитических и других целей США посредством односторонних действий, а международные институты только сковывают свободу их действий.

Да, ООН действительно переживает сейчас не лучшие времена, с этим нельзя не согласиться. Но ведь и в прошлом ситуации полного бессилия ООН не раз имели место, о чем мы уже говорили. Правда, ныне, как многие считают, международная обстановка коренным образом изменилась в том смысле, что мы имеем дело с иным, новым соотношением сил на международной арене, когда в мире осталась только одна «сверхдержава», способная и к тому же стремящаяся диктовать свою волю другим странам. Значит ли это, что и в обозримом будущем, пока подобное соотношение сил будет сохраняться (надолго ли?), ООН будет временами оставаться, по существу, не у дел при решении вопросов поддержания международного мира и безопасности?

У новых поборников *realpolitik*, следует признать, имеются довольно веские доводы, во всяком случае с их точки зрения, в пользу проведения односторонних упредительных силовых операций. Они пережили небывалую для их страны трагедию 11 сентября 2001 г., продолжается распространение оружия массового уничтожения, которое в первую очередь направлено именно против них и их ближайших союзников, хотя под угрозой окажутся и другие страны, и это вызывает серьезную озабоченность во всем мире. Как им, сторонникам силовых мер, представляется, насаждение в мире их образца демократии позволит повысить безопасность США, создаст условия для обеспечения обладания страны на долгие времена. Это – данность, объективная реальность, и так просто проигнорировать ее невозможно. Реакция и действия Франции и России, а также Германии в связи с событиями в Ираке – свидетельство тому. После первоначальных протестов и угрозы применения вето в Совете Безопасности первыми двумя при активной поддержке Германии они фактически вынуждены были смириться с тем, что произошло. А Китай вообще предпочел держаться в стороне.

Мировую общественность прежде всего интересует, как события в отношении ООН могут разворачиваться дальше. Является ли дело с Ираком очередным временным эпизодом, какие бывали и в прошлом, или имеет место устойчивая и долговременная тенденция?

На этот вопрос пока еще не время давать окончательные ответы. Дальнейшие действия нынешней американской администрации, и возможно последующих, будут зависеть от множества факторов как внешнего, так и внутреннего свойства. Будут ли США способны вести в одиночку крупные операции одновременно в разных точках земного шара? Завязнут ли они большими силами надолго в Ираке? Будут ли так называемые неоконсерваторы и дальше задавать тон в Вашингтоне? Насколько прочным окажется рейтинг администрации Буша и каковы будут результаты президентских выборов в ноябре 2004 г.? Как будут складываться дела в американской экономике? И т. д. и т. п.

Мы склонны полагать, что при более или менее удовлетворительном в этом отношении для администрации США развитии обстановки американцы психологически будут предпочитать и дальше полагаться прежде всего на свои односторонние действия, чем на коллективные меры через посредство ООН и других международных институтов. Во всяком случае, они к этому готовы и в экономическом, и в военно-техническом отношении. А другие крупные державы и ООН в целом на данном этапе по разным причинам не способны что-либо в этом смысле США противопоставить.

Некоторые политологи высказывают предположение, что, возможно, какой-либо иной международный механизм был бы более приспособлен к объединению усилий крупных держав в общемировых интересах, чем ООН. В связи с этим называют, в частности, «Большую восьмерку», при этом ООН отводилась бы роль некоего «транслятора» совместных решений ведущих держав³⁵. «Большая восьмерка», первоначально образованная для рассмотрения и решения экономических и финансовых проблем общемирового масштаба, и вправду играет существенную роль в качестве форума для обсуждения и согласования вопросов международной безопасности. Так, в 2002 г. «восьмеркой» было принято важное решение о Глобальном партнерстве против распространения оружия и материалов массового уничтожения. Поэтому идея участия «Большой восьмерки» в решении проблем поддержания международного мира и безопасности представляется полезной.

Однако «Большая восьмерка» может быть не больше чем удобным местом для консультаций и предварительных согласований некоторых международных проблем, в которых заинтересованы входящие в нее государства. И не случайно авторам предложений о повышении роли «восьмерки» в вопросах международной безопасности приходится искать путь к легализации принятых решений в Совете Безопасности ООН – единственном механизме, который имеет право на законном основании констатировать наличие угрозы миру и санкционировать применение силы для ликвидации такой угрозы.

Разумеется, весьма важно, что «восьмерка» собирается на уровне высших руководителей государств, что облегчает процесс принятия решений. Но руководители государств, участвующие в ней, и без ежегодных саммитов «восьмерки» находятся в постоянном контакте между собой, встречаясь по нескольку раз в год на двустороннем или многостороннем уровнях или связываясь оперативно по телефону. Кроме того, следует учитывать, что в «Большую восьмерку» не входит Китай, от которого как от постоянного члена Совета Безопасности также зависит решение о применении силы.

Так что, при всем значении «Большой восьмерки» и важности более активного задействования ее для согласования вопросов поддержания международного мира и безопасности, без Совета Безопасности ООН не обойтись. Он был и остается единственным легальным инструментом мира. От этого никуда не уйти. И это, по существу, признается всеми, включая и любителей односторонних действий. Обращает на себя внимание все более усиливающаяся активизация в США выступлений демократов, в том числе видных политических деятелей из их среды, в поддержку ООН³⁵.

Важно, чтобы и политики, и широкая общественность, и СМИ на каждом историческом этапе трезво и без излишних эмоций анализировали и учитывали реальные возможности международных институтов и делали из этого практически выводы для поиска наиболее действенных средств обеспечения мира и всеобщей безопасности. И если при нынешнем раскладе сил в мире ООН во многих отношениях представляется малоэффективной, то во всяком случае она совершенно необходима³⁶.

Примечания

¹ СССР вступил в Лигу Наций в 1934 г. и был исключен из нее в 1939 г. после того, как начал войну против Финляндии.

² Kennedy Paul, Russet Bruce. Reforming the United Nations. *Foreign Affairs*. 1995, September/October. P. 59. Пол Кеннеди – автор классического труда «Взлет и падение великих держав» (The Rise and Fall of Great Powers. NY: Vintage Books, 1989).

³ Первоначально Совет Безопасности состоял из 11 членов, но в 1960-х гг., после приема в ООН большого числа государств, получивших независимость в результате деколонизации британской, французской и голландской колониальных империй, была принята поправка к Уставу, расширившая его состав на четыре избираемых члена.

⁴ Обнадеживающим фактом является то, что Генеральная конференция МАГАТЭ недавно впервые за последние пятнадцать лет утвердила существенное увеличение бюджета МАГАТЭ на 2004 г. По сравнению с 2003 г. смета возрастет с 245 млн до 264 млн долл. (Док. МАГАТЭ Программа и бюджет Агентства на 2004–2005 гг. GC(47)/3. С. XLI), а к 2007 г., как ожидается, увеличится еще на 25 млн долл.

⁵ Наиболее обстоятельный, всесторонний анализ системы международных организаций содержится в капитальном труде известного американского специалиста-международника проф. Г. Джейкобсона: Jacobson H. K. Networks of Interdependence. International Organizations and the Global Political System. Second Edition. NY: McGraw-Hill Publishing Company, 1984.

⁶ Цит. по: *Economist*. 2003, 22 February. P. 25.

⁷ Цит. по: Berdal Mats. The UN Security Council: Ineffective but Indispensable. *Survival. IISS Quarterly*. 2003. Vol. 45, No. 2, Summer. P. 7.

⁸ Р. Перл вышел из правительства в конце марта 2003 г., как сообщили СМИ, в связи с «конфликтом интересов», поскольку он работал на нефтяную компанию, имеющую интересы в Ираке.

⁹ Cirincione Joseph. Origins of Regime Change in Iraq. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 5, 19 March.

¹⁰ Cirincione Joseph. The Shape of the Post-War World. *Carnegie Endowment Proliferation Brief*. 2003. Vol. 6, No. 6, 25 March.

¹¹ Цит. по: Cirincione J. Op. cit.

¹² Berdal. Op. cit. P. 9.

¹³ Доклад Генерального секретаря ООН от 17 июня 1992 г. (Док. ООН A/47/277 – S/24111).

¹⁴ Эту резолюцию даже окрестили «матерью всех резолюций» Совета Безопасности («the mother of all resolutions»).

¹⁵ Док. ООН S/PV.3046.

¹⁶ Berdal. Ibid.

¹⁷ Между прочим, в отличие от последующих французских правительств, Ш. де Голль и его министр иностранных дел Ж. Бидо при разработке Устава ООН на первом этапе были против права вето. Как сообщил американский журнал *Cryptologia*, американцы сумели расшифровать переписку многих телеграмм, которые получали делегации, находившиеся в Сан-Франциско на конференции по выработке Устава ООН в апреле-июне 1945 г. Из этой переписки стало известно, что Франция рассчитывала повести за собой малые страны-члены против могущественного Совета Безопасности, где владычествовали бы США и другие великие державы. Основываясь на расшифрованной информации, США сумели предпринять необходимые шаги, чтобы воспрепятствовать линии французской делегации, направленной против принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности (*New York Times*. 1995, 23 April).

¹⁸ Интересно, что в период переговоров по созданию всемирной организации некоторые наиболее дальновидные американские администраторы, участвовавшие в Манхэттенском проекте и знавшие о предстоящем создании атомного оружия, предлагали включить в Устав ООН положение о создании в рамках ООН специального комитета, который взял бы на себя обеспечение полного обмена информацией по всем научным вопросам, касающимся военных применений. При этом имелось в виду, что эвентуально ООН возьмет в свои руки контроль над всеми наиболее разрушительными видами вооружений. Такое предложение, в частности, содержалось в письме одного из руководителей Манхэттенского проекта В. Буша на имя президента Рузвельта от февраля 1945 г. (См.: Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией. М.: ПИР-Центр, 2003. С. 33–34).

¹⁹ См., например: Пионтовский Андрей. Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта. *Ядерный Контроль*. 2003, № 2, лето. С. 121.

²⁰ См.: Шкунаев В.Г. Организация Объединенных Наций в современном мире. М.: Наука, 1976. С. 27–28.

²¹ Автор принимал участие в переговорах, которые привели к урегулированию кризиса МАГАТЭ в начале 1980-х гг.

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи 57/24, принятая в 2002 г.

²³ Carlsson I. The U.N. at 50: A Time to Reform. *Foreign Policy*. No. 100, Fall 1995. P. 3–18. Карлссон был сопредседателем Комиссии по глобальному управлению. Премьер-министр Швеции в 1994–1996 гг.

Как свидетельствует представитель США при ООН в середине 1990-х гг. М. Олбрайт, в тот период Вашингтон поддерживал расширение СБ до 21 члена, при этом добавлялись бы два постоянных члена – Германия и Япония. Но резкие возражения высказала Италия, тоже потребовавшая предоставления ей места постоянного члена. Ее представитель посол П. Фулчи, не без иронии замечает американка, заявил при этом: «В конце концов итальянцы тоже потерпели поражение во Второй мировой войне» (Albright M. K. *Foreign Policy*. 2003, July/August).

²⁴ http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/news/newsid_3065000/3065669.stm.

²⁵ *Economist*. 2003, 22 February. P. 26.

²⁶ *New York Times*. 2003, 8 April.

²⁷ Цит. по: Тимербаев Р.М. Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность. *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001. № 17. С. 20.

²⁸ В связи с этим не следует забывать, что в соответствии со ст. 51 Устава признается «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону», правда, в том случае, «если произойдет вооруженное нападение на члена Организации» и «до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

²⁹ *Политбюро*. 14–20 июля 2003 г. № 27 (38). С. 13.

³⁰ В действительности ни проводившиеся в Ираке до начала военных операций инспекции силами ЮНЕСКО и МАГАТЭ, ни последовавшие после их окончания тщательные проверки, осуществленные американскими войсками, не выявили данных о наличии в Ираке каких-либо запрещенных резолюциями Совета Безопасности вооружений. Разоблачение этих фактов вызвало серьезные политические скандалы и в Вашингтоне, и в Лондоне. Впрочем, разбор ситуации с наличием или отсутствием оружия массового уничтожения в Ираке выходит за рамки настоящей статьи.

³¹ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=719>. 19 августа 2003 г. Меллу и ряд других сотрудников Миссии ООН в Белграде погибли в результате террористического акта.

³² Ibid.

³³ <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=1095>.

³⁴ См., например: Пионтковский А. Цит. соч. С. 124.

³⁵ В защиту ООН недавно решительно выступила бывший представитель США при ООН и госсекретарь в пору администрации Клинтона М. Олбрайт (Albright Madlen. Think Again: The United Nations. *Foreign Policy*. 2003, July/August).

³⁶ Автор выражает признательность В.Л. Олеандрову и В.А. Орлову за ценные замечания и советы, высказанные при подготовке настоящей статьи.

Взяться за эту тему автора побудили особенности современного момента: в настоящее время продолжается реформирование двух основных видов охраны объектов Минатома России – войсковой и ведомственной, причем процесс этот явно имеет тенденцию к ускорению под воздействием как объективных, так и различных субъективных факторов. Общаясь в силу служебного положения и обязанностей с должностными лицами различных федеральных органов исполнительной власти, которые в большей или меньшей мере определяют направления и темпы реформирования сил охраны, автор находит, что для указанного процесса характерен ряд проблем и противоречий, от разрешения которых зависит эффективность защиты ядерных объектов Минатома России от внешних и внутренних угроз в долгосрочном аспекте.

При этом также надо отметить, что последствия реализации внешних и внутренних угроз в отношении объектов Минатома – экономические, экологические и политические – несоизмеримы с последствиями чрезвычайных ситуаций на объектах других 16 министерств и ведомств, охраняемых Внутренними войсками (ВВ) МВД РФ. Диверсия на ядерном реакторе или хищение ядерных оружейных материалов потенциальными террористами могут привести к последствиям катастрофического масштаба. Игнорировать специфику ядерных предприятий, учреждений и организаций как объектов, подлежащих государственной защите (охране и обороне), в период реформирования сил охраны – значит заведомо закладывать серьезные предпосылки к чрезвычайным происшествиям, подвергать потенциальной опасности сотни тысяч и миллионы сограждан.

СИБИРСКИЙ ХИМИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ И СИСТЕМА ЕГО ОХРАНЫ

Сибирский химический комбинат (СХК) – уникальное предприятие ядерно-топливного цикла, внесшее в годы холодной войны исключительный вклад в достижение советско-американского паритета в наработке ядерных оружейных материалов и производстве из них компонентов ядерных боезарядов. Комбинат является предприятием с полным ядерным циклом по плутонию, крупнейшим в мире производителем этого ядерного оружейного материала. На площадках СХК хранятся и используются в технологических процессах сотни тонн высокообогащенного урана и десятки тонн плутония. В состав комбината входят:

- ❑ Сублиматный завод;
- ❑ Завод разделения изотопов;

- Реакторный завод;
- Реакторный завод–5 (остановленные реакторы);
- Радиохимический завод;
- Химико-металлургический завод;
- площадки захоронения радиоактивных отходов (РАО) площадью более 3000 гектаров;
- более 10 автономных пунктов хранения ядерных материалов, включая хранилища возвратных изделий и диоксида плутония;
- ряд неядерных, но подлежащих охране подразделений, таких как ТЭЦ, сооружения и сети завода «Гидроэнергоснаб» и другие.

Исторически сложилось так, что СХК объединил в своем составе ядерные площадки, которые по первоначальному замыслу должны были представлять собой два отдельных самостоятельных комбината Минсредмаша. Значительные размеры предприятия и особенности дислокации его ядерных и вспомогательных площадок предопределили объем задач, стоящих перед силами охраны.

Основу сил охраны комбината составляет крупное войсковое соединение Внутренних войск МВД России, подчиненное Сибирскому округу ВВ и дислоцированное в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО) Северск уже более 50 лет. Кроме того, непосредственно в состав Службы безопасности комбината входит отряд ведомственной охраны (ВО), по численности сопоставимый с войсковым батальоном.

Защита ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов вообще и борьба с ядерным терроризмом в частности требуют усилий по ряду направлений. Важной, например, представляется разведывательная работа спецслужб и профилактическая работа правоохранительных органов, а также их действия по нейтрализации террористических угроз. Нужна и система мер по минимизации ущерба от ядерных аварий. Однако центральное место, как представляется, в системе мер по сдерживанию и пресечению вооруженного нападения на ядерный объект занимает система физической защиты последнего.

В последние годы на комбинате предпринимались интенсивные усилия по укреплению систем физической защиты в части модернизации инженерно-технических средств охраны. Не останавливаясь на промежуточных итогах, замечу лишь, что достижения в этой области значительны, а в некоторых элементах – уникальны. Однако внедрение современных технических систем само по себе еще не решает задачи кардинального повышения степени защищенности ядерно-опасного объекта, так как наиболее критичными элементами любой системы физзащиты обоснованно считаются уровень подготовки сил охраны и используемая ими тактика.

«Законодателем мод» в принципах построения систем физической защиты (ранее назывались – системы режима и охраны) всегда считались ВВ. Однако следует вспомнить, что и поныне применяемые принципы и подходы изначально явились не плодом глубоких многолетних теоретических разработок, а результатом решения в условиях острого дефицита времени задачи по принятию в конце 1940-х – начале 1950-х гг. под охрану и оборону войск НКВД-МГБ вновь вводимых в строй объектов Первого главного управления (ПГУ) при Совете Министров СССР¹, призванных создать в рекордно короткий срок ядерный щит страны в условиях, когда у «оппонента» уже появилась «ядерная дубина». В этих условиях опыт мог быть привнесен только из одной сферы (и это очевидно) – из ГУЛАГа.

Но проблема заключается не в том, откуда заимствован опыт, а в том, что первоначально прижившиеся подходы с десятилетиями стабилизировались до состояния закостенелости или, в лучшем случае, претерпели, увы, лишь незначительные, космети-

ческие изменения. Последние были обусловлены не столько тактическими новациями, сколько изобретением новых, более совершенных датчиков и приборов интегрированной технической системы охраны (ИТСО).

Приведем такой пример. Часовой несет службу на периметре защищенной зоны ядерно-опасного объекта, передвигаясь при этом по тропе наряда между двумя рядами сигнального ограждения, внимательно осматривая контрольно-следовую полосу и регулярно докладывая о своем местонахождении по проводной телефонной связи, стационарные аппараты которой расположены по всему пути с интервалом от ста до нескольких сот метров. При этом так называемый «внутренний предзонник» и внутреннее (со стороны охраняемой площадки) сигнальное ограждение по существу предназначены для того, чтобы... защитить часового от вероятного нападения «зэков» (!?), а внешнее сигнальное ограждение для того, чтобы... сам часовой не сбежал (!?). Но при чем же тут охрана и оборона ядерно-опасного объекта?

В процессе ежегодно проводимых на комбинате учений по системам физической защиты условные нарушители активную фазу действий начинают, как правило, с нейтрализации часового, несущего службу на периметре защищенной зоны ядерной площадки. Результаты таких действий неопровержимо свидетельствуют: часовой здесь не только бесполезен, но и беззащитен. Показательно, что эти результаты известны командованию соединения и округа, они также неоднократно обсуждались автором с представителями Главного штаба ВВ, в том числе и с офицерами Управления по охране важных государственных объектов, специальных и воинских грузов. Однако готовность активно работать над тем, чтобы отбросить, наконец, отжившие стереотипы, применить, хотя бы в качестве эксперимента, потенциально более эффективные тактические подходы по организации охраны объекта сдерживаются оглядкой на действующие нормативные документы, в которых, собственно, и закреплены устаревшие правила.

С гораздо большим энтузиазмом должностные лица вышестоящих штабов ВВ порой готовы обсуждать особенности организации охраны ядерных объектов в американском Оак-Ридже или германском Некаверстхайме, поскольку многие уже успели посетить зарубежные ядерные объекты. (У зарубежных коллег, кстати, действительно есть чему поучиться.) Надо полагать, итоги заграничных командировок докладываются командованию ВВ с формулированием предложений по творческому заимствованию чужого опыта. В противном случае зачем же офицерам и генералам отвлекаться от несения столь важной государственной службы, развлекаться «ядерным туризмом»?

Но вот что удивительно: как только требуется принять меры по усилению охраны своих, российских объектов, предлагается одно и то же стереотипное решение – увеличить численность военнослужащих и количество постов. Примеры? Далеко ходить не приходится: плодом такого типичного подхода является вновь введенный в 2002 г. Акт межведомственной комиссии (МВК) по охране ВВ СХК.

СИСТЕМА ОХРАНЫ ЯДЕРНЫХ ОБЪЕКТОВ В РОССИИ

Если вернуться к опыту проведенных в последние годы учений, то следует констатировать исключительную быстротечность активной фазы действий достаточно подготовленных условных нарушителей. Войсковая охрана должна уметь реагировать незамедлительно, в противном случае нарушители, как правило, выигрывают первый этап активной фазы, после чего потенциальные возможности сил охраны конкретной площадки (завода) уже остаются невостребованными, поскольку либо начинаются затяжные переговоры со «злоумышленниками», захватившими критичное здание или установку, либо масштабные и столь же затяжные мероприятия по розыску «злоумышленников», похитивших контейнер с ядерным материалом. Необходимо творчески переосмыслить итоги подобного рода учений и изменить расстановку сил и тактику действий сил охраны, иначе двигаться вперед невозможно.

Камнем преткновения и источником бесплодных споров руководства Службы безопасности с командованием соединений ВВ является основная цель проводимых ежегодно масштабных учений по системе физической защиты. Командование исходит из того, что основная цель учений имеет один смысловой корень с названием самого мероприятия: учеба, обучение. Однако п. 30 федеральных «Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» (далее – Правила)² определяет цель учений как *проверку* эффективности сил охраны и их взаимодействия с органами МВД и ФСБ. Такие проверки, согласно тем же Правилам, должны организовываться регулярно, причем администрацией ядерно-опасного объекта. Исходя из такого понимания Правил Служба безопасности предприятия письменно согласовывает с командованием соединения ВВ тему, время и место предстоящих учений еще при составлении плана работы на следующий год, предоставляя затем возможность не менее полугода подразделениям ВВ самостоятельно целенаправленно осуществлять обучение личного состава. Накануне учений штабу соединения ВВ направляется ориентировка-вводная или тактическое задание. При этом способы действий условных нарушителей и другие детали проверки (учений), касающиеся «противника», остаются за пределами осведомленности командования проверяемого подразделения. Казалось бы, все очевидно и соответствует смыслу нормы, содержащейся в Правилах, однако это не приводит к взаимопониманию при анализе итогов учений и причин недостаточно эффективных действий войсковых нарядов.

Итоги проверок действий часовых с контрольно-пропускными функциями, проводимых как в штатном режиме, так и в условиях учений, свидетельствуют о том, что даже самый добросовестный часовой не застрахован от ошибок. Причем последние, как правило, допускаются и в критичные моменты развития обстановки. Автоматизировать процедуры доступа в охраняемые зоны – весьма важная задача, требующая настойчивого и последовательного решения, как бы дорого оно ни стоило охраняемому предприятию в финансовом отношении. Однако особенности организации службы при автоматизированном доступе недостаточно проработаны в нормативной документации ВВ. Ведомственные же нормативные документы Минатома РФ военные знают слабо и предпочитают ими не руководствоваться.

ПРАВОВАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВВ МВД НА ОБЪЕКТАХ МИНАТОМА

Ныне действующему Временному уставу ВВ МВД РФ скоро исполнится 9 лет!³. Это целая эпоха, если принять во внимание масштабы и характер происшедших за эти годы изменений в российском обществе, государстве и мире. О том, в каких условиях готовился этот документ и как он принимался, – особый разговор. Не вдаваясь в подробный анализ положений Временного устава, приведу лишь один пример. Так, статья 158 гласит: «Уровень достаточности войсковых сил, объем инженерно-технических мер и решений (при охране важных государственных объектов. – *И.Г.*) определяются представителями внутренних войск».

Вот так – взяли и все сами решили, даже не спросив администрацию охраняемого объекта! Уместно задать вопрос: а способны ли представители ВВ самостоятельно, без участия администрации (Службы безопасности) ядерного объекта принять квалифицированное решение по указанному поводу? Крайне сомнительно. Но не менее важной представляется формально-юридическая сторона. Так, п. 9 Правил ответственность за обеспечение физической защиты ядерно-опасного объекта возлагает на его руководителя. Таким образом, решение принимается командиром войсковой части, а ответственность за все последствия этого решения лежат исключительно на руководителе предприятия Минатома. Не абсурд ли? Наверное, было бы правильно, чтобы администрация объекта, несущая за его безопасное функционирование юридическую ответственность, и определяла бы, с участием представителей ВВ МВД, достаточность войсковых сил, объем инженерно-технических мер и решений.

Говоря о нормативно-правовой основе деятельности ВВ МВД на объектах Минатома, нельзя не упомянуть такой важный документ, как «Наставление по оборудованию объектов инженерно-техническими средствами охраны» (далее – Наставление). Очевидно, что введенное в действие приказом МВД СССР еще в 1989 г.⁴, указанное Наставление безнадежно отстало от жизни. Если оно и может еще применяться, то только в части, не противоречащей Правилам, которые как нормативный документ, введенный правительством, обладают большей юридической силой, чем Наставление, введенное приказом уже несуществующего союзного министерства. Однако именно Наставление является настольной книгой любого войскового специалиста по ИТСО. Попробуйте убедить кого-нибудь из этих офицеров, что если каждый квадратный метр на периметре охраняемого объекта находится под круглосуточным теленаблюдением, то контрольно-следовая полоса не очень-то и нужна (как, впрочем, и часовой на периметре). Не тут-то было: немедленно последует категорическое возражение со ссылкой на Наставление!

Общеизвестно, что идеальную систему физической защиты создать невозможно. Принципиальные решения должны определяться сочетанием критериев «стоимость – эффективность». Вопрос стоимости отнюдь не праздный и носит не сугубо теоретический характер. Недостаточное финансирование является основной причиной медленных темпов приведения существующих систем физической защиты на многочисленных объектах Минатома России в соответствие нормам законодательства. Успешное решение проблемы оптимизации расходов могло бы оказать существенное влияние на темпы реализации отраслевой программы «Совершенствование физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» на период 2001–2007 гг.⁵. В связи с этим нелишним будет упомянуть, что некоторые отечественные и зарубежные специалисты давно обратили внимание на проблему интеграции систем физической защиты с системами контроля и учета ядерных материалов. Причем существует подход, при котором силы охраны рассматриваются отдельно от технических средств физической защиты, учета и контроля и их интеграция в указанные системы представляет собой отдельную проблему⁶. С одной стороны, справедливо отмечается, что физическая защита (в данном случае имеются в виду ИТСО), силы охраны, контроль и учет материала в большей степени действуют самостоятельно. К каждому из этих компонентов предъявляются специфические требования, вытекающие из их функций. С другой – разумная, с учетом интересов собственной (внутренней) безопасности, интеграция могла бы привести к уточнению требований в сторону их снижения по тому или иному компоненту. Снижение требований, в свою очередь, ведет к оптимизации затрат на построение того или иного компонента, так как избыточные или дублируемые элементы исключаются.

Теперь вернемся к статье 158 Временного устава ВВ. Как могут ВВ в одиночку оптимально (исходя из результатов системного анализа, интегрального подхода) определить «уровень достаточности войсковых сил, объем инженерно-технических мер и решений», если они не имеют представления как минимум об одном из перечисленных компонентов – системе учета и контроля ядерного материала? В институтах ВВ этому не учат, и такая задача перед военными никакими уставами и наставлениями не ставится.

Один из основных принципов МАГАТЭ в области физической защиты ядерных материалов и установок гласит: «Все организации должны уделять первоочередное внимание культуре безопасности, ее развитию и поддержанию, которые необходимы для обеспечения эффективного осуществления физической защиты во всей организации»⁷. Из приведенного принципа вытекает важное следствие: требование по обеспечению культуры безопасности распространяется не только на персонал объекта, но и на ВВ, осуществляющие охрану и оборону ядерных установок и ядерных материалов в России.

Важнейшим фактором, наряду с техническим уровнем обеспечения безопасности, является человеческий фактор, а именно: приверженность не только руководства (командования), но и персонала (военнослужащих) среднего и нижнего звена нормам безопасности, мотивация персонала (военнослужащих) и степень фактического выполнения правил и процедур безопасности.

Вооруженные силы – неразрывная часть общества. Маргинализация и криминализация части его в так называемый «переходный период» не замедлила сказаться на войсках. Ежегодно в соединении происходят случаи предательства интересов службы, когда тот, кто призван охранять, защищать, оборонять, сам «вдруг» оказывается опаснейшим внутренним нарушителем. Не стану приводить примеры и «давить на больную мозоль», но от фактов не уйдешь. Какую же «новую тактику» можно применить к таким военнослужащим? Не обернется ли эта тактика еще большим снижением степени защищенности объекта? И как тут рассуждать о культуре безопасности?

Качественные характеристики призывного контингента год от года падают, набранные «с базара» прапорщики-контрактники тут же начинают искать, что на объекте «плохо лежит», молодые и не очень молодые бесквартирные офицеры только и мечтают о том, чтобы уволиться со службы и хоть рабочими устроиться на комбинат... Безрадостная картина. Но именно поэтому просто необходимо уделить первостепенное внимание человеческому фактору в культуре безопасности. Другого пути нет.

Техническая сторона культуры безопасности также неразрывно связана с общими характеристиками персонала (военнослужащих). И психологически, и по уровню квалификации каждый должен быть готов к применению с соблюдением всех необходимых процедур современных устройств и систем безопасности. Практика показывает, что обучить формальному применению тех или иных технических усовершенствований на посту можно за довольно короткий срок, однако без достаточного понимания и ответственности техника остается бесполезной. Нередко можно наблюдать, что выданный часовому бронезилет не применяется по назначению, прибор ночного видения находится не на посту, а в сейфе у коменданта и т. д. Проводимые проверки действий часовых с контрольно-пропускными функциями на постах, оборудованных металлообнаружителями и порталными мониторами, показывают, что кадровый персонал объекта, как правило, более или менее легко обманывает часового, имитируя пронос оружия или вынос ядерного материала. И дело не только в том, что условный нарушитель образован, отлично технически подготовлен, знает, как работает прибор, который он собирается «обмануть», за годы работы тысячи раз проходил через КПП и до тонкостей изучил все процедуры. Напротив, проблема заключается именно в том, что часовой как раз таки обучен поверхностно, с трудом выучил таблицу поста, не вник в то, зачем необходима та или иная процедура, понимает, что на этом посту ему служить не вечно, и по большому счету не осознает, что от его действия или бездействия зависит безопасность, а может быть, и жизнь не только его самого, но и его близких, как бы далеко от его места службы они не проживали. Ведь за границей поста – ядерно-опасный объект, ядерные оружейные материалы!

Предыдущий год был, увы, «ознаменован» доселе невиданной скандальной ситуацией, до сих пор не нашедшей, насколько известно автору, приемлемого разрешения. В Минатом поступило основанное на информации Главкомата ВВ, представление Генеральной прокуратуры России о нарушении Минатомом РФ законодательства России в части выделения военнослужащим ВВ жилых помещений. При ближайшем рассмотрении в Минатоме после получения соответствующей информации от предприятий, охраняемых ВВ, выяснилось, что оснований для жалоб военных в Прокуратуру РФ было, мягко выражаясь, не вполне достаточно. Вместе с тем проблема осталась. Решить ее сегодня не позволяет, как это ни парадоксально, российское законодательство. Как быть, например, если предприятие уже не строит жилых домов даже для своих кадровых работников? Как быть, если эта деятельность находится за пределами уставной деятельности предприятия, а безвозмездная передача недвижимости сторонней организации или частному лицу, не работающему на предприятии, создает серьезные проблемы с налогообложением?

Эта непростая ситуация, однако, побуждает более внимательно взглянуть на взаимоотношения охраняемых предприятий и войсковых частей. Так, объем задач по охране объекта, с одной стороны, и обязательства объекта перед войсковой частью – с другой, определяются содержанием Акта МВК. Именно в этом подробном и объемном до-

кументе указано, где и какие посты надлежит выставлять, каким способом нести охрану, какими силами обслуживать ИТСО и т. п. В нем же содержатся сведения об объеме и сроках проведения ремонтных работ караульных помещений, модернизации существующих систем ИТСО и, наконец, об обеспечении военных жилыми помещениями. Акт МВК – это некий договор, где стороны определяют взаимные обязательства.

Что касается взаимной ответственности, то здесь не все так просто. Например, нарушения Акта МВК со стороны военных давно уже стали системой. Командировки на Северный Кавказ, поступление необученного пополнения и тому подобные обстоятельства неизбежно ведут к тому, что часть постов, предусмотренных Актом МВК, не выставляется. Периодически в соединении одновременно отсутствуют сразу несколько ключевых командиров и штабных офицеров, что существенно и надолго снижает управляемость войсками. Наконец, несение службы на посту без боекомплекта – явление, ставшее обычным, – позволяет, как это ни странно, спать спокойно командирам (солдат не сбегит со снаряженным оружием!), хотя и явно противоречит самой сути войсковой охраны⁸.

Должны ли отступления от Акта МВК одной стороны неизбежно приводить к отказу другой полностью или частично выполнять свои обязательства, например не предоставлять квартиры или не выделять средства на ремонт караульных помещений? Логично, что ответ должен был бы быть положительным, хотя сама форма Акта МВК не предусматривает такой возможности: считается, что документ подписали заведомо добросовестные партнеры.

Ближайшее будущее ВВ определяется рядом важных документов федерального уровня: решениями Совета безопасности России, «Планом строительства внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации на 2001–2005 гг.», утвержденными Президентом России в 2002 г. «Основами государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 г.». О конкретных планах по реформированию ВВ можно судить по некоторым публичным заявлениям высших должностных лиц главного командования ВВ. Так, об итогах служебно-боевой деятельности в 2002 г. и о принятых на расширенном заседании Военного совета ВВ решениях на страницах открытого издания общественности и специалистам рассказал генерал армии, заместитель министра внутренних дел РФ, главнокомандующий ВВ МВД РФ В.В. Тихомиров⁹. Лейтмотивом статьи-монолога генерала является следующая мысль: ВВ – главная силовая составляющая МВД в локализации и нейтрализации внутренних вооруженных конфликтов, соответственно несомненна их позитивная роль в проведении контртеррористической операции на Северном Кавказе. Из статьи также можно узнать, что техническая оснащенность ВВ явно повысилась. Кроме того, сообщается, что, противодействуя терроризму, ВВ провели учения на объектах концерна «Росэнергоатом». И далее: «Приняты исчерпывающие меры, направленные на повышение надежности охраны объектов и специальных грузов. За счет внутренних резервов увеличена численность частей, охраняющих важные государственные объекты, сделаны определенные шаги по внедрению в служебно-боевую деятельность современных информационных технологий, программ электронного моделирования. Это ощутимо повысило качественные показатели боевой службы».

Оставляя победные реляции войсковых командиров, положенные в основу статьи уважаемого генерала, без комментариев, автор считает необходимым обратить внимание на главное: а что же дальше? А дальше – увеличение в структуре ВВ компонента воинских частей специального назначения, явный крен к видам деятельности, превращающим ВВ в новую мощную спецслужбу – со своей разведкой и боевиками-«ликвидаторами». Причем действовать формирования спецназа ВВ будут не только в регионах со сложной криминогенной обстановкой, а по сути на всей территории РФ. Они, скорее всего, подменяют (или заменяют?) собой милицейские СОБРы, так как будут напрямую взаимодействовать с территориальными службами криминальной милиции в борьбе с организованной преступностью в субъектах Федерации.

Причем считается, что указанная тенденция носит объективный характер, ведь «до 90% результатов группировки Внутренних войск на территории Чеченской республики – это итог действий подразделений разведки и спецназа». С этим спорить не приходится, честь и хвала тем, кто провел те почти семьсот спецопераций, которыми заслуженно гордятся ВВ. Но что же ждет подразделения и соединения ВВ, охраняющие важные государственные объекты, в частности ядерно-опасные объекты Минатома? Что собирается сделать здесь главное командование ВВ для качественного повышения уровня несения службы, надежности охраны и способности противодействовать современному разрушителю-террористу? Ответы на эти вопросы в упомянутой статье отсутствуют. А если, как мы уже знаем, ВВ «приняты исчерпывающие меры», то, может быть, задача по повышению уровня защищенности ядерных объектов ими считается окончательно решенной?

ВЕДОМСТВЕННАЯ ОХРАНА

Последнее обстоятельство обращает наши взоры ко второму виду охраны ядерных объектов Минатома – ведомственной охране. Последняя была создана более 50 лет тому назад как вооруженно-вахтерская, а затем как ведомственная военизированная. В отличие от войсковой, ВО децентрализована, содержится исключительно за счет охраняемых предприятий и традиционно закрывает те «бреши», которые образуются вследствие недостаточности сил войсковой охраны. Так, например, на СХК в состав отряда ВО входит шесть команд и караул по охране ценных грузов. В сфере ответственности ВО – теплоэнергоцентральный, ряд объектов водоснабжения комбината, склады материально-технического обеспечения, некоторые площадки захоронения РАО, Ремонтно-механический завод.

Еще за год до принятия Федерального закона РФ «О ведомственной охране»¹⁰ на СХК впервые в отрасли был начат эксперимент: ВО была передана ядерная площадка, на которой велась работы с ядерными материалами I категории – Сублиматный завод. Комбинат пошел на это не от хорошей жизни: инстанциями было принято решение передать часть численности войсковой охраны другому объекту Минатома.

В течение марта 1998 г. на конкурсной основе была укомплектована команда № 6 отряда ВО СХК. При этом максимально был учтен опыт организации охраны завода военными. Команда укомплектована исключительно мужчинами, в том числе и бывшими офицерами, ранее служившими в подразделении ВВ, охранявшем этот же завод. Были применены нормы численности на пост, используемые в ВВ.

Три года было дано на становление коллектива, а затем на Сублиматном заводе в присутствии представителя Управления ведомственной охраны Минатома были проведены учения по типовой схеме, основанной на требованиях п. 30 Правил. Причем руководство Службы безопасности и профильного подразделения службы – отдела физической защиты – не вмешивалось, без особой необходимости, в действия охраны и администрации Сублиматного завода, предоставив им максимальную свободу действий.

Поскольку система охраны завода опиралась, как указано выше, на традиционные подходы ВВ, результаты первого этапа активной фазы были совершенно такими же, как и при функциональных проверках войсковой охраны. Следующий этап остался за обороняющимися, причем значительно более активную роль, чем на площадках, охраняемых подразделениями ВВ, сыграла администрация завода. Директор завода своими решительными указаниями и энергичными действиями обеспечил активное участие начальников цехов и персонала завода в мероприятиях по выявлению проникших на завод нарушителей. Во взаимодействии с охраной нарушители были выявлены и нейтрализованы, а заложенное ими «взрывное устройство» было обезврежено прибывшим специалистом-взрывником за шесть минут до условного взрыва.

Накопленный опыт по охране и обороне Сублиматного завода позволил постепенно начать работу над кардинальными изменениями в системе охраны ядерно-опасного объекта. В настоящее время руководством Службы безопасности и отряда ВО прорабатываются варианты решений задач службы, которые позволят отказаться от традиционных, уже отживших свое подходов и повысить по сравнению с прежней, войсковой, эффективность охраны завода.

Повседневная практика и уроки учений свидетельствуют о том, что ВО на ядерно-опасном объекте в штатной ситуации несет службу более добросовестно и эффективно, чем войсковая. Логика событий говорит о том, что необходимо серьезно готовиться к постепенному переходу к охране ядерных площадок собственными силами. И СХК к этому готовится: и в кадровом отношении, формируя «скамейку запасных», и с точки зрения обучения, и с точки зрения достойной оплаты.

Минатомом в данном направлении была проделана за последние годы весьма значительная работа, особенно по разработке нормативных документов. Однако, трезво смотря на вещи, надо честно признать, что в целом Минатом и его предприятия в решении задачи создания эффективной ВО находятся только в начале пути. Здесь существует масса проблем, в том числе юридического и финансово-экономического характера. Например, действующее трудовое законодательство не позволяет уволить работника ВО, утратившего удовлетворительные физические кондиции, а квалификационные требования к персоналу ВО не были согласованы с Минтруда РФ. Нормы численности ВО не признаются Отделами организации труда и заработной платы (ОТиЗ) некоторых предприятий, так как не были согласованы (вероятно, в спешке) с соответствующим департаментом Минатома. О вооружении, форменной одежде и отсутствии надлежащего резерва на случай чрезвычайной ситуации и говорить не приходится – от возможного до желаемого здесь, как говорится, дистанция огромного размера.

Предварительные итоги первого и отчасти второго этапов формирования и становления ВО Минатома были подведены в ходе прошедших в текущем году совещаний региональных рабочих групп и хорошо известны отделу сил охраны Департамента защиты информации, ядерных материалов и объектов Минатома России. Хотя точнее было бы сказать «реформирование», а не «формирование и становление» ВО, так как последняя, хотя в другом виде и под другим названием, фактически существует шестой десяток лет.

Тем не менее, несмотря на все сказанное выше, надо однозначно признать, что адекватной альтернативы ВВ на сегодняшний день нет.

ВВ остаются и надежным кадровым резервом ВО. Например, на СХК бывшие военнослужащие ВВ составляют более 21% от общей численности персонала ВО, а в отдельных комендатурах и командах – до 80–90%. Несмотря на то, что значительная часть бывших военнослужащих, работающих в ВО СХК, отслужила в Вооруженных силах положенные по закону 20–25 лет, проводимые в командах ВО зачеты, конкурсы и соревнования показывают, как правило, что эта категория персонала в среднем в наибольшей степени удовлетворяет требованиям, предъявляемым к профессиональным сотрудникам ВО, особенно по владению боевым оружием. К этому надо добавить, что и основное (применительно к рассматриваемой проблеме) контрольно-методическое подразделение Службы безопасности – отдел физической защиты – на треть укомплектовано бывшими старшими офицерами ВВ, еще не так давно командовавшими полками, а то и дивизиями.

ВВ отлично вооружены, они мобильны, способны за короткое время значительно нарастить боевой потенциал на нужном направлении. Это показали, например, прошедшие в сентябре трехдневные учения «Саров-2003», в ходе которых войсковая охрана во взаимодействии с органами ФСБ и МВД в целом успешно справилась с задачей «ликвидации террористов», предпринявших попытки захвата ядерных оружейных материалов, транспортируемых железнодорожным и автомобильным видами транспорта. ВВ обоснованно гордятся тем, что за все более чем 50 лет осуществления специ-

ревозок ядерных материалов ими, во взаимодействии с объектами, Минатомом, органами КГБ-ФСБ и МПС, не допущено ни одного (!) серьезного чрезвычайного происшествия.

Исходя из понимания того, что в настоящее время ВВ являются и, хотелось бы верить, еще надолго останутся основными силами, обеспечивающими охрану и оборону важных ядерных государственных объектов, предприятиям целесообразно и далее по мере возможности помогать подразделениям ВВ: бензином, организацией питания, материально-техническим обеспечением, специальным оборудованием, денежными премиями достойным.

Практика показывает, однако, что размеры материально-технической помощи предприятий подразделениям ВВ не способны пропорционально повысить их боеспособность, эффективность действий в штатных и чрезвычайных ситуациях на охране и обороне важных ядерных государственных объектов. Часто сказывается пресловутая самодостаточность ВВ, о которой уже сказано выше.

Проблемы ВВ должны решаться комплексно и на серьезном государственном уровне. Во-первых, перечитаем классика: «Лучше меньше, да лучше». Необходимо оптимизировать численность ВВ по охране важных государственных объектов. Абсолютно недопустимо в настоящее время продолжать двигаться экстенсивным путем и решать все проблемы исключительно наращиванием численности военнослужащих. Избыточная численность ложится непомерным грузом не только на государственный бюджет, но и на расходную часть баланса охраняемых предприятий. Во-вторых, эта проблема не может быть решена без качественного повышения уровня подготовки и переподготовки военнослужащих как в институтах МВД, так и на местах. В-третьих, не пора ли серьезно задуматься над переходом на профессиональную основу формирования ВВ, несущих службу по охране ядерных объектов России? Не только спецназ ВВ, но и соответствующие соединения и подразделения ВВ должны стать элитой Вооруженных сил России.

Кроме того, при реформировании ВВ нельзя забывать ни о разработке и нормативно-правовом закреплении новой, отвечающей реалиям тактики, ни о культуре безопасности, ни о требованиях «заказчика». Реформа – это, как известно, улучшение, совершенствование, а не развал. Время проб и ошибок миновало, к проблеме реформирования следует подойти комплексно, системно, всесторонне.

ПРОБЛЕМЫ ЗАТО

Далее хотелось бы коснуться еще одной проблемы, связанной с деятельностью сил охраны объектов Минатома РФ, – проблемы закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО).

Не берусь высказываться от имени всех моих коллег из других ЗАТО, но в отношении СХК, с учетом его вышеописанных особенностей, следует признать совершенно определенно: городская контролируемая зона отчасти решает задачу первого рубежа защиты ядерных объектов, и проблема ее сохранения, несмотря на все недостатки, для СХК остается близкой к критичной, по крайней мере до окончания коренной модернизации систем физической защиты ядерно-опасных заводов. Этому же мнению придерживается и Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации по экологической безопасности, которая 5 декабря 2000 г. рассмотрела на своем заседании вопрос «Об обеспечении экологической и радиационной безопасности Томской области в связи с деятельностью Сибирского химического комбината» и решила: «Поручить МВД России совместно с Минатомом России и СХК решить вопрос о сохранении режима городской контролируемой зоны (ЗАТО г. Северск) путем охраны ее военными подразделениями МВД России, как одного из рубежей, обеспечивающих

предотвращение несанкционированного использования и распространения ядерных материалов и радиоактивных веществ».

В то же время очевидно, что наращивание численности военнослужащих ВВ и возведение новых дорогостоящих оборонительных сооружений на городской контролируемой зоне проблемы эффективной защиты ядерно-опасных площадок не решит. Тем более, что, как показала практика, ВВ оказались здесь не готовы к практическому применению нового Кодекса РФ об административных правонарушениях. Без совершенствования правовых механизмов применения ВВ норм КоАП, повышения уровня подготовки (в том числе правовой) военнослужащих и организации эффективного взаимодействия ВВ, в первую очередь, с территориальными органами МВД, у которых, к стати, также немало проблем¹¹, на серьезные позитивные сдвиги надеяться не приходится.

Тем не менее очевидно, что городская контролируемая зона в том виде, в котором она существует ныне в большинстве ЗАТО, является атавизмом, оставшимся нам в наследство от времен холодной войны. Сохранение городской контролируемой зоны уже решило главную задачу, стоявшую в последние десятилетия, – задачу сдерживания криминального проникновения в ЗАТО, обеспечения относительно комфортных морально-психологических условий сотням тысяч людей, работающих с опасными веществами, в годы коренных социально-экономических реформ, перетрясавших Россию беспрецедентными темпами. Недалек тот день, когда «закрытость» ЗАТО, административные ограничения доступа на их территорию станут серьезным, если не критичным сдерживающим фактором в их дальнейшем социально-экономическом развитии.

К этому надо прибавить, что в современных условиях, когда основная ядерная деятельность предприятий Минатома стала лицензируемой и жестко контролируемой целым рядом государственных надзорных органов, градообразующее предприятие ресурсы направляет прежде всего на решение проблем производства, в том числе и его физической защиты. Это позволяет выполнять условия лицензий, выпускать товарную продукцию и платить налоги. Последние идут в том числе на развитие территорий (ЗАТО), обеспечение нужд населения.

В этих условиях правомерно поставить вопрос о долевом участии администрации ЗАТО в содержании объектов городской контролируемой зоны, особенно тех, которые несут явно социальные функции, существуют и функционируют в основном не для производства комбината, а в интересах жителей ЗАТО. Это, в первую очередь, многочисленные городские КПП, обеспечивающие связь жителей ЗАТО с «внешним миром». Однако, как показывает практика, это не вызывает энтузиазма у городских чиновников, и городская контролируемая зона остается прозябать в условиях недофинансирования. Вместе с зоной отнюдь не процветают и те, кто несет службу по ее охране – как ВВ (в г. Северске), так и ВО (например, в г. Железногорске).

Впрочем, не нравится такая позиция и чиновникам Минфина, рассматривающим и утверждающим проекты бюджетов ЗАТО.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, не на все вопросы, поднятые в данной статье, автор мог бы предложить готовые ответы. В многотрудной работе по их поиску требуется участие широкого круга заинтересованных руководителей, командиров и специалистов. Надеяться на пробуждение от «организационной импотенции» не приходится: если уж она кого-то постигла – это патология, и статьи ее не лечат. Но если вышеизложенное вызовет продуктивные дискуссии среди здоровой части специалистов, автор будет считать свою задачу на данном этапе решенной.

Примечания

- ¹ См., например: Двадцать лет в строю. *Новости Разведки и Контрразведки*. 2003. № 13–14. С. 8
- ² Утверждены Постановлением Правительства РФ от 7 марта 1997 г. № 264.
- ³ Утвержден Указом Президента РФ от 1 ноября 1994 г. № 2052.
- ⁴ Приказ МВД СССР № 0195.
- ⁵ Введена приказом Минатома РФ от 25.07.2000 № 458.
- ⁶ См., например, доклад Б. Крейна и Р. Ларсена «Противоречивые цели физической защиты, контроля и учета материала» в материалах 44-й конференции Института управления ядерными материалами (INMM), Феникс, Аризона, 2003.
- ⁷ Принцип F. См.: Основные принципы МАГАТЭ в области физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (GOV/2001/41).
- ⁸ Автор был свидетелем, когда находчивый военнослужащий срочной службы, неся службу без боекомплекта, в ответ на вопрос, что он будет делать, если увидит приближающихся со стороны леса 5–6 вооруженных автоматами неизвестных людей, браво гаркнул: «Буду оборонять пост штык-ножом!» А за спиной, метрах в ста, – хранилище ядерного материала I категории!
- ⁹ См.: К новому качеству внутренних войск. *Защита и Безопасность*. 2003. № 1 (24). С. 4–6.
- ¹⁰ Федеральный закон № 77 от 14 апреля 1999 г.
- ¹¹ Например, в 2002 г. военнослужащие ВВ, преследуя нарушителя, проникшего в ЗАТО Северск через ограждение городской контролируемой зоны, с помощью служебно-розыскной собаки вышли на квартиру в жилом доме. Вызванный наряд милиции, однако, ссылаясь на ограниченные полномочия, категорически отказался силовым методом войти в квартиру.

В адрес Ирана нередко звучат безосновательные обвинения в том, что он якобы пытается получить в свое распоряжение оружие массового уничтожения, в особенности ядерные вооружения. Так, в соответствующей литературе мы можем найти в немалом количестве публикации, содержащие прямые или косвенные утверждения о том, что Иран постоянно стремится заполучить ядерное оружие. Это особенно характерно для прессы стран Запада, а именно США и некоторых государств Европы, где зачастую излагаются новости и аналитические материалы с пессимистическими взглядами на ситуацию в Иране.

После появления доклада Генерального директора МАГАТЭ², опубликованного незадолго перед сессией Совета управляющих МАГАТЭ 16–19 июня 2003 г., так называемый вопрос об опасности ядерного распространения со стороны Ирана вновь стал активно обсуждаться в международных СМИ, при этом особый упор делается на отдельных пессимистических оценках, содержащихся в этом докладе.

Во всех подобных статьях и аналитических материалах, оценках разведанных, официальных слушаниях или исследовательских докладах делаются попытки показать, что российско-иранское ядерное сотрудничество представляет собой весьма серьезную угрозу для безопасности, и утверждается, что Иран получит ядерное оружие в самом ближайшем будущем.

Соответственно администрация США делает угрозы в отношении Ирана и его потенциальных партнеров, используя метод «кнута и пряника». В течение последнего десятилетия вопросы, связанные с Ираном, всегда стояли в повестке дня российско-американских отношений³, а также отношений США с другими государствами, в том числе членами Европейского Союза; озабоченные вопросами распространения, они требовали, чтобы Иран принял на себя новые обязательства.

Все эти факты указывают на важность как проблемы распространения оружия массового уничтожения, так и позиции Ирана и его действий в этом направлении. Однако в сравнении с зарубежной литературой, посвященной деятельности Ирана в ядерной области, опубликованные внутри страны доклады и статьи весьма немногочисленны, в основном они представляют собой официальные заявления декларативного характера. Таким образом, на большинство вопросов, задаваемых иностранными политиками, исследователями и журналистами, адекватных ответов со стороны Ирана пока еще не последовало.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы ответить на следующие три вопроса: каковы основные обвинения в адрес Ирана о его деятельности в ядерной области и почему они выдвигаются; каково отношение Ирана к этим обвинениям, а в особенности о его стремлении заполучить ядерное оружие; и, наконец, какой могла бы стать желательная

позиция Ирана в отношении ядерного оружия. Для ответов на все эти вопросы мы сначала перечислим наиболее серьезные обвинения, а затем разъясним характер их появления. Далее будут рассмотрены побудительные факторы для выдвижения таких обвинений. Кроме того, мы рассмотрим политику Ирана и его действия в плане ядерного выбора, а также те соображения по ядерному разоружению, которые совместимы с национальными интересами Ирана.

ОБВИНЕНИЯ

Со времен ирано-иракской войны 1980–1988 гг. вопрос о распространении оружия массового уничтожения встал на повестку дня, а время от времени эта проблема вновь вызывает острые дискуссии. «Вот уже более десяти лет американские официальные лица – как в Конгрессе, так и в сменявшихся друг друга администрациях США – делают особый упор на угрозе возможного получения Ираном ядерного оружия»⁴.

Касаясь обвинений в распространении оружия массового уничтожения в отношении Ирана, следует отметить несколько эпизодов. В то время как в одних источниках дебатруется вопрос о том, есть ли у Ирана программа по созданию ядерного оружия вообще, в других приводятся некие сведения об импорте материалов двойного назначения, технических секретов или даже о покупке ядерных боеприпасов. В этом отношении важнейшую роль в выпуске литературы антииранской направленности играют представители США и Израиля. Так, например, согласно таким источникам, «Иран имеет тайный план приобретения ядерных вооружений и активно претворяет его в жизнь. Для достижения этой цели Иран получает технические секреты, технологии и оборудование из России, Северной Кореи, Китая, а также из иных источников»⁵.

Они также делают попытки убедить в этом и другие государства как посредством официальных переговоров, так и с помощью публикаций. На первом этапе их основной целью было дать информацию в СМИ и убедить другие страны в опасности распространения, исходящей от Ирана, после чего они стали предлагать и некоторые подходы к решению данной проблемы.

По их мнению, одним из возможных решений может стать оказание политического давления на ядерных партнеров Ирана: «США оказывают давление на Китай, Россию и иные государства для того, чтобы добиться прекращения поставок в Иран жизненно важных технологий, передачи ему материалов и технических секретов. В плане нераспространения этот метод позволил достичь определенных успехов. [...] И в дальнейшем мы должны предпринимать шаги для предотвращения таких поставок. Сюда должны входить действия по перехвату открыто или скрытно поставляемого в Иран оборудования и технических секретов, которые могут напрямую повредить возможности этой страны по производству ядерного оружия»⁶.

Согласно этим источникам, даже этих мер недостаточно для того, чтобы предотвратить получение Ираном ядерного оружия: «...В серьезной стратегии следует использовать любые возможные меры для блокирования поставок в Иран, одновременно демонстрируя на практике, что Иран не нуждается в обладании ядерным оружием [...] дабы гарантировать свою безопасность от ударов со стороны США, Израиля, Ирака или Пакистана. Соединенные Штаты должны сосредоточить свои усилия на компенсации причин и источников потенциальной потребности Ирана в ядерном оружии»⁷.

После победы США в недавней войне против Ирака не раз звучали призывы прибегнуть к превентивным мерам и военной силе против Ирана, раздавались советы начать ограниченную войну с целью уничтожить иранскую ядерную инфраструктуру⁸.

Однако в большинстве докладов по Ирану упор делается скорее на побудительных мотивах приобретения оружия массового уничтожения, нежели на конкретных фактах. Сюда включаются политические, идеологические и стратегические соображения, которые могли бы подталкивать Иран к получению оружия массового уничтожения. Так, например, с политической точки зрения становится очевидным, что так как соседние государства обладают ядерным оружием, то и Ирану для гарантии национальной безопасности

необходимо иметь свою ядерную бомбу как в настоящее время, так и в перспективе. Далее, Иран признается как государство, имеющее амбиции к региональному доминированию, и поэтому ядерное оружие требуется ему для реализации таких устремлений. Наконец, идеологический антагонизм в отношениях Ирана с США и Израилем (а оба эти государства располагают ядерным оружием) обуславливает необходимость для Ирана заполучить его⁹.

ПРИЧИНЫ ОБВИНЕНИЙ

Каковы же причины, по которым Иран обвиняется в стремлении заполучить ядерное оружие? Для появления таких обвинений есть три причины.

Политическая враждебность

Как упоминалось выше, после революции и особенно в ходе ирано-иракской войны отношение Запада к Ирану значительно ухудшилось. На смену дружественным отношениям между Ираном и западными странами пришло взаимное враждебное восприятие. Учитывая эту ситуацию, становится ясным, что политика и любое действие одной стороны рассматриваются другой стороной с подозрением. Соответственно может показаться, что это подозрительное видение коренится в ощущении угрозы, порождаемой наличием противника. Новая, независимая политика революционного Ирана и его решение конкурировать с бывшими колониальными державами, включая Америку – гегемонистскую сверхдержаву, привели к тому, что США весьма пристально наблюдают за действиями Ирана, и в ядерной сфере особенно. Отсюда следует, что деятельность Ирана в ядерной области заметно преувеличивается и интерпретируется весьма пессимистично. Такие обвинения лежат и в основе сомнительных оценок и прогнозов, не согласующихся с фактами. Например, согласно ряду опубликованных прогнозов, Иран должен был получить доступ к ядерному оружию как минимум уже десять лет назад; однако ввиду того, что эти прогнозы оказались и несостоятельными, и ненадежными, ожидаемые сроки для данного события просто переносились несколько раз подряд. Отметим, что ни один из этих прогнозов так и не сбылся до сих пор. Эта ситуация кратко освещена в таблице, приведенной ниже.

Оценки ЦРУ по срокам получения Ираном технических возможностей по созданию ядерного оружия

Оценки ЦРУ, год	Прогнозируемая дата, год
1992	2000
1995	2003
1997	2005–2007
2000	2000

Источник: Risen James, Miller Judith. «CIA Tells Clinton an Iranian A-Bomb Can't Be Ruled Out». *New York Times*. 2000, 17 January. Цит. по: Anton Khlopkov. «Iran's Nuclear Program in the Russia – US Relations». *Digest of Yaderny Kontrol Journal*, №1, Winter/Spring 2003. P. 67.

Использование пропагандистских уловок вместо изложения фактов является еще одной характеристикой политического характера кампании, ведущейся против Ирана. «Противодействие со стороны определенных держав мирным планам Ирана по созданию ядерной энергетики в постреволюционный период, осуществляемое под фальшивыми предлогами, является тем вопросом, который требует обсуждения. Ведь перед революцией эти же самые державы не просто хранили молчание в отношении планов быстрого и да-

же неограниченного ядерного развития Ирана, но и сыграли весьма важную роль в осуществлении соответствующих программ»¹⁰.

Между тем современная иранская программа в области ядерной энергетики отнюдь не является столь же амбициозной, как ядерная программа шахской эпохи¹¹. «... (Иран. – Г. Б.) тогда очень торопили с инвестированием миллиардов долларов в строительство ядерных объектов, таких как ядерно-технологический центр для производства ядерного топлива в Исфагане, создававшийся представителями Франции и Великобритании, как атомная электростанция в Бушере и т. д. Можем ли мы теперь забыть обо всех этих капиталовложениях и запросто распрощаться с ними?»

Рекомендации, данные экспертами Стэнфордского университета по выработке 20 000 МВт электроэнергии на иранских ядерных станциях в течение 20 лет, монополия западных стран на контракты по строительству ядерных электростанций и производству ядерного топлива вполне определенно указывают, что в предреволюционную эпоху Запад оказывал весьма большое влияние на деятельность Ирана в ядерной области.

Каких же из этих направлений развития, предложенных Западом, нам стоит придерживаться? Следует ли руководствоваться предложением ученых США по выработке более 20 000 МВт электроэнергии от АЭС и мерами по реализации этого плана или же необходимо прислушаться к политически окрашенным предложениям, нарушающим национальный суверенитет, некоторых ответственных лиц, заявляющих, что богатый нефтью и газом Иран не нуждается в строительстве ядерных электростанций? Мне хотелось бы спросить: а задавался ли этот же самый вопрос когда-либо другим державам, столь же богатым горючими полезными ископаемыми, например Соединенным Штатам, Российской Федерации, Великобритании, Канаде, Мексике или другим?¹²

Недостовверные экспертные сценарии

В современной литературе, посвященной иранской ядерной программе, общим местом является описание вероятных сценариев на будущее. Пытаясь спрогнозировать развитие событий на перспективу, авторы вначале предлагают сценарии, а затем их решения. Получение ядерного оружия Ираном и официальная декларация об обладании им, а также заявление о намерении выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия представляют собой худший из сценариев. Наряду с этим существует и целый ряд других. Так, например, в случае прихода к власти в Иране правительства, более дружественного к международному сообществу, реакция на него за рубежом будет гораздо более терпимой, нежели при сохранении правительства с недружественным отношением к международной системе. Кроме того, в ряде сценариев рассматриваются и варианты того, что Иран получит в свое распоряжение целый арсенал ядерного оружия или иных видов оружия массового уничтожения¹³.

Во всех этих случаях и сценариях ключевым вопросом остается деятельность Ирана в ядерной области. Хотя в отношении Ирана всего лишь постоянно строятся вышеуказанные предположения, одним из естественных результатов такого процесса становится появление веры в то, что Иран располагает ядерным арсеналом или же имеет программу, нацеленную на создание ядерной бомбы.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что упомянутые аргументы в отношении ядерной программы Ирана не имеют под собой почвы. Тем не менее мы являемся свидетелями того, что на международном уровне лишь вновь и вновь повторяются некие цитаты и обобщения.

Реализм в международных отношениях

Хотя история школы реализма насчитывает уже более 50 лет, а в международных отношениях существуют и другие подходы, именно реализм и неореализм являются для них основой. Согласно положениям школы реализма, одним из важнейших приоритетов для

государств является безопасностью, при этом она рассматривается как наивысший национальный интерес.

Таким образом, когда ученые и исследователи фокусируют свое внимание на Иране и рассматривают его работы в ядерной области как потенциальную угрозу безопасности и интересам своих стран, это показывает, что они являются весьма убежденными сторонниками школы реализма. Иными словами, их вера в реализм и соответственно анализ иранской позиции исключительно сквозь призму реализма приводят к тому, что они начинают рассматривать Иран в качестве угрозы, обвиняя его в стремлении заполучить ядерную бомбу.

ПОЛИТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРАНА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В ответ на все это Иран неоднократно отвергал обвинения в наличии программы создания ядерного оружия. Объясняя потребности страны в ядерных технологиях, официальные лица Ирана заявляли следующее: «Наш главный приоритет в ядерной программе – это выработка электроэнергии на АЭС [...] с учетом быстрого социально-экономического развития Ирана за последние три десятилетия. Второй целью в плане ядерного развития Ирана является достижение им самообеспеченности в вопросе производства ядерного топлива. Решение строить атомные электростанции разных типов требует от нас налаживания производства разных видов ядерного топлива – конечно, при соблюдении гарантий МАГАТЭ»¹⁴.

Далее, Иран является не только государством-участником всех основных международных документов в области оружия массового уничтожения, включая Договор о нераспространении ядерного оружия, Конвенцию по биологическому оружию, Конвенцию по химическому оружию, он также подписал Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, при этом активно выступает на всех международных форумах по разоружению. Иран постоянно призывает к усилению соглашений по разоружению и активно поддерживает идею создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения¹⁵. Иран также поддерживает внедрение нового вида инспекций, а именно инспекций на добровольной основе.

«Политика Ирана в отношении Дополнительного протокола является ясной и рациональной. [...] (Ирану.– Г. Б.) не составляет труда принять этот протокол, и, по факту, он относится к нему положительно. Наряду с этим он не намерен ратифицировать и ввести в действие положения протокола на безусловной основе [...] Наш народ и власти всегда задавали вопрос о том, почему Иран, который присоединился к самым разнообразным договорам и соглашениям по обеспечению безопасности в ядерной области, который пошел на все виды сотрудничества по требованию МАГАТЭ, – при том, что его работы в ядерной области, как это подтверждено официальными докладами инспекционных групп МАГАТЭ, имеют мирный характер, – почему он остается до сих пор объектом для различных видов давления и ограничений из-за рубежа? А между тем существуют страны, обладающие различными видами оружия массового уничтожения и отказывающиеся присоединиться к таким договорам, как Договор о нераспространении ядерного оружия, но их никоим образом не трогают и даже не привлекают к ответственности за такое поведение»¹⁶.

Кроме того, у Ирана есть свои собственные ожидания, а также и возможности для ответной критики. В частности, хотелось бы, чтобы государства-участники Договора о нераспространении ядерного оружия оказали техническую помощь Ирану согласно положениям статьи IV данного договора и сняли санкции, действующие в настоящее время в отношении нашего государства. При этом Иран не видит каких-либо юридических оснований для проведения дискриминации и применения двойных стандартов. В целом же «Исламская Республика Иран полагает, что все положения Договора о нераспространении имеют одинаково важное значение. Поддержание баланса «прав и обязанностей», заложенных в текст договора, обеспечивает его целостность, повышает доверие к нему и ведет к его универсальности и полнотехничности»¹⁷.

ИРАН И ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР

С учетом приведенных далее аргументов автор полагает, что для Ирана выбор в пользу создания ядерного оружия является нежелательным.

- Позиция и действия Исламской Республики Иран базируются на исламских воззрениях, согласно которым любое использование оружия массового поражения является неоправданным. В связи с этим и с учетом того, что подобного рода вооружения рассматриваются как разрушительные и антигуманные, Иран резко осудил проядерный подход и призвал к тому, чтобы все члены международного сообщества полностью уничтожили все виды оружия массового уничтожения¹⁸: «Иран рассматривает приобретение, разработку и применение ядерных вооружений как антигуманные, аморальные, незаконные действия, противоречащие самым основным принципам человечности. Им нет места в оборонительной доктрине Ирана. Они ничего не прибавляют к безопасности Ирана и не помогают избавиться от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, а именно это соответствует высшим интересам Ирана»¹⁹.

Испытав на себе в ходе ирано-иракской войны последствия применения химического оружия, Иран выступает категорически против использования ОМУ в целом.

- Будучи развивающейся страной, Иран полагает, что развитие социального и экономического секторов является делом особой важности. Ввиду постоянного роста населения и многочисленных внутренних потребностей страны любое нерациональное использование средств национального бюджета может стать разрушительным для экономики Ирана. Для гарантированного обеспечения национальной безопасности, наряду с чисто военными ее аспектами, Иран должен уделять соответствующее внимание и всем другим аспектам, в том числе экономическим, социальным и политическим.

Опыт ряда развивающихся стран, таких как Северная Корея, где выделялись крупные ассигнования на создание ядерного оружия в ущерб развитию экономики страны, совершенно ясно показывает катастрофические результаты подобной политики. По оценкам экспертов, для любой из развивающихся стран выполнение программы по разработке ядерной бомбы затормозит развитие экономики на 10–15 лет...²⁰

С экономической точки зрения выделение достаточных ассигнований на программу создания ядерного оружия было бы огромным бременем для развивающейся страны. Кроме того, ответ на это международного сообщества в виде санкций и т. п. создаст еще больше препятствий для ее развития. Проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г. ядерные испытания лишь понизили уровень их безопасности, вместо того чтобы повысить его для обоих государств²¹.

- Иран по своим границам почти полностью окружен ядерными державами. Россия на севере, Пакистан на востоке, а с недавнего времени и войска США на юге – все они обладают ядерным оружием. Более того, Турция – западный сосед Ирана – является членом НАТО, а у Ирака ранее имелись серьезные мотивы для обретения ядерного статуса. Однако для решения всех проблем, существующих в отношениях между Ираном и его соседями, обладание оружием массового уничтожения и не требуется. Гипотетически весьма вероятно, что небольшой ядерный арсенал Ирана будет бесполезен против слабых соседей и неэффективен против крупных ядерных потенциалов таких мощных противников, как США. При этом любая попытка Ирана заполучить ядерное оружие может спровоцировать нанесение по нему превентивного удара²².
- Прогресс в области разоружения за последние десятилетия принес с собой луч надежды – веру в то, что многочисленные препятствия в этой сфере могут быть устранены. В наиболее тяжелые годы холодной войны, в существовавшей тогда атмосфере подозрительности и недоверия между сверхдержавами вопросы

разоружения и инспекций серьезно не рассматривались. На современном этапе изменилась сама природа международных отношений, получили развитие меры доверия и разрядки, подписан ряд соглашений в области разоружения и контроля над вооружениями – все это стало частью процесса постоянного обновления, новой реальностью на международной арене.

Таким образом, сегодня есть надежда на всеобщее ядерное разоружение. Следует также отметить и быстрое развитие техники, что в конечном счете может изменить и «правила игры» в сфере международных отношений, учитывая тенденцию перехода прямолинейных действий к более тонким, а также определенное понижение роли ядерных вооружений²³.

- Наконец, мы должны задаться вопросом: «А будет ли международный режим нераспространения спокойно относиться к любому нарушению его важнейших положений?» Очевидно, ответ будет отрицательным. Потому что, даже если государство не является участником Договора о нераспространении ядерного оружия, то, в соответствии с заявлением Совета Безопасности ООН от января 1992 г., любая его попытка заполучить какой-либо вид оружия массового уничтожения будет рассматриваться как действие, направленное против международного мира и безопасности. Это, в свою очередь, означает, что в таком случае Совет Безопасности будет иметь право использовать силу для обуздания нарушителя.

ВЫВОДЫ

В современной военной истории оружие массового уничтожения (ядерное, биологическое и химическое) рассматривается как основной инструмент мощи государства, призванный продемонстрировать его превосходство над противниками. Как применение, так и угроза применения этого разрушительного оружия были достаточны для того, чтобы вынудить противника к сдаче. Современная военная история знает немало таких примеров. В годы холодной войны дискуссии по вопросам оружия массового уничтожения доминировали на любом форуме по вопросам безопасности. Но после ее окончания международное сообщество стало свидетелем усиливающейся тенденции к распространению такого оружия и даже появления угроз его применения. Хотя в течение 1990-х гг. международным сообществом был принят ряд конвенций и соглашений по нераспространению и контролю над вооружениями, в тот же период некоторые государства овладели оружием массового уничтожения.

Принцип устрашения, использовавшийся в течение периода холодной войны, стал теперь неприменим. Более того, устрашение как стратегическая концепция в системе международных отношений понизилось в статусе от доминирующего уровня до уровня подсистемы, при этом даже собственные его черты претерпели изменения. Хотя целью ряда стран, в особенности великих держав, остается дальнейшее наращивание военной мощи, эти попытки уже не основаны на идее устрашения.

В то же время за последние десятилетия в мире возникла устойчивая этическая тенденция, которая не поощряет использование силы, оказывающая влияние на международные отношения, но усиливает разрядку, обеспечение безопасности, внедрение мер доверия, сотрудничество, мирное разрешение конфликтов и ведение диалога. Все эти факторы значительно ослабили действие концепции устрашения. В результате международные договоренности по разоружению и контролю над вооружениями были значительно улучшены благодаря вновь принятым декларациям, решениям и конвенциям. Примером этого начиная с 1990-х гг. стало заключение ряда международных соглашений по разоружению и контролю над вооружениями, подобных Конвенции по химическому оружию, а также бессрочное продление Договора о нераспространении и подписание Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия.

В XXI в. политика большинства государств в области национальной безопасности больше не является односторонней, скорее она становится многомерной. В качестве военного средства обеспечения безопасности оружие массового уничтожения не является

более приемлемым, и в настоящее время государства стремятся шире использовать невоенные механизмы, такие как разоружение. Следует особо отметить, что данное утверждение не снимает важности наличия военных средств как таковых. Другими словами, с учетом новых веяний безопасность приобретает новые измерения, которые перевешивают традиционный упор на военные аспекты. Оружие массового уничтожения представляет серьезную угрозу безопасности на нескольких уровнях, в частности возможность применения оружия массового уничтожения террористами вызывает даже у государств, обладающих ядерным оружием, сильную озабоченность в отношении обеспечения своей национальной безопасности.

У государств имеются два основных сценария в области национальной безопасности: разоружение или устрашение. Согласно положениям Устава ООН государства имеют право на самооборону. Безусловно, для этого требуется иметь вооружения. В то время как применение оружия массового поражения является разрушительным, использование обычных средств вооруженной борьбы для такой цели представляется вполне разумным.

Иран поддерживает идею всеобщего и полного разоружения, он также всегда призывал, чтобы те государства, которые обладают ядерным оружием, четко выполняли положения статей IV и VI Договора о нераспространении. В этих статьях особо подчеркивается роль технической помощи в области ядерных технологий и необходимость полного ядерного разоружения.

В июньском докладе Генерального директора МАГАТЭ о деятельности Ирана в ядерной области, несмотря на антииранскую пропаганду, ничего не говорится о каких-либо нарушениях Договора о нераспространении и его положений о гарантиях. При этом в нем отмечается, что не все виды деятельности в ядерной сфере были заявлены в должных временных рамках. Но это характерно не только для Ирана. Если бы подобного рода доклад был составлен и в отношении иных государств, то в нем были бы отмечены точно такие же, если не более острые, проблемы²⁵.

Все эти усилия делаются с целью надавить на Иран и на то, чтобы наша страна подписала Дополнительный протокол. Однако следует заявить, что для того, чтобы какая-либо страна включилась в процесс интеграции, в данном случае присоединившись к международной договоренности, для нее следует предусмотреть и дополнительные преимущества. В отношении Ирана таким моментом может стать снятие санкций и прекращение ежедневных угроз США о нанесении удара по Ирану. Плодотворные результаты в этом плане может принести многосторонняя дипломатия. Международное сообщество в широком контексте, в особенности аналитические центры смогут также внести свой положительный вклад в решение данного вопроса²⁴.

В случаях, когда эти центры представляют ненадежные и не соответствующие действительности доклады и аналитические оценки, безусловно влияющие на принятие политических решений, нам следует ожидать роста напряженности на международной арене, вне зависимости от того, какая страна изучается. Однако мы с оптимизмом ожидаем, что такие организации смогут сыграть конструктивную роль, обеспечив снижение напряженности в отношениях между различными странами мира.

Примечания

¹ Приведенные в данной статье взгляды и аналитические оценки представляют собой субъективное мнение автора и не отражают точку зрения какой-либо организации или учреждения.

Перевод – Бычков В.К.

© Ядерный Контроль, 2003.

Все права защищены

© ПИР-Центр. Перевод на русский

² Report by the IAEA Director General «Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran,» Board of Governors GOV/2003/40, 2003, 6 June.

³ Khlopkov Anton. Iran's Nuclear Program in the Russia – US Relations. *Digest of Yaderny Kontrol Journal*. 2003, №1, Winter-Spring. P. 33–55.

⁴ Perkovich Georg. Dealing With Iran's Nuclear Challenge. Carnegie Endowment Proliferation Brief. 2003, 28 April.

⁵ Schiff Zeev. Weapons of Mass Destruction and the Middle East; The View from Israel. James A. Baker III, Institute for Public Policy, Rice University, March 2003.

⁶ Perkovich G. Op. cit.

⁷ Ibid.

⁸ «The Forgotten Threat? Iran and Weapons of Mass Destruction,» International Security Program, Harvard University, 12 March 2003.

⁹ Kemp Geoffrey (ed.), «Iran's Nuclear Weapons Options,» January 2001, www.nixoncenter.org; Vaziri Haleh . Iran's Nuclear Quest: Motivations and Consequences/ in Raju Thomas (ed.). *The Nuclear Non-Proliferation Regime, Prospects for the 21st Century* (Macmillan Press, 1998).

¹⁰ Iran's Nuclear Policy (Peaceful, Transparent, Independent). Speech By: H.E. Mr. Reza Aghazadeh Vice-President of the Islamic Republic of Iran, IAEA Headquarters – Vienna, 6 May 2003.

¹¹ Gerardi Greg., Aharinejad Maryam. An Assessment of Iran's Nuclear Facilities. *Nonproliferation Review*. 1995, Spring-Summer.

¹² Ibid.

¹³ See for example: Kemp G. Op. cit.

¹⁴ Iran's Nuclear Policy (Peaceful, Transparent, Independent). Op.cit.

В данном докладе приводятся следующие обоснования финансирования проводимых Ираном работ по ядерным технологиям:

«Исламская Республика Иран не может просто полагаться на получение энергии из ископаемого топлива лишь на базе обладания большими ресурсами по следующим соображениям:

Первое, эти ресурсы ограничены и принадлежат всем дальнейшим поколениям народа, а их неограниченное использование является неэтичным.

Второе, использование этих ресурсов для обрабатывающих отраслей, таких как нефтехимия, позволит получить гораздо большую прибавочную стоимость.

Третье, использование внутри страны этих ресурсов в качестве топлива значительно повлияет на доходы от внешней торговли по экспорту нефти-сырца и природного газа. Следует отметить, что постоянное использование энергии в современном виде в нашей стране превратит нашу страну в импортера нефти и ряда продуктов ее переработки уже в ближайшие десятилетия.

Четвертое, наше правительство выплачивает значительные косвенные субсидии на потребление топлива на местах, что налагает серьезное финансовое бремя на правительство, так как в современном ценовом механизме даже не покрываются затраты на производство и распределение этих продуктов.

И, наконец, последним и очень важным соображением являются вопросы экологической безопасности, которым уделяется большое внимание со стороны всего международного сообщества, а все страны мира поощряют соблюдение экологических стандартов для гарантии выживания Земли и ее природной среды, что соответствует международным инициативам в данной области.

Упомянутые выше соображения делают в нашей стране упор на применение ископаемых видов топлива для выработки электроэнергии и неразумным и недоступным, но при этом более конкурентным становится использование новых технологий, включая ядерную технику».

Zarif Mohammed Javad. The Necessity of a Nuclear Free Zone in the Middle East. *Ettela'at* (A Farsi Newspaper). 1999, 23 May.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Mohammed Javad Zarif – Iranian Deputy Foreign Minister in the Parliament Session for Ratification of the CWC, June 1997.

¹⁸ Iran's Nuclear Policy (Peaceful, Transparent, Independent). Op.cit.

¹⁹ Tarzi Amin Non-Proliferation Regime. *Negar* (Monthly on Military-Strategic Reports and Analyses in Farsi). 2000, June. P. 38.

²⁰ Mansoori R. It Happened in the Neighborhood. *Payam-e Emrouz* (A Farsi Monthly). 1998, June-July. P. 92.

²¹ Mokhari M. Military Security in the Light of the Globalization. *Gofteman-e Amniat-e Melli* (National Security Discourse, in Farsi). 2001. Vol.1, No. 2. P. 94.

²² Hojjatzadeh A. H. Revolution in Military Security. *Amniat-e*. (National Security Quarterly, in Farsi). 1999. Vol.1, No.1, Fall. P. 106.

²³ For more information on Iran's views about this report, please see: Statement by Iranian Delegation at the IAEA Board of Governors Meeting, 2003, 18 June.

²⁴ Статья поступила в редакцию до официального заявления Ирана о готовности подписать Дополнительный протокол МАГАТЭ (*Прим. ред.*).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В Совете Федерации РФ (СФ) прошел «круглый стол» на тему «Международный терроризм с использованием оружия массового уничтожения: миф или реальность?». Организаторами «круглого стола» выступили ПИР-Центр и Комитеты СФ по международным делам и по обороне и безопасности. Свои доклады представили член Комитета СФ по международным делам, председатель Экспертного совета Комитета СФ по международным делам А.А. Коробейников, директор ПИР-Центра В.А. Орлов, эксперт Службы Внешней Разведки А.В. Федоров, старший советник ПИР-Центра В.З. Дворкин, заместитель председателя Государственной Думы РФ по международным делам К.И. Косачев. В ходе состоявшейся дискуссии участники обсудили ряд вопросов, включая такие как проблема терроризма с использованием оружия массового уничтожения (далее ОМУ-терроризм), уязвимость инфраструктуры государств, в особенности территорий мегаполисов, перед террористическими атаками с использованием оружия массового уничтожения и соответствующих материалов, а также возможные меры противодействия этим угрозам.

В заседании «круглого стола» помимо основных докладчиков приняли участие: В.И. Мельников, заместитель председателя Комитета СФ по обороне и безопасности; Л.И. Биндар, член Комитета СФ по конституционному законодательству; Б.-Ж. Жамбалнимбуев, член Комитета СФ по международным делам; Ф.И. Ладыгин, старший советник Института энергодиалога «Восток – Запад»¹; О.М. Нечипоренко, генеральный директор Национального антикриминального и антитеррористического фонда; Н.Н. Пономарев-Степной, академик РАН, вице-президент Российского научного центра (РНЦ) «Курчатовский институт»; Р.М. Тимербаев, старший советник ПИР-Центра, Ю.А. Трутнев; академик РАН, первый заместитель научного руководителя Российского федерального ядерного центра Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ ВНИИЭФ); И.М. Умаханов, первый заместитель председателя Комитета СФ по международным делам. Кроме того, в дискуссии приняли участие представители Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Госатомнадзора РФ, Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, Росавиакосмоса, Российского института стратегических исследований (РИСИ), МЧС РФ, Центра разоружения, энергетики и экологии, Московского физико-технического института (МФТИ), МИД РФ, Минобороны России, МВД России, ФСБ, Центра оборонной информации, Института системного анализа РАН, Военно-инженерного университета.

Ниже приводится текст стенограммы заседания «круглого стола» (в сокращении).

А.А. КОРОБЕЙНИКОВ (КОМИТЕТ СФ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ)

На сегодняшний день террористы воюют в основном обычным оружием, которое в силу массовости его применения становится также своеобразным оружием массового уничтожения.

В миротворческих операциях после Второй мировой войны (конечно, не все они были антитеррористическими) убито 19 млн человек. Поэтому я хочу сразу же заострить вопрос о запрещении массовой легальной торговли стрелковым оружием, обычными вооружениями и о приравнивании военной торговли вообще к международным преступлениям.

Достичь этой цели не просто, если не сказать – невозможно. Это риск, но в современном мире больше всех рискует тот, кто предпочитает ничем не рисковать. Если именно такая цель не будет поставлена лидерами современного мира, то покончить с вооруженным насилием, крайним выражением которого и стал супертерроризм, никогда не удастся.

В основе террористических настроений людей лежит их отчаянное недовольство своим положением. Приведу факты для размышления. 358 человек в мире владеют таким же имуществом, как 2,5 млрд людей самых бедных. В этих условиях отрицать эксплуатацию анклава бедности золотым миллиардом – значит выходить за рамки здравого смысла.

Если бы средства, вложенные во второй половине прошлого века в миротворческие операции, были направлены на подъем экономики слаборазвитых стран, эффект был бы более существенным для упрочения бесконфликтного образа жизни населения планеты.

В нашей новейшей истории есть примеры более разумного перераспределения средств. Экономическое процветание стран-членов НАТО имеет в своей основе и тот факт, что после холодной войны эти страны высвободили огромные средства из военных бюджетов для гражданских секторов экономики.

Если бы в Афганистане нынешние затраты альянса были направлены не только на погоню за У. бен Ладеном, но и на создание рабочих мест в этой разоренной стране, результат был бы более продуктивным. У. бен Ладен не пойман, страна разрушена, начинена военными. Афганцы в этих условиях все равно выращивают мак, стали еще активнее производить наркотики, чтобы сводить концы с концами и в то же время невольно подпитывать наркобизнес, доходы от которого идут на закупку оружия тем же террористам. Порочный круг не разорван. Все это, как верно оценивает в своем докладе В.А. Орлов, порождает синдром перманентной войны.

Если подобную картину американцы повторяют в Ираке, терроризм продолжит свое победоносное шествие. В мире слишком много людей, которым нечего терять, и среди них всегда будут смертники. Развигяте страны должны пойти дорогой борьбы с нищетой и несправедливостью, иначе они никогда не будут чувствовать себя в безопасности. Терроризм не просто криминальное преступление – это социальное явление. Его цель – не личность, а государство и общество.

Более того, я согласен с тезисом, что международный терроризм можно рассматривать и как средство достижения «нового мира». По мнению профессора Геттингенского университета Б. Ахиби, число исламских мигрантов в Европу в ближайшие годы увеличится до 40 млн человек. Европеизированные мусульмане могут стать мостом взаимопонимания между Европой и исламским миром, а могут и не стать, если их загонять в подполье, что происходит сейчас в Ираке. И в этих условиях недостаточно говорить о борьбе с исламским фундаментализмом, «мусульманским следом» в терроризме. Причиной этого является то, что все-таки возможен разлом цивилизации со всеми вытекающими из этого последствиями. Финансовая экспансия Запада, этническая – Китая, религиозная – ислама не просто развертываются в разных плоскостях: они не принимают друг друга, как глубоко чуждые явления, враждебные в силу самого своего образа жизни.

Если к этому добавить возникшие расхождения в одной из цивилизаций между Европой и Америкой, сколь простые, столь и опасные (жить по законам – принцип Европы, жить без них – США), то ситуация выглядит еще более непредсказуемой. И России, к сожалению, а может быть, и к счастью, во всех этих разногласиях придется сказать свое слово.

Поэтому своевременной является выработка повестки дня с включением в нее вопросов, которые до сих пор серьезно не обсуждались.

Первый вопрос связан с тем, что силовой разворот основных ресурсов на борьбу с терроризмом может принести лишь локальный и временный эффект, создавая иллюзию улучшения ситуации на этом сложнейшем фронте. Мировая война против международного терроризма, как всякие войны, должна когда-нибудь закончиться миром. Но это не та война, в которой можно победить силовым преимуществом, убив последнего в мире терро-

риста. Если пальма первенства в борьбе с терроризмом все время будет отдаваться военным, то конца войны мы никогда не увидим. Пример Чечни в этом убеждает.

Второй неотложный вопрос. Европа не должна уступать одну из лидирующих ролей в борьбе с международным терроризмом политическими средствами. Вместе с тем европейцы делают большие уступки американцам. Объективные противоречия между США и Западной Европой испытывают на прочность антитеррористический альянс. Европейскому Союзу и России необходимо объединиться в более активном противостоянии не всегда оправданному милитаристскому напору американцев.

Третий вопрос касается более тесного взаимодействия России и европейцев по другой линии. Европейскому Союзу и Российской Федерации следует объединиться не только и не столько на почве борьбы с террористами, сколько на основе экономической интеграции, соединения природных сверхвозможностей России с европейской технологической и экономической культурой. Будем честны: энергетическая мощь Европы может значительно усилиться с помощью России. В результате увеличится наше общее богатство, которым можно поделиться со странами-изгоями и тем самым уменьшить в них риски появления корней терроризма.

Несколько более частных, но не менее важных проблем. Известно, что международный террор породил активные выступления антиглобалистов. Армия оппозиционеров состоит на сегодня в основном из молодежи, и поэтому необходимо обратить внимание на проблему недостаточного воспитания толерантности в школах и вузах.

Тяжелые последствия влечет за собой и использование религиозных чувств молодых людей во имя столкновения интересов различных стран. Если учесть, что «вестернизация» исламской культуры рассматривается как смертельная опасность для мусульманской веры, то нетрудно представить себе степень «огнеопасности» сознания молодых верующих. Таким образом, следует подумать об увеличении «молодежной составляющей» во всех международных мероприятиях и во всех документах.

Известно, что ООН находится в стадии завершения работы над Всеобъемлющей конвенцией по борьбе с терроризмом (внесена Индией) и Конвенцией по борьбе с актами ядерного терроризма (внесена Россией). Как рамочные, но все-таки специальные документы они будут полезны. В то же время европейские страны и организации могли бы помочь ООН разработать долговременную комплексную программу спасения человечества от всех форм вооруженного насилия. Такая программа может в итоге потребовать трансформации и самой ООН, а также НАТО и других международных институтов.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых практических рекомендациях.

Считаю насущной совместную разработку с зарубежными странами единых стандартов контроля над объектами химической и биологической промышленности путем организации непрерывного международного мониторинга производства и потребления химикатов и наиболее опасных ядовитых веществ. Для организации подобного рода работы необходимо начать совместную подготовку специалистов.

Пришло время направить российских представителей в соответствующие европейские структуры для ускорения процедуры экстрадиции лиц, причастных к террористической и другого рода преступной деятельности, проведения совместных расследований, повышения эффективности в обмене информацией между правоохранительными органами. В этих целях необходимо ускорить принятие соглашения между Россией и Европолом.

Одна из основных проблем борьбы с международным терроризмом состоит в том, что антитеррористический альянс не имеет единой стратегии. И это объяснимо: свое желание участвовать в борьбе с терроризмом выразили 136 стран и 46 международных организаций. Несмотря на сложность задачи, формирование единого мнения среди членов этой коалиции крайне необходимо. С этой целью целесообразно провести серию дискуссий не только в официальной политической и дипломатической среде, но и в кругах мировой научной общественности.

А.В. ФЕДОРОВ (СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

XXI век выдвинул терроризм на первое место в ряду угроз международной безопасности. Причем именно XXI век: еще в 2000 г. такого ощущения не было. Все перевернули взрывы

в российских городах и, главным образом, события сентября-октября 2001 г. в США. Оставив в стороне чисто политическую обстановку, мы вынуждены сейчас констатировать, что в такой экспансии терроризма есть и объективная составляющая, связанная как с трансформацией терроризма как социального явления, так и с предоставлением обществом в руки террористов средств, соизмеримых по своему воздействию с оружием массового поражения.

Безусловно, любой террористический акт – это криминальное деяние. Но терроризм – явление политическое и как таковое сугубо конкретно-исторично. Терроризм изменяется вместе с обществом и пользуется тем, что ему предоставляет общество, включая самое современное вооружение и передовые идеи. Причина такой зависимости в том, что террористический акт направлен не на личность, но на государство и общество, поэтому он и развивается вместе с ними, при этом, сохраняясь как явление, должен соответствовать их уровню развития и, следовательно, владеть арсеналом средств воздействия, который создали эти государство и общество и который воспринимается ими как атрибут силы.

В самом широком смысле можно согласиться с тем, что терроризм – это способ управления социумом посредством превентивного устрашения.

Показательно, что единого международно принятого определения терроризма не существует. Основная официальная российская дефиниция «терроризма» дается в статье 205 УК РФ, где он трактуется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Несмотря на то что уголовное законодательство США относит к террористическим 38 видов криминальных деяний, а французское – 32, на Западе также нет официально принятых определений терроризма. Как указывает в своей книге «9-11» известный американский ученый и публицист Н. Хомский, один из исследователей насчитал в мире 109 определенных терроризма.

Итак, с изменением формы государства изменяется и форма терроризма. Изменение сути власти повлекло и изменение основы, парадигмы терроризма. Переход к демократическим государствам сделал неэффективным «цареубийство». Угроза жизни президента не сказывается на решении парламента. Естественный вывод: либо теракт должен повергнуть в ужас всех, либо должен достигать цели сам по себе (ненавистное государство должно быть уничтожено, и средства, как и цена, значения не имеют). Этим вызваны и изменения формы организации террористических сообществ и все меньшая заинтересованность последних в своей известности.

До последнего времени главенствующую роль в идеологии терроризма играла парадигма принудительной дипломатии (отсюда присущая ему ранее манифестируемость). Однако сейчас происходит трансформация террористической борьбы, и на первый план выступают парадигмы «терроризма-войны» и «терроризма как средства достижения «нового мира». На смену захвату заложников с целью принуждения того или иного правительства к выполнению требований террористов приходят действия, направленные на значительные разрушения и жертвы среди населения. Если до последнего времени террористические действия служили для создания значительного политического и общественного резонанса, то теперь теракт становится самоцелью. В итоге мы не знаем исполнителей и организаторов (а следовательно, не можем понять и целей) целого ряда терактов, включая события 11 сентября 2001 г.

В качестве причин ухода от принудительной дипломатии можно привести следующие:

- развитие вооружений и, соответственно, принципиальная неспособность оппозиции на равных бороться с хорошо оснащенными армиями, особенно высокоразвитых государств, и, как следствие, необходимость поиска нового средства ведения войны с властью, которым и признается терроризм;
- понимание террористами невозможности «модификации» современной политической системы в соответствии с их представлением о справедливости и необходи-

мости поэтому полного разрушения существующего государства для создания нового, более справедливого, по их мнению, миропорядка, то есть переход к парадигме «терроризма как средства достижения «нового мира».

Принятие парадигмы «терроризма-войны» в условиях противостояния «суперсиле», владеющей «супероружием», породило то, что мы назвали «супертерроризмом».

Переход к парадигме «терроризма как средства достижения «нового мира» делает естественным и понятным появление «скрытого терроризма», то есть таких терактов, которые внешне выглядят как стихийные бедствия или несчастные случаи и которые искусно представлены как не имеющие ничего общего с терроризмом. При этом в качестве «орудия» совершения такого рода акций, способных в своей совокупности представлять даже стратегическую угрозу, могут использоваться любые высоко- и низкотехнологичные средства, способные стать причиной либо спровоцировать другие причины разрушения или уничтожения различных объектов, а также способствовать созданию выгодной террористам социально-политической ситуации в стране или регионе. Это особенно актуально сегодня, так как техногенные катастрофы могут нанести колоссальный ущерб, о чем свидетельствуют и нарабатанная практика, и специальные расчеты. В Советском Союзе существовала ныне утраченная программа противодействия техногенным катастрофам, включавшая и раздел борьбы с технологическим терроризмом.

В качестве возможного объекта посягательств как «супер», так и «скрытых» террористов могут выступать АЭС и другие объекты ядерного комплекса, металлургические производства, гидросооружения, предприятия транспорта, химические производства, системы управления и связи, каналы распространения информации, сельское хозяйство.

Угроза ядерного терроризма привлекает внимание исследователей уже достаточно давно, и человечество значительно продвинулось в противодействии ей. Так, например, имеется целый ряд международных соглашений, снижающих риск попадания расщепляющихся материалов и ядерных взрывных устройств в руки террористов. Эту опасность сегодня учитывают законодательства многих стран.

Сложнее обстоит дело в отношении терроризма, действующего с применением химических отравляющих веществ. Теракт в токийском метро, проведенный членами секты «Аум Синрикё» в 1995 г., стал первым проявлением эпохи супертерроризма. В настоящее время нет реальных механизмов, снижающих опасность этой угрозы.

Основные формы химического терроризма в целом аналогичны ядерному:

- Подрыв химического боеприпаса. Данный вариант предполагает наличие у террористов специального устройства военного происхождения или собственного изготовления.
- Диверсия на химическом объекте. Количество жертв, масштаб загрязнения местности и предполагаемый психологический эффект не поддаются оценке. Около 40 т цианида метила было выброшено из резервуара химического предприятия фирмы «Union Carbide» в г. Пхалале (Индия), в результате чего около 500 человек скончались сразу, еще 2 500 человек (по другим данным – до 16 000) умерли впоследствии, а всего пострадало около 60 000 человек.
- Химическое заражение за счет распыления отравляющих веществ в воздухе или добавления ядовитых веществ в воду и пищевые продукты. Способно нанести большой ущерб, особенно в густонаселенной зоне, из-за большого числа пораженных, химического загрязнения коммуникаций или пищевых производств и психологического эффекта.

Химическое оружие рассматривается как весьма привлекательное для потенциальных террористов в силу нескольких причин:

- доступность, дешевизна и возможность вполне легального приобретения компонентов химического оружия;
- возможность доставки компонентов оружия к месту совершения теракта, не вызывая подозрений со стороны сил охраны правопорядка;
- доступность информации по созданию химического оружия даже лицам, не имеющим достаточной квалификации;

- высокая поражающая способность химического оружия при террористическом использовании, особенно в условиях мегаполиса;
- высокая «психологическая нагрузка», которой сопровождается применение химического оружия, вызывающая панику и страх в широких слоях общества.

Биологический терроризм – явление относительно новое. Из сферы гипотетической он перешел в реальную жизнь лишь в сентябре 2001 г. Распространение спор антракса в конвертах обычных почтовых отправок было изобретением поистине дьявольского гения. Однако еще предстоит выяснить, был ли этот биотеракт самоценным или представлял собой средство воздействия на что-то иное, например на основной канал коммуникации населения США, каким является почта, то есть средством информационно-психологического воздействия. Но в любом случае нанесенный экономический и психологический ущерб Соединенным Штатам и всему человечеству уже сейчас трудно переоценить.

Биологическая сфера более привлекательна для сторонников «скрытого терроризма», в частности так называемых «сельскохозяйственных террористов».

Агротерроризму благоприятствуют:

- техническая простота подготовки и осуществления теракта;
- потенциальная неуязвимость и безнаказанность террористов, тем более если преступники и источник заражения находятся за пределами юрисдикции пострадавшего государства. Кроме того, этот вид терроризма отличает следующее: эффект от применения биологического оружия в сельской местности обнаруживается не сразу, а по истечении дней и даже недель и, кроме того, при убийстве животных меньше моральных барьеров, нежели при организации покушения на жизнь людей.

Основная цель терактов – психологический эффект, психологическое воздействие на органы власти, население, общественное мнение. Именно это и стало причиной появления психотерроризма, когда обеспечивается непосредственное достижение указанных целей без актов физического насилия и разрушения.

Преимуществами этой разновидности терроризма являются:

- прямое достижение результатов с гигантскими масштабами последствий;
- возможности создания долговременных многоцелевых комплексных поэтапных психотеррористических программ;
- наивысшая степень скрытности самого акта терроризма;
- практическое отсутствие международных и национальных механизмов правовой защиты объекта террористического воздействия;
- возможности минимального материального ущерба от терактов.

Для осуществления информационно-психологических воздействий на индивидуальное, групповое и массовое сознание и психику в целом могут быть использованы:

- СМИ;
- открытые информационно-вычислительные сети;
- программные средства, нелегально модифицирующие информационную среду, на основании которой человек принимает решения;
- специализированные средства информационно-пропагандистской направленности, в том числе создание виртуальной реальности и психосемантическое воздействие, действующее на подсознание;
- средства генерирования акустических и электромагнитных полей.

В последние годы особым фактором международной жизни становится информационный терроризм (кибертерроризм). Потенциальными объектами его воздействия могут стать ключевые элементы всех управленческих, экономических, транспортных, финансовых, военных структур государства, средств массовой информации. Нельзя не учитывать и косвенный ущерб, например от авиакатастрофы в случае паралича диспетчерских служб из-за проведенной информационной атаки.

Кибертерроризм может быть определен как действия по дезорганизации информационных систем или как их преднамеренное и целенаправленное использование, создающие

опасность гибели людей, причинения значительного (на уровне государства и общества) имущественного или морального ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если они совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Информационный терроризм может трактоваться как намеренное злоупотребление информационными средствами (СМИ, информационные системы, сети, включая все виды АСУ) или их компонентами с целью ведения, поддержания или содействия террористической деятельности или отдельного такого действия. В этом случае злоупотребление системой (сетью) не обязательно приводит к прямому насилию против людей, но может быть причиной катастроф или диверсий, в результате которых могут быть человеческие жертвы.

Вместе с тем суть терроризма остается прежней – это противоправное деяние, преступление, поэтому борьба с ним должна вестись в первую очередь в сфере права как на национальном, так и на международном уровнях. Предпринимаемые попытки международного сообщества разрешить эту проблему пока малорезультативны.

До сегодняшнего момента заключено 12 основных международных документов, относимых к так называемым антитеррористическим конвенциям.

Россия пока не ратифицировала лишь одну из них – Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991). При этом Россия принимает самое активное участие во всех международных антитеррористических институтах, выступает с важнейшими инициативами. Ее действия оцениваются весьма высоко, но, как и усиления других стран и международных организаций, пока не приносят желаемого успеха.

В России на ближайшую перспективу разрабатываются следующие приоритетные направления международного антитеррористического сотрудничества :

- укрепление глобальной антитеррористической коалиции под эгидой ООН;
- укрепление и совершенствование международно-правовой основы борьбы с терроризмом и, прежде всего, пресечение актов терроризма с использованием оружия массового уничтожения, выработка международных мер эффективного противодействия супертерроризму;
- усиление центральной координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности в глобальных антитеррористических усилиях;
- использование региональных и субрегиональных организаций и форумов для развития практического антитеррористического взаимодействия;
- продолжение работы по совершенствованию национального антитеррористического законодательства, активная поддержка мер по разработке международных стандартов;
- активное вовлечение общества, включая СМИ, в борьбу с терроризмом.

Эффективная антитеррористическая борьба требует формирования антитеррористических сообществ. Значительную роль здесь может сыграть создание новых механизмов межведомственного и даже межгосударственного координирования, а также развитие межгосударственной кооперации, включая гармонизацию национальных законодательных систем. И без ведения широкого международного переговорного процесса по комплексным проблемам разоружения и контроля над производством и распространением оружия массового поражения не будет решен и вопрос о борьбе с супертерроризмом. Понимание императивности такого подхода – необходимое условие продвижения по пути решения этой проблемы.

В.А. ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР)

Терроризм с использованием оружия массового уничтожения и его компонентов является одной из разновидностей терроризма. Можно утверждать, что это наиболее опасная его форма и при этом потенциально наиболее привлекательная для террористических групп (хотя и наиболее трудно осуществимая).

В свою очередь, ядерный терроризм (ЯТ) является одной из разновидностей ОМУ-терроризма, хотя и наименее вероятной, но при этом наиболее опасной с точки зрения совокупности последствий (политических, военных, социальных, экологических, психологических).

Под *актом ядерного терроризма* понимается:

- использование или угроза использования ядерных материалов, топлива, радиоактивных отходов (РАО) либо иных радиоактивных веществ, их радиоактивных свойств или комбинации радиоактивных свойств с токсическими, взрывными или другими опасными свойствами;
- использование или угроза использования любых ядерных установок, ядерных взрывных устройств (ЯВУ) или радиационных рассеивающих устройств, а также составляющих их компонентов, либо объектов, компонентами которых они являются, включая их разрушение или угрозу разрушения, равно как и изготовление самодельных ЯВУ, с целью повлечь смерть любого лица, причинить ему серьезные повреждения или нанести вред здоровью, или причинить значительный ущерб имуществу либо окружающей среде, или вынудить физическое или юридическое лицо либо группу лиц, государство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения;
- получение или отчуждение без разрешения компетентных властей или обманным путем, кража, насильственный захват, присвоение, владение, видоизменение, передача ядерных материалов, ядерного топлива, РАО либо иных радиоактивных веществ, любых ядерных установок, ЯВУ или радиационных рассеивающих устройств и составляющих их компонентов либо объектов, компонентами которых они являются, а также действия, которые представляют собой требование, путем угрозы силой или применения силы или с помощью какой-либо другой формы запугивания, о выдаче или передаче такого материала, источников, веществ, таких установок или устройств и/или составляющих их компонентов либо объектов, компонентами которых они являются.

Приведу **классификацию актов ЯТ**, которую предлагает эксперт О. А. Бухарин.

- *Подрыв (или угроза подрыва) ЯВУ*. Ядерный взрыв представляет собой наиболее страшное проявление терроризма. В силу этого сохранность стратегических ядерных материалов (высокообогащенного урана и плутония) и ядерных боеприпасов является жизненно важным вопросом национальной безопасности и должна быть главным приоритетом в организации защиты ядерного комплекса. Угроза применения ядерного оружия террористами остается пока гипотетической.
- *Заражение радиоактивными материалами*. Использование радиоактивных материалов (цезия-137, плутония, кобальта-60 и т. д.) в широкомасштабных актах подразумевает их распыление в виде аэрозолей или растворение в источниках воды. Ликвидация последствий подобной акции потребует значительных усилий. В большинстве сценариев террористических атак (растворение плутония в водоеме или его аэрозольное распыление, подрыв контейнера с цезием-137) радиоактивное заражение останется локальным и не приведет к катастрофическому ущербу. В то же время, по оценке ряда отечественных специалистов, распыление значительного количества порошка диоксида плутония с применением авиации может привести к последствиям, подобным по масштабу последствиям подрыва ЯВУ.
- *Диверсия на ядерных объектах*. В большинстве случаев последствия повреждения установок исследовательских центров или предприятий ядерно-топливного цикла будут носить локальный характер (в пределах промышленной площадки). Глобальная катастрофа возможна при саботаже обслуживания реактора АЭС, отличающегося от других ядерных установок содержанием больших количеств радиоактивности и высоким внутренним энерговыгоранием.

При этом наиболее вероятные угрозы реакторам АЭС включают:

- вооруженную атаку хорошо подготовленной террористической группы с возможным пособничеством «изнутри»: террористы вооружены легким стрелковым оружием и имеют необходимое снаряжение (инструменты, взрывчатку), передвигаются на полноприводном автомобиле;

- диверсионные действия сотрудника АЭС (любой должности);
- прорыв транспортных средств, начиненных взрывчаткой.

Акты ЯТ могут быть совершены на территории различных государств мира — как в тех примерно сорока государствах, которые имеют объекты ядерно-топливного цикла (прежде всего АЭС), так и на территориях государств, где такие объекты отсутствуют: ведь террористы могут переместить похищенный ядерный материал через границы государств. Предсказать, в каком государстве или в каком регионе мира с большей вероятностью существует риск совершения акта ЯТ, не представляется возможным прежде всего в силу транснационального характера многих организаций, ведущих террористическую деятельность. В то же время понятно, что чисто статистически риск совершения акта ЯТ наиболее вероятен в государствах, на территории которых, во-первых, существует наибольшая концентрация объектов атомной энергетики (включая военные объекты) и ядерных материалов, во-вторых, сосредоточено наибольшее количество организаций, ведущих террористическую деятельность, и, в-третьих, против которых террористические организации наиболее интенсивно выступают с публичными угрозами. Таким образом, риск оказывается наиболее серьезным прежде всего для США, в несколько меньшей степени — для Франции, Израиля, Японии, России, Армении, Пакистана, Индии. В региональном плане наиболее уязвимы Северная Америка, Европа, Ближний Восток, Восточная Азия.

Конечно, важен и такой фактор, как уровень физической защиты объектов, подготовленность государственных структур и персонала объектов к противодействию терактам. Проблема ЯТ в странах Запада была осознана в 1970-х гг. К настоящему времени в этих странах сложилась эффективная, эшелонированная система защиты ядерных объектов и материалов, накоплен значительный опыт борьбы с терроризмом.

В России, где до начала 1990-х гг. проявления терроризма практически отсутствовали, работы в этом направлении начались недавно.

Насколько известно, уровень физической защиты ядерных объектов в двух из трех неофициальных ядерных государств — Израиле и Индии — высок. Однако отсутствие международного контроля не позволяет в этом удостовериться. Уровень физической защиты в Пакистане вызывает озабоченность.

Особенно мало информации об уровне физической защиты ядерных объектов на территории КНР (где в перспективе не исключено усиление террористических организаций, выступающих с сепаратистских позиций, прежде всего в Синцзяне и Тибете).

Объектами актов ЯТ на территории отдельных государств с наибольшей вероятностью могут стать правительства этих государств, к которым будет применен ядерный шантаж и будут предъявлены требования, скорее всего, политического характера.

Известны попытки ЯТ или заявления о намерении совершить акт ЯТ.

- В 1975 г. американская компания «Union Oil Co. of California» получила письмо с требованием выплатить 100 тыс. долл., в котором также говорилось, что в случае отказа на одном из заводов компании будет взорвано спрятанное там ЯВУ.
- В 1980-х гг. пуэрториканские сепаратисты угрожали осуществить теракты против ядерных объектов на территории США.
- В 1985 г. террористическая группа из США «Армянская научная группировка» угрожала уничтожить крупнейшие города Турции с помощью трех ЯВУ, которые, как утверждали террористы, имеются в их распоряжении.
- В 1990–1992 гг. директора Курской и Смоленской АЭС получили письма с угрозами взрывов АЭС (конкретных требований не выдвигалось и никаких действий не последовало).
- В 1993 г. один из лидеров чеченских сепаратистов Ш. Басаев сообщил, что ему «предлагали купить» ЯВУ за полтора миллиона долларов.
- В 1994 г. преступная группировка после вынесения судом Литвы смертного приговора одному из ее лидеров угрожала взорвать Игналинскую АЭС (взрывное устройство обнаружено не было).

- ❑ В 1995 г. во Франции, в ходе волны промышленных протестов, саботажниками была засыпана соль во второй охлаждающий контур третьего энергоблока АЭС Блэйс.
- ❑ В 1995 г. лидер сербов в Боснии Р. Караджич намеревался приобрести ЯВУ малой мощности.
- ❑ В 1995 г. чеченскими экстремистами был размещен контейнер с радиоактивным изотопом цезий-137 в Измайловском парке в Москве (серьезной опасности не представлял и являлся средством прежде всего психологического воздействия).
- ❑ В 1995 г. стало известно, что японская религиозная секта «Аум Синрикё» предполагала изготовить ЯВУ из урана, который она намеревалась добыть в Австралии, и совершить затем акты ЯТ.
- ❑ В 1997 г. в России была обезврежена группа, намеревавшаяся захватить Курскую АЭС.
- ❑ Осенью 2001 г. распространились слухи о том, что организация международного террориста У. бен Ладена пыталась — или даже смогла — приобрести ВОУ. Правительство Пакистана задержало ряд ученых, работавших в военной ядерной программе этой страны, по подозрению в сотрудничестве с бен Ладеном.

Из вышеприведенных и иных, не вошедших в список данных ясно, что пока серьезных сведений о готовящихся актах ЯТ не имеется. Анализ существующей информации позволяет сделать следующие выводы о степени угроз ЯТ в ближайшем будущем:

- ❑ Маловероятно, что каким-либо террористическим группам удастся самостоятельно, или даже при помощи нанятых физиков-ядерщиков, создать ЯВУ. Вместе с тем специалисты обращают внимание на «плутониевую проблему», которая в начале XXI в. встает с особой остротой. Так, ожидается, что к 2010 г. в мире на гражданских реакторах будет наработано 450–500 т плутония. Такой объем материала значительно превосходит потребности государств. В этом контексте риск создания самодельного ЯВУ из реакторного плутония нельзя полностью сбрасывать со счетов.
- ❑ Несанкционированный доступ террористических организаций к ядерным боеприпасам также крайне маловероятен. В то же время доступ и хищение ядерных боеприпасов при их транспортировке или разборке не могут быть полностью исключены. Однако даже в этом случае защитные механизмы ядерного боеприпаса делают вероятность его детонации близкой к нулевой.
- ❑ Террористические нападения обычно ставят своей целью достижение «мгновенного драматического эффекта», которого можно добиться самым наилучшим образом при использовании радиоактивных материалов. Так, нападение небольшой группы легковооруженных террористов на атомную установку или заявление об использовании ядерного оружия или материалов может и не причинить реального ущерба, но психологический эффект, истерия и страх могут быть огромными, и это особенно привлекательно для террористов. Так что число заявлений о намерении захватить ядерный объект или количество пусть обреченных заранее на провал подобных попыток скорее всего будет возрастать.
- ❑ Тщательно подготовленные теракты с целью захвата АЭС также нельзя исключать. Одним из наихудших возможных результатов такой террористической акции может стать повторение Чернобыльской трагедии, повлекшей за собой ущерб здоровью и психологические травмы тысяч людей, вывод из оборота сельскохозяйственных угодий, потерю энергоисточника и затраты на ликвидацию последствий аварии. Даже в условиях предотвращения значительного выброса радиоактивности долговременная остановка энергоблока способна вызвать большие экономические и социально-политические потери.

Вероятным можно считать создание и применение террористическими организациями радиологического оружия с использованием РАО.

Сегодня на территории России мы сталкиваемся с серьезной проблемой, связанный с чеченскими террористами. После октябрьских событий 2002 г. в Москве А. Закаев заявил, что в следующий раз будет захвачен «какой-нибудь ядерный объект». Последствия могут

быть катастрофическими не только для России и Чечни, но и для всей Европы. Как расценить эти слова: в качестве предостережения или угрозы? Скорее всего как угрозу.

В январе 2003 г. начальник 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации генерал-полковник И.Н. Вальнкин заявил: «Оперативные данные свидетельствуют, что у чеченских террористов есть намерение завладеть каким-то важным военным объектом или ядерным боеприпасом, чтобы угрожать не только нашей стране, но и всему миру».

Борьба с ЯТ требует усилий по многим направлениям. Важным вкладом, например, является работа правоохранительных и специальных служб по нейтрализации террористических групп. Необходима также система мер по ограничению ущерба и ликвидации последствий возможных ядерных аварий. Однако главный элемент по сдерживанию и пресечению вооруженного нападения на ядерный объект — это система его физической защиты.

Совместные действия государств по пресечению ЯТ могут явиться фактором успеха. В рамках такого сотрудничества государствам следует выполнять следующие требования:

- принимать предусмотренные законодательством меры по предотвращению приготовления на их территориях актов ЯТ, включая запрещение незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют или участвуют в совершении актов ЯТ либо способствуют сокрытию преступлений, связанных с ЯТ;
- обмениваться информацией в целях предотвращения ЯТ. В условиях зарождения и роста возможностей, в том числе и финансовых, «супертерроризма» антитеррористические действия традиционными политическими методами теряют эффективность и резко возрастает значимость упреждающего обмена разведывательной информацией. Понятно, что обмен такой информацией должен быть строго конфиденциальным, в том числе и для того, чтобы она не попала в распоряжение террористических организаций;
- сообщать о результатах расследований другим вовлеченным государствам в случае совершения актов ЯТ или задержания преступников, подозреваемых в подготовке таких актов.

В 1997 г. Россия вынесла на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН проект Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Пока что проект конвенции еще ждет одобрения в ООН. Задачей конвенции, в случае ее подписания, является «игра на упреждение» и создание надежного международно-правового механизма противодействия актам ЯТ, которые могут создать реальную угрозу жизни людей, нанести ущерб международному миру и безопасности. Потребность в новом международно-правовом документе обусловлена тем, что Конвенция 1980 г. о физической защите ядерного материала имеет ряд существенных пробелов в вопросах противодействия терактам с использованием ядерного оружия или материалов (прежде всего на стадии пресечения теракта и ликвидации его последствий). Конвенция 1980 г. распространяется в основном на вопросы сохранности «мирного атома» и охватывает лишь одну узкую область механизма борьбы с криминальным использованием ядерных материалов, а именно область предупреждения «выхода» ядерных компонентов из-под контроля государственных органов. Очевидно, что одного этого документа недостаточно для того, чтобы устранить опасность ЯТ во всех его проявлениях.

В заключение хотел бы отметить, что одной из наиболее серьезных и актуальных террористических угроз является сращивание международных террористических организаций и международных сообществ организованной преступности.

В начале 1990-х гг. казалось, что международная оргпреступность не заинтересована в оперировании компонентами оружия массового уничтожения, наоборот, открещивается от него и занимается «традиционной» деятельностью, например незаконным оборотом наркотиков, международной торговлей людьми и обычными вооружениями. В последнее время заметен повышенный интерес преступных сообществ к оружию массового уничтожения и усиливаются контакты между международными террористическими группами, сепаратистскими группами и организованными преступными сообществами.

Я думаю, что следует уделить особое внимание этой новой тенденции, которая имеет место и на территории России, и в глобальном масштабе. Однако обращаю внимание, что в любом случае речь идет о международных или имеющих международные связи группах.

В.3. ДВОРКИН (ПИР-ЦЕНТР)

Ответ на вопрос, является ли ОМУ-терроризм мифом или реальностью, даже при поверхностном анализе исключает мифологическую составляющую. Современная инфраструктура развитых государств, в особенности мегаполисов, включающая многие тысячи радиоактивных, химических и биологических объектов, предоставляет реальную возможность для террористов наносить катастрофический ущерб даже без использования собственного оружия массового уничтожения, хотя их стремление получить в свои руки такое оружие очевидно.

Анализ последствий и мер противодействия ядерному, химическому и биологическому терроризму ведется уже длительное время, и на этом пути достигнуты определенные результаты. Значительное внимание стало уделяться противодействию компьютерному и электромагнитному терроризму.

Все объекты мегаполиса можно условно разделить на следующие три класса:

- Элементы мегаполиса, которые сами непосредственно являются объектами поражения. Такими объектами, например, являются: многоэтажные жилые дома, места массового скопления людей, важнейшие транспортные развязки и т. п.
- Элементы, посредством или с использованием которых планируется достижение целей теракта. К объектам этого класса можно отнести: водопроводную сеть, по которой можно в широких масштабах распространить зараженную в одном или нескольких местах питьевую воду; различные транспортные средства, почтовые коммуникации (массовая или целенаправленная рассылка потенциально опасной корреспонденции или грузов), различные компьютерные сети и т.д.
- Элементы мегаполиса, являющиеся источниками повышенной опасности, разрушение которых или нарушение нормальных условий их функционирования приводит к инициированию крупномасштабных аварий и катастроф, по последствиям сопоставимых с применением оружия массового поражения. К объектам третьего класса прежде всего относятся находящиеся в черте или непосредственной близости от мегаполиса различные предприятия атомной и химической промышленности, исследовательские центры, использующие ядерные реакторы или радиационно опасные материалы, нефтехранилища и т.д.

Следует отметить, что теракты в отношении объектов третьего класса, использующие методы направленного воздействия и ориентированные на искусственное инициирование крупномасштабных аварий, по своим последствиям потенциально являются наиболее опасными и требуют более детального рассмотрения.

Несмотря на принимаемые меры по повышению безопасности и обеспечению экологической чистоты промышленного производства, энергетики и транспортных средств, наблюдается тенденция к увеличению опасности и масштабов аварий. Это вызвано внедрением и быстрой сменой новых технологий; вовлечением в технологические процессы новых веществ с токсичными, горючими, агрессивными и другими вредными свойствами; повышением энергонасыщенности производства и увеличением единичной мощности технологических установок, емкости хранилищ, грузоподъемности транспортных средств; увеличением скорости технологических процессов и средств передвижения.

Заклученные в хозяйственных объектах и технологиях потенциальные разрушительные силы создают объективную основу для целенаправленного использования их в качестве средств поражения с целью нанесения ущерба регионам, в которых они расположены. Это может быть достигнуто путем искусственного создания условий, необходимых для высвобождения и реализации их разрушительного потенциала. Например:

- создание зон катастрофического затопления при разрушении плотин;
- радиоактивное заражение местности при разрушении ядерных реакторов;
- химическое заражение атмосферы и воды при разрушении химических заводов;

- организация массовых пожаров путем поджога лесов, нефтяных и газовых скважин;
- распространение эпидемий и др.

Очевидно, что промышленно развитые мегаполисы с высокой плотностью населения наиболее уязвимы при воздействии поражающих факторов техногенной природы, вызванных разрушением соответствующих производств действиями террористических групп. В этом случае неядерные средства воздействия играют роль «спускового крючка», высвобождающего факторы с неконтролируемым и крупномасштабным поражающим действием. Это обуславливает постановку вопроса о возможности рассматривать промышленные объекты и технологии как средства массового поражения (СМП), а удар по ним как «пассивную» форму войны с применением оружия массового поражения.

Типовой перечень критических «точек» мегаполиса включает в себя находящийся поблизости реактор АЭС и 1–2 хранилища отработанного ядерного топлива, 10–12 исследовательских реакторов, около 40 заводов и предприятий, использующих радиационные материалы, 2–4 нефте- и газоперерабатывающих завода с установками производства аммиака и других сильнодействующих ядовитых веществ, 4–6 водопроводных станций с запасом хлора до 350 т на каждой и сотни других опасных объектов.

Вместе с тем самый полный перечень не позволяет ранжировать объекты мегаполиса по угрозам воздействия на них террористов. Это может быть сделано по следующим признакам.

I. Доступность объекта для осуществления теракта:

1. Ограничений доступа нет. Службы, отвечающие за общий порядок на объекте, отсутствуют. 2. Ограничений доступа нет. На объекте существуют службы, отвечающие за общий порядок. 3. Доступ на объект ограничен. Объект находится под воензированной охраной.

II. Технические средства, необходимые для осуществления теракта:

1. Общевоинское оружие или до 1 кг взрывчатых веществ. 2. Свыше 1 кг взрывчатых веществ. 3. Транспортные средства, вооружение и значительное количество взрывчатых веществ. 4. Радиационно, химически или биологически опасные вещества. 5. Специальная техника или уникальное оружие, не находящееся на вооружении войск министерств внутренних дел и обороны.

III. Необходимый уровень квалификации для осуществления теракта:

1. Навыки обращения с огнестрельным оружием или минимальные знания по осуществлению взрывных работ. 2. Опыт проведения взрывных работ, умение оценить направленность и разрушительную способность взрыва. 3. Знание специфики функционирования объекта теракта, владение навыками и умением обращаться со спецсредствами или с опасными спецвеществами.

IV. Периодичность повторения условий, при которых теракт может принести максимальный ущерб:

1. Постоянно.
2. Ежедневно в часы «пик».
3. Несколько раз в месяц.
4. Несколько раз в год.
5. Условия уникальны и могут быть повторены только раз в несколько лет.

V. Последствия осуществления на объекте теракта:

1. Несколько десятков пострадавших, локальные разрушения, нанесен незначительный (в масштабах мегаполиса) экономический ущерб. 2. Число пострадавших порядка сотни человек, площадь разрушения или заражения местности составляет несколько квадратных километров, на несколько дней парализована нормальная жизнь города, нанесен существенный экономический ущерб. 3. Число пострадавших несколько сотен человек, площадь разрушения или заражения местности составляет несколько десятков квадратных километров, нарушена городская инфраструктура, на восстановление которой требуется несколько недель или привлечение федеральных сил и средств, нанесен экономический ущерб, сопоставимый с городским бюджетом. 4. Число пострадавших несколько тысяч человек, площадь разрушения или заражения местности составляет несколько сот квадратных

ных километров, последствия выходят за рамки мегаполиса и являются происшествием общегосударственного масштаба.

Типовой перечень критических (наиболее уязвимых) «точек» мегаполиса как объектов терактов, включая транспортные сети, места максимального скопления людей (стадионы, торговые центры), химпредприятия, исследовательские реакторы, источники водоснабжения, предприятия электроэнергетики и т. п., ранжированный по приведенным выше характеристикам, насчитывает более 50 групп объектов.

Этот перечень является одним из исходных блоков (частей) для разработки и реализации целевой комплексной программы «Мегаполис – Столица» (ЦКП МС).

Целями программы являются создание, внедрение и развитие интеграционной системы борьбы с терроризмом. Задачи программы – объединение усилий различных министерств, ведомств, организаций и учреждений независимо от уровня подчиненности и форм собственности для достижения поставленных целей.

ЦКП МС должна представлять целостную совокупность подпрограмм, взаимоувязанных между собой по ресурсам, исполнителям и срокам выполнения. Подпрограммы включают: инвентаризацию, систематизацию, классификацию, идентификацию, а также оценку характера и уровня уязвимости всех имеющихся на территории мегаполиса высокорисковых и природных объектов как целей для совершения возможных актов терроризма, а также как возможных очагов для техногенных аварий и катастроф и стихийных бедствий; разработку единого понятийно-терминологического аппарата и комплекса законодательных, нормативно-правовых и руководящих документов; выполнение комплекса научно-исследовательских и опытно-конструкторских, а также производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других специальных мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области обеспечения безопасности при осуществлении борьбы с высокотехнологичным терроризмом.

Сложность разработки и реализации комплексной программы противодействия терроризму в мегаполисе можно, с одной стороны, преодолеть декомпозицией системы по классам угроз: радиационной, химической, радиологической. Однако в этом случае было бы еще сложнее ранжировать и выделить приоритетные направления защиты при ограничении допустимых ассигнований. С другой стороны, отработать и проверить процедуру разработки подобной программы целесообразно на одном из представительных районов мегаполиса, где расположены типовые объекты, которые являются потенциальными целями террористов.

В новых условиях анализ материалов и разработок по проблеме противодействия террористической деятельности в мегаполисе свидетельствует об актуальности создания близкого к исчерпывающему перечню методов противодействия, адекватного максимально широкому спектру угроз и видов террористической деятельности.

Для проведения террористических акций могут быть использованы, помимо традиционных, уникальные, не имеющие аналогов в военной сфере средства. Это определяется тем, что на современном этапе развития общества происходит быстрый и слабо контролируемый рост числа идей в области освоения принципиально новых поражающих эффектов, их детальное изучение. Это может привести к ускоренному созданию на данной основе большого многообразия технических средств, базирующихся на применении нетрадиционных для прежних террористов физических, химических, биологических принципов и новых технологий. Террористическая акция может готовиться годами. Объекты воздействия, средства для ее проведения и масштаб их использования могут быть ограничены только имеющимися финансовыми возможностями и человеческим ресурсом.

Наряду с этим наблюдается определенное отставание в принятии актуальных решений в области развития методов и средств ведения контртеррористической деятельности. И это касается целого ряда сфер: политической, оперативно-розыскной, информационно-аналитической и организационной. В результате могут возникнуть затруднения в своевременной переориентации имеющихся сил и ресурсов, их концентрации на возникающих новых угрозах. В связи с этим необходимо согласовывать свои действия с постоянно уточняемой ЦКП МС, которая должна предусматривать опережающие меры противодействия прогнозируемым вызовам международного терроризма.

К.И. КОСАЧЕВ (КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ)

Акты терроризма представляют все большую угрозу безопасности мирового сообщества. Можно констатировать, что терроризм превратился в глобальную проблему современности. При осуществлении своих преступных замыслов террористы готовы применять в качестве орудий преступлений средства, имеющие огромную разрушительную силу или создающие большую опасность для жизни и здоровья людей, окружающей среды. К числу таких средств можно отнести ядерное оружие и иные устройства, содержащие радиоактивные материалы, доступ к которым в настоящее время появился и у террористов. Объектами устремлений террористов могут стать, например, ядерные установки, пункты хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилища радиоактивных отходов, ядерные материалы и радиоактивные вещества, находящиеся в процессе перевозки, радиационные источники, ядерное оружие и ядерные энергетические установки военного назначения и другие ядерные объекты. Противостоять ядерному терроризму можно лишь совместными усилиями государств как на национальном, так и на международном уровнях путем принятия комплекса правовых, организационных, технических и иных мер.

Интересы борьбы с ядерным терроризмом требуют расширения числа участников международного сотрудничества и, следовательно, числа государств–участников международных договоров. Однако на практике, даже при всей заинтересованности государств сотрудничать в данной области, они имеют ограниченные ресурсы (материальные, людские, организационные) для решения такой задачи. Очевидно, что заключение многосторонних и двусторонних договоров в сфере борьбы с ядерным терроризмом со всеми государствами нерационально. Особенно это касается тех государств, для которых угроза совершения преступлений, связанных с ядерным терроризмом, маловероятна или незначительна. Необоснованное распределение сил и средств государств приведет лишь к снижению эффективности этой борьбы. Поэтому в интересах оптимизации международного сотрудничества в данной сфере и его международно-правового регулирования следует определить состав государств, с которыми наиболее важно заключать международные договоры. Также необходимо уточнить приоритетность среди этих государств.

Как известно, любая оптимизация осуществляется на основе критериев и оценивается на основе показателей. По мнению автора, для решения этой задачи необходимо организовать учет всех видов угроз и уровней опасности, которые представляют преступления, связанные с ядерным терроризмом. Важно учитывать и характер объекта посягательства преступников. Кроме того, надо дифференцировать эти угрозы, исходя из оценки характера опасности, которую эти угрозы представляют. То есть следует определить, носят ли угрозы реальный или потенциальный характер. Таким образом, задача определения партнеров для международного сотрудничества в данной области является многокритериальной задачей оптимизации. При этом могут использоваться как качественные, так и количественные критерии.

Основной критерий, который может быть положен в основу определения состава потенциальных партнеров для сотрудничества, – это наличие опасности совершения актов ядерного терроризма и ее уровень. Приоритетное внимание должно уделяться государствам, с территории которых исходит реальная угроза совершения актов ядерного терроризма в отношении конкретных объектов посягательства, расположенных в других государствах. С такими государствами следует в первую очередь заключать международные договоры. С целью оценки опасности угрозы таких преступлений и ее уровня может использоваться текущая информация или ее прогноз. Когда такая информация отсутствует, то основным исследовательским методом может стать метод экспертных оценок.

Если угроза совершения актов терроризма с территории иностранных государств носит потенциальный характер, то состав государств–партнеров для международного сотрудничества определить довольно сложно. В этом случае основное внимание должно уделяться особенностям объектов посягательства преступников и характеру их преступной деятельности. Это может быть положено в основу выбора «вспомогательных» критериев.

Среди объектов посягательства, по степени опасности последствий, которые могут наступить в результате совершения в отношении них актов ядерного терроризма, можно выделить ядерные установки, расположенные в городах или вблизи населенных пунктов, ядер-

ные силовые установки на морских судах, особенно при нахождении таких судов в портовых городах, радиоактивные материалы, находящиеся в процессе перевозки, и т. д. Выявленной последовательности может соответствовать и приоритетность при выборе государств при заключении международных договоров.

Нельзя исключать возможность вооруженных нападений на морские суда, перевозящие ядерные материалы, в районах, характеризующихся активностью пиратов и иных лиц, которые могут захватить перевозимые ядерные материалы. Обеспечение безопасности таких морских перевозок может осуществляться в рамках общих мер, предпринимаемых мировым сообществом по борьбе с пиратством и вооруженным грабежом. В то же время целесообразно заключать двусторонние и региональные международные договоры по специальным мерам защиты судов, перевозящих ядерные материалы, или же учитывать эти вопросы в международных договорах общего характера. Такие договоры необходимо иметь в том числе и с государствами, в порты которых заходят указанные суда или вблизи побережья которых они проходят. В этом случае при выборе партнеров для сотрудничества можно руководствоваться такими критериями, как наличие опасности нападения пиратов и иных вооруженных грабителей вблизи побережья иностранного государства или в его портах, интенсивность таких нападений.

Требуется расширение числа участников международного сотрудничества, направленного на противодействие незаконному обороту радиоактивных материалов, их перемещению через государственные границы.

Желательно, чтобы государства, в пределах которых имеются ядерные материалы или радиоактивные вещества, заключали подобного рода договоры со всеми сопредельными государствами или с государствами, охрана границ которых недостаточно эффективна.

При выборе партнеров для сотрудничества следует учитывать то обстоятельство, что преступники, как правило, не используют прямые маршруты из одного государства в другое, а незаконно перевозят радиоактивные материалы «окольными» путями, через территории государств, в которых деятельность правоохранительных органов не находится на должном уровне. Такие государства могут стать потенциальными партнерами для сотрудничества и заключения международных договоров.

При определении состава партнеров международного сотрудничества следует учитывать и масштабность последствий, которые могут произойти в результате совершения терактов с использованием ядерных устройств или против ядерных объектов. Опасность последствий таких деяний требует расширения состава участников международных договоров, посвященных вопросам оперативного оповещения о совершенных актах терроризма и ликвидации их последствий. Радиоактивное заражение в результате совершения таких актов может охватить целые регионы. Поэтому требуется заключение международных договоров в данной сфере на региональном и даже на субрегиональном уровнях.

Государства, которые имеют ядерные установки, морские суда с ядерными силовыми установками и иные ядерные объекты, могут заключать договоры о создании международных организаций, деятельность которых лежит в сфере обеспечения безопасности ядерных объектов. Также они могут становиться участниками учредительных документов международных межправительственных организаций, уже действующих в данной сфере, например Устава Международного агентства по атомной энергии от 1956 г.

Кроме указанных выше могут использоваться и другие критерии, которые позволят определить оптимальный состав участников международного сотрудничества в борьбе с ядерным терроризмом. Однако по возможности необходимо стремиться к большему охвату государств международными договорами. Это объясняется необходимостью более надежного предотвращения угрозы актов ядерного терроризма (особенно с территории тех государств, где она неочевидна), а также, как указывалось выше, масштабностью негативных последствий этих актов. Следует отметить, что вышеизложенная методика может использоваться в том числе и при организации международного сотрудничества государственных органов в борьбе с ядерным терроризмом, при заключении международных договоров межведомственного характера.

Таким образом, повышению эффективности международного сотрудничества в борьбе с ядерным терроризмом будет способствовать его оптимизация, достигаемая путем опре-

деления состава государств – потенциальных участников международных договоров, а также уточнения приоритетности среди них. С этой целью следует учитывать вид, уровень и характер угроз, которые представляют преступления, связанные с ядерным терроризмом, особенности объектов посягательства, а также возможные последствия совершения актов ядерного терроризма.

Ф.И. ЛАДЫГИН (ИНСТИТУТ ЭНЕРГОДИАЛОГА «ВОСТОК–ЗАПАД»)

Проблема ОМУ-терроризма, вне всяких сомнений, требует действительно самого серьезного рассмотрения. Но при этом, по моему мнению, когда мы говорим о подключении общественности, общественных организаций, нужно также иметь в виду, что подобного рода исследования нужно проводить с учетом определенных ограничений.

Прозвучала оценка, что имеющаяся международно-правовая база достаточна для предотвращения международного ОМУ-терроризма. Не соглашусь с такой оценкой, в том числе как человек, занимавшийся в свое время подготовкой и выработкой международных соглашений, в частности СНВ-1.

Существующая международно-правовая база, которая касается сокращения, ликвидации, запрета оружия массового уничтожения, регулирует отношения между государствами, между блоками государств и поэтому не в полной мере соответствует целям предотвращения доступа террористов к такому оружию или соответствующим материалам. Поэтому, вероятно, настало время для того, чтобы произвести самый серьезный анализ существующей международно-правовой базы по борьбе или по предотвращению международного ОМУ-терроризма.

Сейчас мы говорим о борьбе с международным терроризмом. Я согласен полностью с существующей оценкой, что по крайней мере в ближайшее время, возможно в первой четверти XXI в., международный терроризм будет являться главной угрозой международной безопасности.

Тем не менее борьба с международным терроризмом используется в том числе и в политических целях. Возьмем, например, агрессию США против Ирака. Она осуществлялась под ширмой борьбы с терроризмом и борьбы против обладания и предотвращения обладания иракцами оружия массового уничтожения, которое, кстати, в Ираке до сих пор не найдено, и я практически уверен, что и не будет найдено.

Необходим пересмотр подходов вообще к проблеме нераспространения оружия массового уничтожения. Вероятно, что необходимо к тем мерам, которые предусмотрены нынешней международно-правовой базой (меры предотвращения, правоприменения и защиты), присовокупить и меру принуждения. Но принуждения не «американскими методами», а на основании норм международного права. Достаточны ли нынешние нормы международного права для применения мер принуждения? На мой взгляд, они недостаточны.

Я совсем недавно слышал, что вирус атипичной пневмонии не может быть естественно происхождения, это только искусственный продукт. А если это так, то его распространение не может не вызывать беспокойства. Мы, по существу, имеем дело с биологической цепной реакцией. И эта вещь, может быть, страшнее, чем даже применение обычного химического оружия. И если мы, общество и мировое сообщество, не хотим иметь негативных последствий, для этого нужно своевременно принимать меры и бороться.

Б.Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ)

Не надо излишних, наверное, завышенных ожиданий от международного права и неоправданно сильных критических замечаний в его адрес. Международное право, особенно в области борьбы с терроризмом, как и в других областях, развивается реактивно.

Шедевры террористического «искусства» иной раз ставят международное право в затруднение. После событий 11 сентября 2001 г. ООН объявила, что будет разработана всеобъемлющая конвенция, которая объединит все 14 источников международного права, направленных на борьбу с этим злом. Идея, на мой взгляд, фантастическая и наивная.

Итак, что делать в отсутствие предметной реакции международного права в виде соответствующих конвенций, структур, институтов? Наверное, международное право здесь нам даст какие-то общие принципы, а главный упор будет делаться на национальное законодательство. И в этом смысле я бы обратил внимание на необходимость совершенствования антитеррористического законодательства Российской Федерации.

В этой области есть определенные проблемы. В России существует Закон о борьбе с терроризмом 1998 г., а также имеется конституционный Закон о чрезвычайном положении. Между этими двумя законами есть определенные расхождения, начиная с терминологии. Так, в одном законе говорится о «террористической акции», а в другом законе говорится о «террористическом акте», и этим дело не исчерпывается.

Конечно, можно уповать на то, что федеральный конституционный Закон о чрезвычайном положении – более высокого уровня, и если между ним и Законом о борьбе с терроризмом возникают разночтения, то применяется первый.

Существует также международно-правовая проблема. Закон о борьбе с терроризмом позволяет вводить в районе проведения контртеррористической операции существенные элементы чрезвычайного положения и даже выходить за его рамки. Международное право требует от государства, вводящего чрезвычайное положение, чтобы оно при этом оповещало ООН, в случае, если это государство участвует в Международном пакте о гражданских и политических правах. Если государство является участником Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то оно должно информировать Совет Европы о том, что оно ввело этот режим, почему оно его ввело и как долго оно собирается его сохранять.

Если мы будем применять Закон о борьбе с терроризмом, то будем находиться на такой зыбкой международной почве, то есть у нас может возникнуть проблема с международными партнерами. И здесь я перехожу к другому сюжету – выбору партнеров. Совет Европы может делать заявления в отношении каких-то террористических актов, протестовать, требовать. Но особенность этой организации состоит, во-первых, в том, что в соответствии с ее Уставом она не занимается проблемами национальной безопасности. Правда, большим вопросом является, что сейчас нельзя отнести к проблеме национальной безопасности.

Другая проблема, связанная с Советом Европы, заключается в том, что эта организация будет прежде всего обращать внимание на вопросы защиты прав человека, жертв терроризма, лиц, которые оказались в районе проведения контртеррористической операции, на отношение к ним правоохранительных органов (оно могло бы быть истолковано как нарушение прав человека).

И, наконец, проблема международного права состоит еще и в том, какие нормы национального права, какие нормы международного права должны применяться при проведении контртеррористической операции. Вольно или невольно наше государство признало, что как минимум после 1999 г. к ситуации вооруженного противостояния в Чеченской республике применимы нормы Второго протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны. При этом законодатели охарактеризовали эту ситуацию как вооруженный конфликт немеждународного характера, Конституционный суд охарактеризовал ее так же, да и президент в своих выступлениях говорил о применимости норм международного гуманитарного права к ситуации в Чеченской республике.

Именно поэтому нам необходимо уточнить, когда с точки зрения правоприменимых правовых норм оставлять контртеррористическую операцию на уровне национальной правоохранительной деятельности и когда сознательно ее интернационализировать, т.е. допустить проникновение в качестве регулирующих положений нормы международного права.

Н.Н. ПОНОМАРЕВ-СТЕПНОЙ (РНЦ «КУРЧАТОВСКИЙ ИНСТИТУТ»)

Хотел бы высказать несколько замечаний. Первое – по постановке вопроса. Мне кажется, что обсуждение шло в правильном направлении, хотя повестка дня была сформулирована, может быть, не совсем верно. В ней говорится об оружии массового поражения, используемом террористами. Это близко к мифу. Вряд ли они сумеют создать и использо-

вать такое оружие. В то же время использование средств массового поражения, именно поражения, а не уничтожения, вполне реально.

В этом смысле хотелось бы дать теперь несколько практических рекомендаций. Я не буду сегодня конкретно рассказывать об уязвимости, о том, к чему может привести, в частности, радиационная опасность.

Так, Курчатовский институт является опасным объектом, и мы в первую очередь должны проводить анализ уязвимости по отношению к внешним воздействиям террористов, а также принимать соответствующие меры для того, чтобы свести к минимуму опасность этого воздействия. Прежде всего это меры физической защиты. В этом деле нам оказывают финансовую поддержку как государственные структуры, так и страны Запада. И мы им благодарны за это.

Помимо того, чтобы создать средства защиты, необходимо, конечно, иметь технологии, которые существенно менее уязвимы. Ситуация, когда радиоактивные источники, радиоактивные отходы и т. д. хранятся без какой-либо эффективной защиты, недопустима.

Поэтому технологии должны быть такими, чтобы минимизировать уровень радиоактивности. В этом направлении мы и должны действовать. Стоит заметить, что у нас уже имеются соответствующие программы по очистке территорий, очистке наших временных хранилищ радиоактивных отходов. Кроме того, мы также развиваем технологии, которые уменьшают радиоактивную опасность.

В.Н. ЛИСИЦА (ЭКСПЕРТНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПО ДЕЛАМ ГО МЧС ГОРОДА МОСКВЫ)

К сожалению, мы сейчас живем в такое время, когда обсуждать вопрос о том, является ли терроризм с использованием оружия массового уничтожения мифом или реальностью, не приходится. Да, это реальность – вот что необходимо четко понимать.

Ключевой вопрос заключается в том, в состоянии ли мы преодолеть или предупредить эти теракты? По всей видимости, это будет очень сложно, дорого и вряд ли удастся. Тогда нужно говорить: а готовы ли мы к ликвидации последствий террористических актов? И здесь следует отметить, что, по всей видимости, события в Первомайском, взрывы домов в Москве показали, что есть определенные нестыковки, несогласования в действиях различных органов власти. Поэтому нам представляется, что решения или рекомендации по итогам «круглого стола» целесообразно вписать такое положение: «Совершенствование форм и методов взаимодействия федеральных и территориальных органов исполнительной власти при организации работ по противодействию терроризму и ликвидации последствий возможных терактов».

И еще. В 1990-е гг. еще по инициативе Совета Безопасности ООН был разработан проект по противодействию терроризму. Целью этого проекта является выработка государственной программы. К сожалению, эта программа не была принята и так и осталась на бумаге. Я думаю, необходимо вернуться к вопросу разработки государственной целевой программы в этой области.

Э.В. КИРИЧЕНКО (ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Я бы хотела поддержать тезис по поводу важности международного сотрудничества и в частности программы Глобального партнерства «восьмерки». В рамках этой программы Россия выделила два приоритета (утилизация химического оружия и АПЛ). В то же время следует также обратить внимание и на другие направления, по которым уже наработаны формы сотрудничества.

Здесь упоминалось, что если мы говорим о терроризме, тем более с возможным использованием средств или оружия массового уничтожения, то приходится пересматривать и концепцию ядерной безопасности, и систему физической защиты, учета и контроля, и систему экспортного контроля. Терроризм – это общепланетарная, глобальная проблема. Поэтому в рамках Глобального партнерства нам надо не забывать о наработанных уже формах содействия и продолжать их.

Ю.Г. ВОЛОДИН (ГОСАТОМНАДЗОР)

Для противодействия угрозе ядерного и радиологического терроризма прежде всего необходимо провести анализ проблемы, а затем выработать концепцию. Первым этапом при этом является ранжирование угроз, связанных с ядерным терроризмом: выделение среди них более и менее приоритетных. На втором этапе необходимо разработать нормативную базу. Следующий этап – это механизм реализации той концепции, которая выработана, затем – эксплуатация созданного механизма и, наконец, контроль.

Давайте теперь рассмотрим: что же из этого есть в России на сегодняшний день? На самом деле сделано очень мало. Концепция, как таковая, отсутствует. Нормативная база существует лишь в какой-то степени. Есть элементы создания механизмов противодействия, такие как Федеральная антитеррористическая комиссия. Есть так называемые задачи, поставленные Президентом Российской Федерации: создание системы противодействия ядерному и радиологическому терроризму. То, о чем мы сегодня говорим, и то, что было представлено в основных докладах, – это, собственно говоря, анализ, то есть первый, самый основной этап этой проблемы.

МАГАТЭ рекомендует всем странам разработать так называемую «проектную угрозу» на государственном уровне. Такой документ является основой для анализа уязвимости ядерных объектов. В Российской Федерации этой «проектной угрозы» не существует, несмотря на то что соответствующая задача была поставлена и над этим работают министерства и ведомства.

А.В. БЕДРИЦКИЙ (РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Хотелось бы остановиться на двух моментах. Первое – это разница между ОМУ-терроризмом и терроризмом с большим количеством жертв. Сейчас существует огромное количество технических устройств, подчеркиваю – технических устройств, а не технологий, использование которых в террористических целях может привести к колоссальным жертвам. Это и угнанные самолеты, и ставшие сейчас обиходными телефоны сотовой связи и системы GPS – этот список можно продолжать бесконечно. Поэтому говорить об ОМУ-терроризме, может быть, не совсем корректно, потому что системы защиты ядерных боеприпасов, химического и биологического оружия достаточно надежны.

Второе. Позволю себе не согласиться с тезисом, что психология терроризма – это какой-то отвлеченный вопрос, которым не следует здесь заниматься. Ведь лечение всегда оказывается дороже, чем профилактика. Мы рассуждаем о защите атомных электростанций, инфраструктуры, – конечно, это необходимые меры. Но почему-то ничего не говорится о сдерживании, например, государств, спонсирующих терроризм.

По итогам заседания «круглого стола» участниками был принят проект рекомендаций, которые включают в себя совместную разработку с зарубежными странами единых стандартов контроля за объектами химической и биологической промышленности, а также направления российских представителей «в соответствующие европейские структуры» для ускорения процедуры экстрадиции лиц, причастных к террористической и иного рода преступной деятельности. Для координации совместных расследований, повышения эффективности обмена информацией между правоохранительными органами эксперты предложили ускорить принятие соглашения между Россией и Европолом.

Примечание

¹ На момент проведения «круглого стола» Ф.И. Ладугин являлся старшим советником Института энергодиалога «Восток–Запад». На момент подписания номера в печать Ф.И. Ладугин являлся советником Группы «Глобал Консалтинг».

С момента создания военных частей, а затем соединений, на вооружение которых поступали ракетные комплексы с ядерными боезарядами, зародилась и совершенствовалась система обеспечения ядерной безопасности. Это одно из важнейших направлений в деятельности всех звеньев управления: от дивизиона до Генерального штаба.

По мере совершенствования носителей ядерного оружия (ЯО) возрастали требования к обеспечению ядерной безопасности, что обусловлено рядом объективных факторов, как внешних, так и внутренних.

Вместе с развитием и усложнением ракетных систем ЯО возникли и продолжают оставаться актуальными в настоящее время следующие проблемы: обеспечение замены устаревших систем, выработавших в лучшем случае гарантийные, а в худшем – продленные сроки эксплуатации; обеспечение ЗИП (запасные инструменты и принадлежности) и материально-техническими средствами; поддержание на требуемом уровне условий эксплуатации; надежная охрана объектов с ядерными боеприпасами и режим допуска на них, включая меры антитеррористического характера, а также подготовка специалистов и повышение квалификации офицеров, прапорщиков и солдат на уровне, обеспечивающем безаварийную эксплуатацию ЯО.

Таким образом, обеспечение ядерной безопасности из разрозненных мероприятий, проводившихся на заре зарождения ЯО, превратилось в стройную систему на всех уровнях и во всех звеньях управления. В общем плане эта система содержит два глобальных направления деятельности: поддержание ядерной безопасности группировок войск и обеспечение условий безопасного содержания ЯО.

Первое направление включает обеспечение безопасности содержания ЯО, продление сроков его эксплуатации и проведение его модернизации, второе – аттестацию объектов с ЯО, оценку и содержание в пригодном состоянии объектов к применению по назначению (к таким объектам, как правило, относят спецсооружения с ЯО, средства транспортировки ЯО, системы охраны объектов с ЯО, инженерные сооружения и железнодорожные участки).

Система обеспечения ядерной безопасности (далее для краткости – система безопасности) в объединениях и соединениях СЯС (стратегические ядерные силы) подразумевает работу по следующим направлениям: формирование структуры и определение задачи органов обеспечения ядерной безопасности; анализ состояния ядерной безопасности; отчетность и контроль этого состояния; подбор и подготовку специалистов для частей, эксплуатирующих ЯО.

Особое место в работе органов управления системой безопасности занимает человеческий, т. е. морально-психологический, фактор. Его роль была всегда значимой, она только продолжает возрастать в современных условиях. Это обусловлено обострением старых и появлением новых проблем экономического и социально-политического характера. Человеческий фактор присутствует практически во всех составляющих системы безопасности. Эффективность функционирования этой системы зависит от того, насколько грамотно будет разработана структура и насколько ясно будут сформулированы задачи органов бес-

печения ядерной безопасности, от четкости постановки в объединениях и соединениях учета и контроля над состоянием ЯО и отчетности, от грамотности подбора и подготовки специалистов для частей, эксплуатирующих ЯО. В не меньшей степени эффективность функционирования системы безопасности зависит от организации охраны и обороны ЯО, а также организации транспортировки его в ходе учений, занятий и проведения регламентированного технического обслуживания. С учетом того, что с ЯО, в большей степени в ходе эксплуатации, связаны военнослужащие, находящиеся на боевом дежурстве, именно в отношении их решается проблема морально-психологического обеспечения ядерной безопасности. В некоторой степени она зависит от морально-психологического состояния и личного состава, обеспечивающего несение боевого дежурства, т. е. поддержание ЯО, находящегося на боевом дежурстве, в технически исправном состоянии^{1,2}.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Морально-психологическое обеспечение ядерной безопасности – один из важнейших самостоятельных видов повседневной деятельности войск в мирное и военное время – является комплексом согласованных по целям, задачам и времени мероприятий, осуществляемых командирами, штабами и органами воспитательной работы. Цель этих мероприятий – формирование и поддержание должного морально-психологического состояния личного состава, эксплуатирующего ЯО и обеспечивающего вместе с личным составом качественное решение задач боевого дежурства³. Здесь можно выделить три самостоятельных, тесно связанных между собой направления.

Первое направление морально-психологического обеспечения ядерной безопасности ориентировано на формирование мировоззрения военнослужащих, воздействие на их сознание, мораль, убеждения, нормы и принципы, определяющие и регулирующие их поведение в ходе эксплуатации ЯО.

Второе направление касается психики отдельного военнослужащего и психологии воинских коллективов и связано с организацией психологической подготовки и психологическим обеспечением на всех этапах эксплуатации ЯО в процессе несения боевого дежурства.

Третье направление – это защита личного состава от негативного информационно-психологического воздействия.

Таким образом, морально-психологическое обеспечение ядерной безопасности может включать информационно-воспитательную, психологическую и военно-социальную работу; защиту личного состава от негативного информационно-психологического воздействия; организацию культурного досуга.

Информационно-воспитательная работа имеет целью формирование у личного состава необходимых морально-психологических качеств, нравственной мотивации поведения для выполнения задач обеспечения ядерной безопасности. Основные формы такой работы: общественно-государственная подготовка; различного рода информирование личного состава; собрания, лекции, беседы и др.

Психологическая работа направлена на выработку высокой психологической устойчивости личного состава дежурных сил, эксплуатирующих ЯО, поддержание его способности переносить высокие нервно-психологические нагрузки при выполнении задач боевого дежурства. Эта работа включает психологическую подготовку, психологическое сопровождение в ходе несения боевого дежурства, психологическую помощь и реабилитацию.

Психологическая подготовка представляет собой комплекс мероприятий, моделирующих действия личного состава в ходе несения боевого дежурства и вырабатывающих стереотипы поведения в целях формирования у военнослужащих психологических качеств, способствующих решению задачи обеспечения ядерной безопасности.

Психологическое сопровождение – это система специальных оперативных мероприятий, осуществляемых в ходе боевого дежурства, которые направлены на поддержание психо-

логической устойчивости личного состава дежурных сил к высоким нервно-психическим и физическим нагрузкам и выработке мер по профилактике психических расстройств.

Психологическая помощь заключается в практическом применении психологических технологий, методов и приемов, обеспечивающих военнослужащим дежурных сил способность преодолеть психотравмирующие последствия обстановки, а также восстановить психологическую готовность обеспечить безаварийную эксплуатацию ЯО.

В ходе несения боевого дежурства в боевых расчетах первая психологическая помощь нуждающимся оказывается либо ими самими, либо в порядке взаимопомощи. Квалифицированная психологическая помощь осуществляется силами психологов частей и центров психологической помощи и реабилитации во взаимодействии со специалистами медслужбы, а специализированная – в военно-лечебных заведениях.

Психологическая реабилитация – система специальных мероприятий в целях восстановления у личного состава утраченных (нарушенных) функций и способности к нормальной деятельности, а также для проведения психологической и психофизиологической экспертизы личного состава дежурных сил. Психологическая реабилитация проводится психологами частей и специалистами, как правило, после смены с боевого дежурства.

Основными **формами психологической работы** на всех этапах подготовки и несения боевого дежурства могут быть социально- и морально-психологическое изучение личного состава дежурных сил; психодиагностика; психологическое консультирование; профилактика и коррекция.

Социально-психологическое изучение включает оценку условий воспитания и развития личности военнослужащего, определение его профессиональной подготовки, особенностей его характера и поведения в коллективе.

Работа по изучению *морально-психологического* состояния может содержать следующие элементы: конкретизацию целей изучения; изыскание оптимальных источников информации о морально-психологическом состоянии личного состава, использование определенных методов сбора информации; выявление объективных и субъективных факторов, оказывающих положительное и отрицательное воздействие на личный состав. На основе анализа полученных знаний планируется и организуется оценка морально-психологического состояния личного состава в ходе психодиагностики.

Психодиагностика использует различные методы выявления и оценки индивидуально-психологических особенностей личного состава.

Психологическое консультирование – специально организованный процесс индивидуального общения с психологом, специалистом центра (пункта) психологической помощи и реабилитации, в ходе которого выявляются дополнительные психологические силы и способности, обеспечивающие выход из сложных жизненных ситуаций.

Психопрофилактика ставит целью быструю адаптацию военнослужащих к условиям несения боевого дежурства, формирование у них психологической устойчивости к психотравмирующим факторам обстановки, предупреждение неадекватного поведения военнослужащих и развития у них невротических состояний.

Психологическая коррекция – организованное психологическое воздействие на отдельных военнослужащих и коллективы, которые имеют отклонения от нормы. Этот вид помощи направлен на перестройку неблагоприятных психологических состояний и на восстановление адекватного отношения военнослужащих к условиям несения боевого дежурства и эксплуатации ЯО.

Психологическая работа осуществляется в стационарных и мобильных центрах (пунктах) психологической помощи и реабилитации или в комнатах психологической разгрузки. При этом используются компьютерные классы, средства бланковой и аппаратурной психодиагностики, различные методы и приемы психологической помощи и реабилитации.

Военно-социальная работа в качестве главной задачи ставит создание социальных условий, в которых военнослужащие и гражданский персонал дежурных сил могли бы эффективно решать возложенные на них обязанности, а также поддержание организованности и правопорядка при обеспечении безопасной эксплуатации ЯО. Эта работа

включает изучение и оценку уровня правовых знаний личного состава; разъяснение военнослужащим правовых актов, определяющих порядок организации боевого дежурства и эксплуатации ЯО, ответственность за его нарушение; правовое информирование войск, оказание консультативно-юридической помощи; соблюдение законных прав и предоставление льгот военнослужащим, выполняющим задачи боевого дежурства, и членам их семей; изучение настроений и нужд личного состава дежурных смен и оперативное принятие мер по их удовлетворению; поддержание взаимодействия с органами исполнительной власти и местного самоуправления в целях более эффективного решения социальных проблем военнослужащих и членов их семей; создание правовых, социальных и материально-бытовых условий, способствующих эффективному выполнению задач обеспечения ядерной безопасности; формирование высокой организованности и дисциплины, укрепление единоначалия; формирование у всех категорий военнослужащих дежурных смен осознания необходимости и ответственности за строгое и точное выполнение директив, наставлений по обеспечению ядерной безопасности.

Основные **формы военно-социальной работы** в объединениях и соединениях СЯС: проведение проверок соблюдения законодательства о правах и льготах военнослужащих, несущих боевое дежурство, и контроль над полным доведением до них положенных норм довольствия; индивидуальное и коллективное консультирование военнослужащих, членов их семей, гражданского персонала по социально-правовым вопросам; проведение лекций, семинаров, бесед, занятий по общегосударственной подготовке и командирской подготовке по социально-правовой тематике; организация вечеров вопросов и ответов; работа с письмами, жалобами по социальным вопросам, прием посетителей и другие мероприятия. Военно-социальная работа проводится в одноименных центрах (пунктах), справочно-консультационных пунктах, кабинетах правовых знаний. При этом могут быть использованы технические средства обучения и воспитания, а также периодическая специальная литература.

Защита от негативного информационно-психологического воздействия на личный состав дежурных сил в первую очередь состоит в том, чтобы нейтрализовать это воздействие и не допустить деморализации, морально-психологического подавления личного состава дежурных сил⁴. Для этого разработан комплекс мероприятий, проводимых в период подготовки и несения боевого дежурства всеми органами военного управления и должностными лицами: разъяснение решений высших органов государственной власти и управления, а также задач, стоящих перед дежурными и обеспечивающими силами; анализ и прогнозирование информационной обстановки; сбор и обобщение данных об источниках отрицательного информационно-психологического воздействия на личный состав с выработкой конкретных мер по его нейтрализации; нейтрализация источников отрицательного информационно-психологического воздействия (в том числе техническими средствами); исключение возможности деморализации, морально-психологического подавления личного состава; организация профилактических мер по предупреждению распространения ложных слухов среди личного состава и возникновения негативных массовых психических реакций; исключение возможности дезинформации и снижения морально-психологического состояния личного состава дежурных сил. Этапы защиты от негативного информационно-психологического воздействия: прогнозирование, предупреждение, срыв и ликвидация последствий.

Опыт работы в войсках показывает, что существующая система морально-психологического обеспечения ядерной безопасности в общей системе организации и несения боевого дежурства является эффективной и в целом позволяет не допустить нарушений предъявляемых к ней требований. Однако эта важнейшая задача решается в условиях целого ряда проблем.

ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Результаты социально-психологических исследований показали, что государственно-общественные преобразования в стране в течение последних 15 лет привели к существенному изменению социально-психологических характеристик военнослужащих по

призыву. Генеральный штаб уделяет особое внимание подбору призывников в соединения и части с ЯО. Отбор традиционно проводится комиссиями заблаговременно, до общего призыва в Вооруженные силы РФ. Однако даже при таком подходе параметры социально-психологической характеристики личного состава значительно ухудшились.

Социальный состав военнослужащих по призыву, образовательный уровень, среда воспитания и трудовая деятельность приведены в табл. 1.

Таблица 1

Социально-психологическая характеристика личного состава военнослужащих по призыву

Параметры	Доля (%)
<i>Социальный состав (характеристика семьи)</i>	
рабочие	52
работники сельского хозяйства	26
интеллигенция	10
предприниматели	5
пенсионеры	4,7
военнослужащие	2,3
<i>Образование (солдаты, сержанты)</i>	
высшее или среднее (профессиональное)	48
общее основное или начальное профессиональное	50
начальное	2
<i>Среда воспитания (семья):</i>	
полная	74
неполная (без отца)	21
неполная (без матери)	2,6
сироты	2,4
<i>Трудовая деятельность до армии:</i>	
учились	40
работали	40
не учились и не работали	20
<i>Асоциальное поведение до армии:</i>	
злоупотребляли алкоголем	4
пробовали наркотики или токсические вещества	4,9
имели приводы в милицию	9,6

Оставляет желать лучшего и уровень нервно-психической устойчивости призывников. Анализ и опыт личной работы автора по отбору призывников показал, что, несмотря на всестороннее изучение последних при заблаговременном отборе, не удастся качественно отобрать призывников с требуемым уровнем параметров. Основные из них приведены в табл. 2.

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О
М

Данные о нервно-психической устойчивости личного состава

Параметры	Доля (%)
Заболевания нервной системы (до призыва)	0,65
Психические расстройства (до призыва)	0,59
Ослабленное здоровье	9,96
Низкий уровень адаптационных способностей	21,1

Как видно из приведенных характеристик призывного контингента, от командиров соединений и частей требуется кропотливая работа по дальнейшему отбору, подготовке специалистов в зависимости от должности при прохождении службы. Большая роль отводится работе центров (пунктов) психологической помощи и реабилитации.

Одним из важнейших направлений обеспечения ядерной безопасности был и остается уровень военно-профессиональных знаний личного состава, эксплуатирующего ЯО. В результате экономических проблем и финансовых трудностей этот уровень снизился. К счастью, это не характерно для РВСН (Ракетные войска стратегического назначения) и Дальней авиации ВВС. Об этом свидетельствуют результаты проверки, относящиеся к зимнему периоду обучения 2001/02 г.

Снижение уровня военно-профессиональных знаний, навыков, умений, мастерства владения, как представляется, обусловлено в первую очередь низким уровнем мотивации (денежного содержания) военнослужащих: сегодня труд гражданских работников оплачивается значительно выше, чем военных. Например, если в России количество граждан, проживающих за чертой бедности, с 2000 по 2001 г. сократилось на 3,8%, то среди военных – лишь на 1,8%. При этом реальные совокупные доходы семей военнослужащих выросли на 28,6%, тогда как в среднем по стране рост составил 34,7% за тот же период⁵. Другие причины: перегруженность по службе (средняя загруженность младшего офицера в месяц составляет от 270 до 300 часов, в то время как трудовая норма гражданского работника – 160 часов), отсутствие заинтересованности в повышении уровня профессиональной подготовки в связи с недостаточным материальным стимулированием; низкая обеспеченность проводимых организационно-штатных мероприятий необходимыми материальными средствами и, прежде всего, несоответствие количества и номинальной стоимости жилищных сертификатов количеству увольняемых в запас военнослужащих.

Важнейшее влияние на состояние ядерной безопасности в современных условиях оказывает социальный фактор, а точнее – социальные проблемы. В офицерском корпусе российских Вооруженных сил социальные проблемы копились годами⁶. Первая из них – это материальное положение военнослужащих и членов их семей. Несмотря на так называемое «повышение» денежного содержания военнослужащих с 1 июля 2002 г. и повышение его с 1 января 2003 г., уровень жизни офицерских семей не улучшился. Если зарплата и увеличится до 4 и 7 тыс. руб. соответственно для младших и старших офицеров, трудно представить, как офицер сможет содержать семью в 3–4 человека при минимальном прожиточном минимуме на одного человека от 2,5 до 3,5 тыс. руб.⁷. То, что офицеры лишены льгот по оплате коммунальных услуг, сводит на нет повышение денежного содержания. При этом для большинства офицеров ядерных сил России денежное содержание – единственный источник существования: их жены не могут получить работу в закрытых военных городках.

Не добавляет энтузиазма офицерам, несущим боевое дежурство с ракетно-ядерным оружием, и социальная несправедливость, выражающаяся в том, что такие же офицеры, которые вчера вместе с ними учились в одном вузе, получают зарплату в полтора раза выше. Например, лейтенант, проходивший в начале 2003 г. службу в ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи), получал большую зарплату, чем полковник,

доктор наук и профессор в Гуманитарном военном университете. Такой же контраст существует и в положении других офицеров.

Не радуют и приведенные российскими СМИ результаты опроса военнослужащих об их отношении к заявленному президентом и правительством Российской Федерации значительному повышению денежного содержания. 76% опрошенных это повышение сочли явно недостаточным, а по данным опроса межведомственной рабочей группы, проведенного в 2001 г., 46,2% военных семей проживали за чертой бедности⁸.

Вторая проблема – жилищная. Количество бесквартирных военнослужащих в каждой из составляющих триады ядерных сил исчисляется десятками тысяч, а в целом в Вооруженных силах Российской Федерации по состоянию на 1 января 2002 г. почти 168,5 тыс. семей офицеров нуждаются в улучшении жилищных условий, 164 тыс. семей офицеров, уволенных в запас, не обеспечены квартирами. Усугубляется это положение и дальнейшим значительным сокращением стратегических наступательных вооружений. Намеченное сокращение около 10 ракетных дивизий в РВСН увеличит количество не обеспеченных жильем офицеров вдвое. В соответствии же с планами реформирования Вооруженных сил Российской Федерации предполагается досрочно уволить с военной службы около 268 тыс. военнослужащих, не имеющих жилья⁹.

Не решит эту проблему и предлагаемая система накопления средств во время службы для приобретения жилья при увольнении офицеров, так же как и система выдачи жилищных сертификатов, которая не оправдала себя. Это, по существу, способ отвлечь внимание от проблемы, но уже не на 5–6 лет, а на 20–25.

Третья проблема – забота о здоровье военнослужащих, эксплуатирующих ЯО. В прежние годы офицеры могли гордиться, что в каждом виде Вооруженных сил Российской Федерации есть свои санатории, которыми они могли воспользоваться, пусть и не в лучшее время года. С распадом СССР многие санатории в Крыму были утеряны, стоимость путевок возросла. Именно в связи с этим, по данным Главного военно-медицинского управления Министерства обороны Российской Федерации, среднестатистический военнослужащий имеет возможность получить путевку для отдыха и лечения один раз в 12 лет. И, как делают выводы журналисты *Независимого Военного Обозрения*, военная медицина превращается из медицины для военнослужащих в медицину социальную.

4. Процессы принятия решений в различных звеньях иерархических организационных систем управления, к которым относится и система обеспечения безопасности ЯО, обладают рядом специфических особенностей: большинство решений принимается в ситуациях, ранее не встречавшихся, поскольку совпадение ситуаций – событие маловероятное; выбор вариантов решений происходит, как правило, в условиях высокой степени неопределенности, т. е. при недостаточных знаниях о текущей ситуации и тенденциях ее развития и неясных представлениях обо всех последствиях принимаемого решения; решения, подчас самые ответственные, принимаются в условиях жесткого ограничения времени.

Кроме того, увеличивается разрыв между повышающимися требованиями к безопасности ЯО и возможностями оперативного управления процессом обеспечения этой безопасности. Резко усилилась деятельность органов управления вследствие постоянно возрастающего объема информации, циркулирующей в существующей системе управления обеспечением безопасности ЯО.

В целом автоматизация процесса управления обеспечением безопасности ЯО зависит от выполнения как минимум двух условий: наличия аппаратного обеспечения и наличия соответствующего программного и информационного обеспечения процесса управления. Если первое условие в основном реализовано существованием только в РВСН автоматизированных систем управления войсками и оружием и информационно-расчетной системы, то второе пока не реализовано.

В связи со сложностью принятия решений по управлению обеспечением безопасности ЯО, неизбежным дефицитом времени, огромными стрессовыми, а также морально-психологическими и физическими нагрузками на личный состав органов управления при ликвидации последствий аварии с ЯО становится актуальной задача создания и приме-

нения специализированных техногенных систем, позволяющих облегчить процесс принятия решений. Таким образом, очевидна необходимость автоматизации управления процессом обеспечения безопасности ЯО на основе новых информационных технологий, которые дадут возможность органам управления оценивать, планировать, прогнозировать, организовывать и отслеживать процесс обеспечения безопасности ЯО, определять или корректировать цели действий органов управления.

Автоматизация управления процессом обеспечения безопасности ЯО должна повысить не только оперативность, но и качество принимаемых решений. Следовательно, автоматизация должна заключаться в создании органами управления системы поддержки принятия решений в области обеспечения безопасности ЯО. К основным составляющим такой системы следует отнести¹⁰ автоматизированные информационные системы сбора, хранения, обработки и отображения мониторинговой информации об условиях эксплуатации ЯО, а также автоматизированные и информационно-аналитические системы, предназначенные для решения важнейших задач в интересах планирования и принятия решений.

Примечания

¹ Актуальные проблемы морально-психологического обеспечения. Академия педагогических и социальных наук, Военная академия РВСН имени Петра Великого. М., 2000.

² Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы. М.: Изд-во МО РФ, 2000.

³ Актуальные проблемы морально-психологического обеспечения. Академия педагогических и социальных наук, Военная академия РВСН имени Петра Великого. М., 2000.

⁴ Информационно-психологическое противоборство. Цит. соч.

⁵ Ходаренок Михаил. Лечить, несмотря ни на что. *Независимое Военное Обозрение*. 2002, 7 июня, С. 1; Соловьев Вадим. Чиновники Министерства обороны совершенно игнорируют права солдат. *Независимое Военное Обозрение*. 2002, 12 июля. С. 1; Михайлов Виктор. Социальный портрет российских Вооруженных сил. *Независимое Военное Обозрение*. 2002, 9 августа. С. 3.

⁶ Лата В.Ф. Концепция строительства ВС РФ: реальность и перспективы. Гуманитарная орденов Ленина и Октябрьской революции Академия Вооруженных сил, Ассоциация «Армия и общество». М., 1994.

⁷ Ходаренок Михаил. Цит. соч.; Соловьев Вадим. Цит. соч.; Михайлов Виктор. Цит. соч.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Тюрин Р.Л. Автоматизация процесса управления обеспечением безопасности ядерного оружия. М.: Изд-во МО РФ, 2001.

Человечество вступило в третье тысячелетие новой эры с острым ощущением возникающих забот и тревог за свою безопасность в настоящем и будущем. Не успев до конца освободиться от страхов, которые почти полвека нагнетались безудержной гонкой вооружений и нависшей над планетой угрозой третьей мировой войны, с неизбежным и масштабным применением в ней наряду с ядерным оружием боевых отравляющих веществ и бактериологических средств уничтожения людей, мировое сообщество столкнулось с новыми вызовами и угрозами для безопасности и самого своего существования. Одно из первых мест в списке этих угроз сегодня занял международный терроризм.

Сам по себе терроризм – явление не новое, имеющее собственную предысторию. Но масштабы, направленность и формы, в которых терроризм заявляет о себе сегодня, требуют того, чтобы к нему относились как к явлению, в недрах которого завершается вызревание новых серьезных угроз для безопасности как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Это обстоятельство актуализирует задачу осмысления сути современного терроризма, выявления его истоков, вдохновителей и движущих сил, выработки и реализации мер для эффективной борьбы с терроризмом на путях широко-го международного сотрудничества.

Очевидно, что обозначенная задача – широкомасштабна и многогранна, а для ее решения необходимы усилия всего мирового сообщества. Нужно выстроить четкую международную систему борьбы с терроризмом. Без этого проблему терроризма не осилить.

В рамках реализации этой глобальной задачи представляется необходимым прежде всего вычлнить некоторые ориентиры, важные для формирования основы международного взаимодействия по вопросам борьбы с терроризмом. Представляется, что к числу таких ориентиров следует, в первую очередь, отнести выявление глубинных причин эскалации международного терроризма и определение путей противодействия ему. Именно этим двум аспектам и уделено основное внимание в этой статье.

ЭСКАЛАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Нынешний этап развития мирового сообщества сопровождается возрастанием многообразия террористической деятельности, которая все больше увязывается с межнациональными и межконфессиональными конфликтами, сепаратистскими и так называемыми освободительными движениями, а также с деятельностью различных подпольных синдикатов, действующих в наркоторговле, нелегальном оружейном бизнесе и в других сферах.

Происходит эскалация террористической деятельности, расширяется ее география, усложняется ее характер, возрастает количество и изощренность терактов, разнообразят-

ся их формы, объемы и цели. Терроризм приобрел международный характер. Деятельность террористических организаций, а именно они представляют наибольшую опасность, как правило, имеет своей целью не просто обострение и дестабилизацию обстановки в том или ином регионе во имя решения каких-то локальных задач, а в конечном счете – захват или передел власти, территориальный передел, насильственное изменение конституционного строя и государственного устройства в тех или иных странах в соответствии с собственными представлениями и на своих условиях.

Не случайно, что большинство известных на сегодня в мире мощных террористических организаций имеют своих духовных лидеров и наставников, порой сложную иерархическую и организационную структуру, собственную идеологию и стратегию действий, своих сильных и богатых покровителей, вплоть до целых государств – спонсоров терроризма. Для реализации своих замыслов ими организована широкая сеть банков, фондов, финансовых компаний. Эти финансовые структуры выявлены в Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании, Египте, Пакистане, Великобритании, Германии, США, России, Швейцарии, на Кипре и в ряде других стран. Терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым «рынком труда» и приложения капиталов, со своими правилами и моралью, несовместимыми ни с какими общечеловеческими и демократическими принципами и ценностями.

Примеры Афганистана, Таджикистана, Косово, Чечни, Ближнего Востока показывают, что современный терроризм способен вести диверсионно-террористические войны, участвовать в масштабных вооруженных конфликтах. Налицо стремление террористов к обладанию оружием массового поражения.

От вспышек терроризма не застрахованы ни высокоразвитые, ни отстающие в экономическом и социальном развитии страны с различными политическими режимами и государственным устройством. Продолжающиеся процессы глобализации, изменяющие характер современного мироустройства, появление новых глобальных средств и систем связи и информации снижают значимость государственных границ и иных традиционных средств защиты от терроризма.

Все это позволяет утверждать, что международный терроризм стал одной из величайших стратегических угроз цивилизованному миру.

Однако, осознавая эту угрозу, мировое сообщество все еще не сумело адекватно отреагировать на нее, оно пока даже не выработало действенной консолидированной позиции в противодействии международному терроризму. После произошедших 11 сентября 2001 г. в США трагических событий Совет Безопасности ООН 5 октября 2001 г. учредил Контртеррористический комитет, а 12 ноября 2001 г. принял известную резолюцию № 1373. «Восьмеркой» ведущих промышленно-развитых стран («G-8») на саммите в Кананскисе в 2002 г. провозглашены «Принципы, направленные на предотвращение доступа террористов или тех, кто их укрывает, к оружию или материалам массового уничтожения», а спустя год на саммите в Эвиане учреждена рабочая группа «G-8» по анти-террористическим действиям. Но более чем скромные результаты этих мер свидетельствуют, что важность создания единого фронта борьбы с терроризмом осознается далеко не всеми субъектами мирового сообщества, зачастую преобладают другие мотивы и расчеты над осознанием опасности от набирающего силу терроризма. Поэтому неудивительно, что за два года своей деятельности Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН так и не сумел завершить согласование разрабатываемых им проектов Всеобъемлющей конвенции о борьбе с терроризмом и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного террора.

Да, созданная во главе с США международная антитеррористическая коалиция смогла довольно быстро разгромить в Афганистане вооруженные группировки ультраэкстремистского «Исламского движения Талибан» (ИДТ) и созданной У. бен Ладеном террористической организации «Аль-Каида» («Основа»). Однако поставленной цели – ликвидации как таковых ИДТ и террористической организации «Аль-Каида» вместе с ее лидерами – несмотря на все усилия созданной коалиции, достичь не удалось. По существу, был

лишь демонтирован государственный институт талибов. При этом перспектива развития ситуации в Афганистане по чеченскому сценарию (безусловно, со своими специфическими особенностями) отнюдь не исключена. И в целом следует отметить, как показывает опыт борьбы с терроризмом в других регионах мира, в частности в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Кашмире (Индия) и Чечне (Россия), что на месте, казалось бы, разгромленных экстремистских движений и террористических организаций возрождаются новые, с еще более амбициозными лидерами вместо ликвидированных (убитых, арестованных). Следовательно, надо признать, что использование только одних вооруженных (насильственных) методов борьбы с терроризмом «загоняет» проблему в тупик: насилие порождает насилие.

Поэтому, не отрицая в принципе необходимости вооруженной борьбы с терроризмом, особенно тогда, когда он приобретает экстремистские формы, мировому сообществу все же следует сосредоточить основные усилия на искоренении причин, порождающих терроризм и способствующих расширению его преступной деятельности.

ПРИЧИНЫ ЭСКАЛАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕМУ

Из многообразия причин эскалации международного терроризма, обусловленных спецификой его проявления в том или ином регионе мира, следует выделить две глубинные причины: социальную и идеологическую. Как представляется, устранение или по крайней мере существенное ослабление именно этих причин позволит мировому сообществу добиться коренного перелома в борьбе с международным терроризмом.

Социальная причина современного международного терроризма лежит в огромном различии качества жизни населения государств мира. Процессы глобализации, наиболее эффективно используемые развитыми странами, привели к серьезным противоречиям между богатым Севером и бедным Югом. Они начинают приобретать межцивилизационный характер, и именно на них паразитирует международный терроризм, прикрываясь лозунгом об ущемлении прав обездоленных народов.

Было бы неправильно утверждать, что мировое сообщество вообще не осознает эту опасность. Такое понимание есть, и об этом свидетельствуют результаты проведенного в Йоханнесбурге (ЮАР) в конце августа – начале сентября 2002 г. Всемирного форума по устойчивому развитию или, как его еще называют, саммита Земли. Главами делегаций, принявших участие в этом форуме стран, после продолжительных и трудных согласований, был одобрен План борьбы с бедностью и сохранения окружающей среды. Однако из-за нежелания многих богатых стран «делиться» с бедными этот План крайне мало содержит конкретных мероприятий, реализация которых позволила бы уменьшить возникшую пропасть между уровнями жизни населения в различных государствах мира.

Поэтому представляется, что необходимы дополнительные усилия со стороны мирового сообщества, прежде всего исходящие от богатых стран, если, конечно, они заинтересованы в том, чтобы жить и развиваться при отсутствии угрозы разрастания международного терроризма, создавать условия бедным странам для повышения уровня жизни их населения. И магистральное направление здесь – не оказание этим странам гуманитарной помощи, которая, безусловно, необходима в экстренных случаях, а реальное вовлечение их в процесс мирового развития. Это предполагает прежде всего ликвидацию безработицы, неграмотности, дискриминации по расовым, этническим, религиозным и другим признакам, а также вложение инвестиций в промышленное производство и сельское хозяйство. Пока же бедные страны вынуждены прозябать на задворках процесса мирового развития, оставаясь сырьевым придатком, поставщиком дешевой рабочей силы и социальной «опорой» терроризма и экстремизма.

Идеологической основой международного терроризма является национализм с исторически присущим ему религиозным фактором, что особенно характерно для исламского мира, но не только.

В политическом плане национализм прикрывается лозунгом о праве наций на самоопределение, который после ликвидации колониализма утратил свое прогрессивное значение и стал орудием сепаратизма и его разновидности – ирредентизма (движения за воссоединение разделенных народов). Современные сепаратизм и ирредентизм ни в коей мере не вписываются в нынешние международные нормы. На практике они реализуют свои цели с использованием актов террора, а нередко и развязывания диверсионно-террористической войны, через выход из существующей государственной системы (к примеру, тамильские сепаратисты в Шри Ланке) или через разрушение этой системы с целью формирования государственности для отдельной этнической или религиозной общности под флагом исключительности данного социума (как это имеет место в Чечне). При этом религия зачастую выполняет функции инструмента социальной консолидации и политической мобилизации. Ее участие в политической жизни вносит элемент иррациональности за счет введения в оборот таких категорий священности, как джихад и тому подобное, что позволяет националистам действовать любыми методами, в том числе несовместимыми с гуманностью и человеческой этикой. В первую очередь это характерно для ваххабизма, как для крайнего проявления исламского фундаментализма.

К эффективной борьбе с этими негативными явлениями мировое сообщество пока не готово. Предпринимаемые отдельными странами усилия, несмотря на затрачиваемые ими значительные ресурсы, должной отдачи не дают. Здесь успех возможен лишь на основе консолидирования усилий всего мирового сообщества. Способствовать этому могло бы, как представляется, проведение под эгидой ООН, естественно, после соответствующей подготовки в рамках специально образованной комиссии или уже функционирующего Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН, международной конференции по противодействию терроризму с принятием на ней соответствующей хартии. Эта хартия должна содержать четкое определение терроризма как преступного явления, исключить де-факто существующее на сегодня разделение террористов на плохих и хороших и зафиксировать, что участники и пособники любой террористической акции объявляются международными преступниками, подлежат аресту и преданию суду в любой стране, являющейся членом ООН. Одновременно эта же конференция могла бы одобрить и принять уже упомянутые в данной статье Всеобъемлющую конвенцию о борьбе с терроризмом и Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного террора, а также поддержать июльскую 2003 г. инициативу России о создании под эгидой ООН Международного фонда борьбы с терроризмом.

Полезным представляется и расширение функций Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН за счет создания при нем антитеррористического центра с региональными отделениями в тех районах мира, в которых наиболее активно действуют террористические организации и экстремистские движения. Примером эффективности этой меры, с определенными оговорками, может служить Международный антитеррористический центр СНГ.

Очевидно, что предлагаемый к созданию антитеррористический центр мог бы эффективно сотрудничать с такой международной организацией, как Интерпол, ибо сегодня деятельность террористических организаций тесно смыкается с деяниями организованной преступности. Создание же обособленной антитеррористической коалиции на временной основе не всегда способно консолидировать мировое сообщество, а в отдельных случаях может и привести к жесткому противостоянию, как это имело место в отношении Ирака.

Если же не предпринимать мер по активизации деятельности ООН в борьбе с международным терроризмом, то под воздействием последнего, ставящего своей глобальной целью управлять миром с помощью страха, ООН может просто развалиться, как это произошло в свое время с Лигой Наций, оказавшейся не способной противостоять фашизму. В этом случае устоявшееся мироустройство неизбежно разрушится, наступит хаос, последствия для мирового сообщества будут непредсказуемыми.

Однако одних усилий по активизации деятельности ООН недостаточно, чтобы надежно обуздать современный терроризм, который во многом опирается на религиозный фана-

тизм. Классический пример – созданный У. бен Ладеном «Международный исламский фронт джихада против иудеев и крестоносцев» и его военное крыло – террористическая организация «Аль-Каида», филиалы которой существуют не только в государствах, население которых исповедует ислам, но даже и в таких странах, как США. По сути создан террористический интернационал. Для успешного противодействия ему не обойтись без консолидации здоровых сил всех религиозных конфессий (христианской, мусульманской, индуистской, иудейской, буддистской и др.).

Как представляется, основу этой консолидации могло бы заложить проведение в ближнесрочной перспективе саммита глав религиозных конфессий. Этот саммит позволил бы не только осудить религиозный фанатизм во всех его проявлениях, но, несомненно, способствовал бы объединению усилий верующих во Всевышнего в борьбе с международным терроризмом.

Что касается выработки и осуществления конкретных мер по противодействию международному терроризму, то мировому сообществу следовало бы учесть его современные особенности. К ним можно отнести следующие восемь:

- формирование международных и региональных органов с функциями планирования террористической деятельности, подготовки и проведения террористических операций, организации взаимодействия между отдельными группами и исполнителями, привлекаемыми к той или иной террористической акции;
- создание разветвленной сети центров и баз по подготовке боевиков и самоубийц-смертников, а также сети подполья, тайников, складов оружия и боеприпасов для обеспечения проведения актов террора в различных регионах мира;
- создание фондов, фирм, компаний и банков, которые используются как в качестве прикрытия террористов, так и для финансирования всестороннего обеспечения их операций (акций);
- концентрация значительных финансовых средств у руководителей террористических организаций и движений, в том числе за счет срастания терроризма с наркобизнесом, незаконной торговлей оружием и фальшивомонетчиками;
- возбуждение антиправительственных настроений в обществе в целях успешной борьбы за влияние и власть;
- использование конфликтных и кризисных ситуаций для распространения своего влияния;
- проникновение террористов в общественные организации, а в ряде стран – даже в государственные, политические, экономические и силовые структуры;
- использование права на политическое убежище, проживание, деятельность и базирование, предоставляемое рядом государств (в этом аспекте особую озабоченность вызывают многие западно- и центральноевропейские страны, прежде всего те, которых пока минула доля испить чашу горя вследствие акта террора, к примеру Дания).

И последнее. Немаловажным шагом в противодействии терроризму должно стать формирование в общественном сознании соответствующих стереотипов негативного отношения к террористам всех мастей. К сожалению, сейчас немалая часть общества в различных странах мира терпимо, а то и сочувственно относится к террористам, которые создали себе имидж борцов за права обездоленных народов, а в исламском мире – еще и борцов за свою веру. Эти стереотипы формируются на базе повседневных жизненных ценностей, культуры, религиозных убеждений, образовательных программ и т. п. Они и должны стать сферой скрупулезно продуманной системы пропаганды. Навязанную и, следует признать, во многом успешно проводимую террористическими организациями «информационную войну» (например, в Чечне в период военной кампании 1994–1996 гг.) необходимо

мировому сообществу выиграть. Без этого трудно, если не невозможно, успешно противодействовать международному терроризму.

Мировое сообщество, если оно хочет сохраниться как таковое, обречено на реализацию мер, адекватных степени угрозы международного терроризма. И чем скорее будут выработаны и осуществлены эти меры, тем меньше горя принесет народам терроризм и тем быстрее его можно будет обуздать. Хотелось бы, чтобы главы всех государств и религиозных конфессий это не только осознали, но и незамедлительно начали действовать, а общественные и религиозные организации и движения этому всячески способствовали бы.

В январе 2003 г. в латиноамериканскую прессу проникло неожиданное заявление. Министр науки и технологий Бразилии Р. Амарал в правительстве президента Л. Инасио Лула да Сильвы вызвал недоумение государственных и неправительственных экспертов, заявив, что бразильское правительство должно получить в свое распоряжения ядерное оружие для защиты своего суверенитета¹. Впрочем, заявление министра не стало особым сюрпризом для тех, кто внимательно следит за ситуацией в Бразилии. Еще в мае 2002 г. Р. Амарал абсолютно недвусмысленно заявил: «К 2002 году ДНЯО устарел. Пора Бразилии проснуться и войти в клуб ядерных держав. Будучи суверенным государством, Бразилия не нуждается в чьем-либо разрешении для того, чтобы разрабатывать ядерное, химическое и бактериологическое оружие²».

В ходе предвыборной агитации нынешний президент Бразилии Л. Инасио Лула да Сильва, выступая перед бразильскими военными, заявил буквально следующее: «Почему меня просят убрать оружие и оставить в руках рогатку в то самое время, когда на меня наводят пушку? [...] Только тогда Бразилия сможет добиться уважения, когда она превратится в экономическую, технологическую и военную державу³».

Однако стоит отметить, что бразильский министр прямо не намекал на необходимость для своего государства заполучить в свое распоряжение ядерное оружие. В частности, 8 января 2003 г. он заявил: «Ядерная энергия представляет собой обширнейшую область знаний, и частью этого знания является технология по созданию ядерной бомбы. Тем не менее мы хотели бы иметь подобный источник энергии и соответствующие технологии в своем распоряжении для использования в сферах медицины, производства продуктов питания и в прочих мирных целях [...]»⁴.

Это высказывание вызвало некоторое замешательство у соседей Бразилии, прежде всего у Аргентины, которое, впрочем, было развеяно в ходе визита бразильского президента в Буэнос-Айрес 14 января 2003 г. В ходе визита президент Бразилии Л. Инасио Лула да Сильва и его аргентинский коллега Э. Дуальде не только подтвердили приверженность экономической интеграции в рамках МЕРКАСУР (Общего южноамериканского рынка), но и отметили решимость выполнять обязательства по ядерному разоружению, предотвращению распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также по мирному использованию атомной энергии⁵.

Казалось бы, все вопросы относительно ядерной программы Бразилии были сняты и никаких неожиданностей не предвиделось. Впрочем, министр науки и технологий Р. Амарал вновь заставил наблюдателей, пристально следящих за ситуацией вокруг бразильской ядерной программы, «недоуменно поднять брови».

Согласно планам бразильского правительства, которые уже получили благословение президента, к середине 2004 г. планируется начать обогащение урана в промышленных масштабах⁶. По мнению Р. Амарала, этот шаг «позволит Бразилии достичь большей независимости в вопросах снабжения страны топливом для АЭС»⁷.

Памятуя о том, какую реакцию вызвало его заявление в начале 2003 г., министр науки и технологий в этот раз был гораздо более осторожным в своих высказываниях, заявив, что «Бразилия планирует развивать производство урана лишь в мирных целях»⁸.

БРАЗИЛЬСКАЯ ВОЕННАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

С большой долей уверенности можно утверждать, что опасения по поводу возможной реанимации бразильской военной ядерной программы беспочвенны. При этом необходимо отметить ряд важных моментов. Бразильское правительство заявило об отказе от осуществления ядерных испытаний даже в мирных целях. Данных о наличии в Бразилии ядерного оружия не имеется. Вместе с тем периодически поступает информация о существовании в стране крупной продвинутой программы исследований военно-прикладного характера, что является предметом обсуждения в научных кругах⁹.

Сама военная ядерная программа Бразилии не пошла дальше научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Все дело в том, что она была чрезвычайно фрагментирована. Так, военно-морские силы (ВМС) отвечали за разработку обоганительных технологий, тогда как военно-воздушные силы (ВВС) проводили исследования в области конструкции ядерного боеприпаса. Отсутствие координации между родами войск и, как следствие, отсутствие успеха привели к тому, что в начале 1990-х гг. ядерная программа Бразилии была заморожена. Единственное, чего смогли добиться бразильские ученые, это начать производство низкообогащенного урана (НОУ) на объекте ВМС в Сан-Паулу, однако к тому моменту стало ясно, что ядерная программа поглощает все больше и больше денег.

Безусловно, еще в начале 1990-х гг. ходили упорные слухи о том, что бразильские военные преследуют амбициозные цели постройки, к примеру, атомной подводной лодки с целью разработки собственного ноу-хау получения ядерного оружия¹⁰. И это несмотря на то, что в Бразилии законодательно запрещена разработка ядерного оружия. Однако после вступления Бразилии в ДНЯО все спекуляции на тему создания в стране ядерного оружия прекратились.

Таким образом, нет необходимости говорить, что Бразилия готова пересмотреть свои обязательства перед партнерами в Латинской Америке и перед мировым сообществом. Слова «Лулы» можно скорее считать эффективным политическим ходом, цель которого – завоевать симпатии военных, которые до сих пор остаются в Бразилии серьезной политической силой.

Уже в начале 2003 г., после скандального заявления министра Р. Амарала и после того, как аргентинский МИД попенял своим бразильским коллегам на не слишком корректные выступления чиновника, министр иностранных дел Бразилии Ц. Аморим «разъяснил» заявления своего коллеги по кабинету министров, отметив, что Бразилия будет «продолжать бороться за ядерное разоружение в мире»¹¹.

И вряд ли стоит говорить о существовании намерений у бразильского руководства реанимировать ядерную программу, хотя еще в 1995 г. Служба внешней разведки Российской Федерации в своем открытом докладе «Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления» указывала на тот факт, что в Бразилии существуют две параллельные ядерные программы, одна из которых осуществляется под контролем МАГАТЭ, другая – под фактическим руководством вооруженных сил страны, прежде всего военно-морского флота. Однако после того как в 1998 г. Бразилия присоединилась к ДНЯО, многие вопросы в отношении Бразилии были сняты. Кроме того, экономическая ситуация в Бразилии, да и в Латинской Америке в целом, сейчас не самая удачная для того, чтобы начинать масштабный, амбициозный проект, предназначение которого не совсем понятно. Кроме того, это может существенно осложнить отношения с Аргентиной, с которой за последние 15 лет сложились добрососедские, партнерские отношения.

БРАЗИЛЬСКО-АРГЕНТИНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельного рассмотрения заслуживает аргентино-бразильское сотрудничество в области ядерной энергетики. Начало сотрудничеству было положено в 1980 г., когда Бразилия и Аргентина подписали двустороннее Соглашение об использовании ядерной энергии в мирных целях. Следующим этапом стало подписание в 1985 г. Декларации Фоз-до-Игуасу о мирном характере ядерных программ Аргентины и Бразилии. Логическим продолжением контактов между двумя странами по вопросу использования ядерной энергии в мирных целях стало подписание 6 июля 1990 г. Декларации о совместной ар-

гентино-бразильской политике в ядерной области (вторая Декларация Фоз до Игуасу), а также создание в 1991 г. после подписания Гвадалахарского соглашения Бразильско-аргентинского агентства по учету и контролю ядерных материалов (Agencia Brasilenio-Argentina de Contabilidad y Control de Materiales Nucleares, АБАКК).

Эти соглашения явились основой для создания двусторонней системы контроля за ядерными программами, что позволило двум странам заявить о вступлении в 1994 г. в Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договор Тлателолко). Присоединение Аргентины и Бразилии к Договору Тлателолко положило конец разговорам о региональном соперничестве двух государств в ядерной области. После того как вначале Аргентина (1995 г.), а затем и Бразилия (1998 г.) присоединились к ДНЯО, слухи о развитии военной ядерной программы в Бразилии утихли окончательно.

С 1991 г. ядерная программа Бразилии (как, впрочем, и Аргентины) находится под полноохватными гарантиями МАГАТЭ. Это стало возможным благодаря заключению Четырехстороннего соглашения (Acuerdo Cuatripartito) между АБАКК (Бразильско-аргентинским агентством по учету и контролю ядерных материалов), МАГАТЭ, Бразилией и Аргентиной. Первоначально Аргентина и Бразилия были против применения полноохватных гарантий, прежде всего из-за того, что обе страны принимали на себя обязательства, идентичные обязательствам по ДНЯО, против которого оба государства резко возражали¹², считая этот договор дискриминационным инструментом, препятствующим развитию ядерной энергетики и получению этими странами ноу-хау в ядерной области. Впрочем, уже к 1998 г. Аргентина и Бразилия стали членами ДНЯО, что, однако, не стало финалом для существования АБАКК. Как заявил заместитель секретаря АБАКК К. Фоу Альвим, выступая на Конференции по пересмотру ДНЯО 2000 г., «с присоединением двух стран к ДНЯО Гвадалахарское соглашение отнюдь не теряет своей актуальности. Напротив, деятельность АБАКК становится еще более необходимой для усиления гарантий МАГАТЭ»¹³. По его оценкам, за восемь лет работы АБАКК провела 944 инспекции на атомных объектах в Бразилии и Аргентине, в ходе которых МАГАТЭ было предоставлено более 3200 докладов о состоянии дел в ядерной энергетике двух стран¹⁴.

На настоящий момент Бразилия принимает участие во всех крупных международных и региональных договорах и организациях в области нераспространения (см. таблицу 1). Кроме того, Бразилия является активным членом Коалиции за новую повестку дня (КНПД). На Конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2000 г. страны, входящие в Коалицию, представили совместный рабочий доклад, в котором призывали все ядерные государства строго придерживаться требований ДНЯО по ядерному разоружению, а также страны, обладающие ядерным оружием, но не присоединившиеся к ДНЯО, воздержаться от «любых действий, ставящих под угрозу региональную стабильность и международный мир».

Годом ранее на Подготовительном комитете ДНЯО представители Бразилии выступили с обращением, в котором затронули важность создания зон, свободных от ядерного оружия, и подтвердили приверженность своего правительства концепции создания Зоны мира и сотрудничества в Южной Атлантике.

Таблица 1

Участие Бразилии в международных и региональных организациях и договорах

Членство в договорах и организациях	Бразилия (Федеративная Республика Бразилии)
МАГАТЭ	1957 г.
АБАКК	1991 г.
КНПД	1998 г.
Договор Тлателолко	Подписание: 9 мая 1967 г. Ратификация: 30 мая 1994 г.
ДНЯО	Присоединение: 18 сентября 1998 г.
ДВЗЯИ	Подписание: 24 сентября 1996 г. Ратификация: 24 июля 1998 г.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

В принципе, ядерная программа Бразилии, наверное, так и осталась бы на том уровне, в котором она находилась к 2000 г., если бы в 2001 г. страну не поразил энергетический кризис. Энергетический кризис 2001 г. заставил бразильскую правящую элиту по-новому взглянуть на энергобезопасность и энергообеспеченность страны и продумать ряд шагов по увеличению количества вырабатываемой электроэнергетики, а также диверсификации ее источников. Основным источником электроэнергии в Бразилии являются гидроэлектростанции. На них приходится практически 90% всей вырабатываемой в стране энергии. Обычные, топливные электростанции обеспечивают чуть менее 6% электроэнергии. На другие источники энергии (солнечные и ветровые электростанции) приходится чуть менее 4% вырабатываемой энергии. Меньше всего энергии вырабатывают бразильские АЭС – всего 1,44%¹⁵. Необходимо отметить, однако, что даже при отсутствии кризисной ситуации нынешняя бразильская энергосистема не обеспечивает всех потребностей страны в электричестве. Так, к примеру, в 2000 г. Бразилия вырабатывала 342 000 МВт электричества, тогда как потребляла 360 000 МВт. Нехватка электричества в стране компенсируется дополнительными поставками из Аргентины¹⁶.

Неожиданно засушливый год привел к систематическим нарушениям в энергоснабжении, что, в свою очередь, подорвало веру бразильцев, казалось бы, в неисчерпаемую эффективность и поразительную надежность гидроэлектростанций. А ведь Бразилия является самым энергоемким государством Латинской Америки! И хотя программа энергосбережения, которая действовала с июня 2001 по март 2002 г., позволила избежать веерных отключений электричества, бразильским политикам стало понятно, что полагаться исключительно на один источник электроэнергии крайне рискованно.

Кризис стал следствием как ряда естественных причин – в течение нескольких лет осадки были недостаточными и около 70% запасов воды в естественных резервуарах было исчерпано, так и по причине недофинансирования электрогенерирующей отрасли. Кроме того, бразильские власти чересчур уповали на энергию воды. Как показывают данные, начиная с 1990 г. доля гидроэлектростанций в общей электрогенерирующей схеме Бразилии лишь возрастала, тогда как другим источникам энергии внимания не уделялось вообще или же уделялось крайне мало¹⁷.

И что самое важное, к лучшему ситуация не изменится. Согласно прогнозам, к 2020 г. потребление электроэнергии в Бразилии возрастет более чем в два раза. Страна сейчас находится на пороге принятия важного решения: диверсификации своих источников энергии. При этом совершенно неизбежен переход от своей традиционной ориентации на строительство гидроэлектростанций к постройке новых энергогенерирующих мощностей. Таким образом, можно предположить, что Бразилия, наряду с другими энергогенерирующими мощностями, будет развивать и свою ядерную энергетику.

Сейчас в стране существуют две действующие атомные электростанции – «Ангра-1», построенная американской компанией «Westinghouse» в 1969 г., расположенная неподалеку от Рио-де-Жанейро, и «Ангра-2», обслуживающая город Сан-Паулу, эксплуатация которой началась в 2000 г. Идет строительство и третьей АЭС – «Ангра-3», однако по экономическим причинам строительство было приостановлено в начальной стадии, и сейчас постройка завершена лишь на 30%. Впрочем, в планы бразильского правительства, озвученные предыдущим президентом Бразилии Ф. Энрике Кардосу, входит возобновление строительства АЭС «Ангра-3», но от начала работ до пуска электростанции пройдет не менее пяти лет¹⁸.

Необходимо отметить, что после строительства электростанции «Ангра-1» «Westinghouse» свернула свою деятельность в Бразилии и место американской компании заняла германская «Siemens». Контракт немецкой компании с бразильским правительством был подписан 27 июня 1975 г. и предполагал строительство предприятий закрытого ядерного цикла: комбината по добыче и обогащению урана, хранилища отработанного ядерного топлива, установки по переработке ОЯТ, восьми дополнительных реакторов¹⁹. Созданный для этих целей бразильский концерн «Nuclebras» и германская «Siemens» организовали ряд совместных предприятий, однако экономический кризис

1983 г. спутал все планы. Работы по созданию бразильской ядерной энергетики были приостановлены, постройка реакторов «Ангра-2» и «Ангра-3» заморожена. А в 1986 г. правительство Бразилии было вынуждено провести процедуру банкротства «Nuclebras» и принять на себя все долги этой государственной компании, которые составляли порядка 4,6 млрд долл.²⁰, а также пересмотреть условия сделки с немецкой компанией, отказавшись от строительства разветвленной сети атомных электростанций. Работы над АЭС «Ангра-2» продолжились лишь в 1996 г.

Программа по развитию ядерной энергетики изначально осуществлялась под руководством министерства обороны, поэтому недофинансирование оборонных программ сказалось в том числе и на финансировании строительства АЭС «Ангра-2» и «Ангра-3». Когда будет достроена АЭС «Ангра-3» (если будет!), Бразилия сможет ограничить закупки электричества в Парагвае и обеспечить потребности экономики в электроэнергии собственными силами. Стоит также отметить, что во время энергетического кризиса (когда в стране было в общей сложности выработано примерно 326 000 МВт) на бразильские АЭС пришлось порядка 4,3% всей выработанной электроэнергии²¹.

В настоящее время строительством и обеспечением работы атомных электростанций занимается государственная компания «Eletronuclear».

Кроме того, отметим, что Бразилия занимает шестое место в мире по объемам запасов урана. Как заявил Р. Амарал, запасы урана в Бразилии составляют 600 000 т²². Обогачительное производство будет функционировать на площадке компании «Industrias Nucleares Brasileiras» в Резенди²³. Собственное обогащительное производство позволит Бразилии сократить импорт топлива для АЭС и сэкономить порядка 11 млн долл. из 20 млн долл.²⁴, которые тратятся на покупку урана у европейского концерна «Urenco». Кроме того, как надеются в бразильском правительстве, к 2010 г. собственная индустрия по обогащению урана позволит до 60% добываемого в стране сырья обогащать самим, тогда как в настоящий момент действует сложная схема, согласно которой уран, добываемый в стране, вначале направляется в Канаду, где его конвертируют в гексафторид урана (UF₆), а затем в Европу, где на мощностях «Urenco» он обогащается и направляется обратно в Бразилию для производства тепловыделяющих сборок. Однако уровень обогащения при этом незначительный – в пределах 2%. Согласно же бразильским планам, собственные обогащительные мощности в Резенди должны на выходе давать уран, обогащенный до уровня 3,5%²⁵.

Выводы

В настоящий момент Бразилия столкнулась с рядом трудностей экономического характера. В ближайшей перспективе, особенно из-за растущего потребления электроэнергии, перед Бразилией стоит задача обеспечить потребности своего 176-миллионного населения в ядерной энергетике, необходимость развивать государственную энергосистему и тот факт, что АЭС «Ангра-3» планируется запустить в 2007 г., можно предположить, что это и будет основной задачей атомной промышленности Бразилии. В условиях огромного внешнего долга (250 млрд долл.²⁶) и намерения просить кредит у Международного валютного фонда на сумму 30 млрд долл.²⁷, вряд ли стоит ожидать от бразильского руководства каких-то неожиданных шагов. Кроме того, согласно обнародованной информации, Бразилия планирует (к 2010 г.) экспортировать излишки обогащенного урана преимущественно в США и Францию²⁸.

Несмотря на то, что 12 октября 2003 г. ряд аргентинских изданий со ссылкой на высокопоставленных представителей бразильских ВМС (в Бразилии именно ВМС традиционно «курировали» одну из частей ядерной программы страны) сообщили, что мощности завода в Резенди позволят достичь 20% уровня обогащения урана, «что вполне достаточно для того, чтобы использовать (уран.– И. Ф.) в качестве топлива в реакторах атомных подводных лодок»²⁹, слишком преждевременно делать выводы о том, что Бразилия намерена развивать и военную ядерную программу, а уж тем более стремиться к созданию собственной атомной бомбы.

Даже текущий проект по созданию и введению обогатительных мощностей в Резенди финансируется не в полном объеме (на настоящий момент перечислено лишь 5 млн долл. из запланированных 10 млн). Всего же на эти цели до 2010 г. бразильское правительство планирует перечислить порядка 80 млн долл., что, естественно, недостаточно для полноценного финансирования столь амбициозного проекта, на который, вероятно, в правительстве Л. да Сильвы возлагают большие надежды³⁰.

Примечания

¹ Этчалеко Эриан. Бразильская ядерная программа вызывает беспокойство в Аргентине. *Правда*. 2003, 9 января.

² Amaral R. We Need the Bomb. *Brazzil*. 2002, May. P. 24.

³ Vincent Icabel. Brasil's New Prez Promises To Build Nuclear Weapons. *National Post*. 2002, 11 November.

⁴ Цит. по: Бразилия хочет стать ядерной державой. *MIGNews.com*. 2003, 1 сентября.

⁵ Бразилия и Аргентина намерены углубить стратегическое партнерство. *Синьхуа*. 2003, 15 января.

⁶ Reactivan el Plan Nuclear. *El Clarin*. Miércoles, 2003, 8 de Octubre.

⁷ Ibid.

⁸ Brazil's Move to Enrich Uranium is Raising Eyebrows. *Reuters*. 2003, 8 October.

⁹ Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. Открытый доклад СВР РФ. 1995 г. <http://svr.gov.ru/material/4-brazil.html>.

¹⁰ Military in control of Brazil's nuclear program. *WISE News Communique*. 1991, 19 December.

¹¹ Этчалеко Эриан. Цит. соч.

¹² Carasales Julio. The Argentine-Brazilian Nuclear Rapprochement. *Nonproliferation Review*. 1995, Spring-Summer. P. 43.

¹³ 2000 NPT Review Conference. Statement by Dr. Carlos Feu Alvim, Deputy Secretary of the ABACC. <http://www.opanal.org/NPT-TNP/StatementsABACC.htm>.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ CIA World Factbook 2002. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/br.html>.

¹⁶ <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/brazil.html>.

¹⁷ An Energy Overview of Brazil. <http://www.fe.doe.gov/international/brazover.html>.

¹⁸ www.eia.doe.gov/emeu/cabs/brazil.html.

¹⁹ Brazil: Angra-2 reached criticality. *WISE News Communique*. 2000, 1 September.

²⁰ Ibid.

²¹ Flavio Decat de Moura. Welcoming Remarks. American Nuclear Energy Symposium. Anes, 2002. P. 2.

²² Brazil's Move to Enrich Uranium is Raising Eyebrows. *Reuters*. 2003, 8 October

²³ К 2014 г. Бразилия выйдет на полное самообеспечение по обогащенному урану. *Nuclear.ru*. 2003, 9 октября.

²⁴ Палагичев Н. Об атомной энергетике Бразилии. *ИТАР-ТАСС*. 2002, 23 января.

²⁵ Gosman Eleonora. Ambicioso programa nuclear de Brasil con fines civiles y militares. *El Clarin*. Domingo, 2003, 12 de Octubre.

²⁶ <http://www.latin-focus.com/countries/brazil/bradebt.htm>.

²⁷ Vincent Icabel. Brasil's New Prez Promises To Build Nuclear Weapons. *National Post*. 2002, 11 November.

²⁸ Brazil's Move to Enrich Uranium is Raising Eyebrows. *Reuters*. 2003, 8 October

²⁹ Gosman Eleonora. Op. cit.

³⁰ Brazil's Move to Enrich Uranium is Raising Eyebrows. *Reuters*. 2003, 8 October

Современная логика ядерного противостояния такова, что между наступательными и оборонительными системами объективно существует тесная взаимосвязь. На протяжении последних десятилетий создание любой системы стратегических ядерных вооружений в США или СССР вызывало почти мгновенную ответную реакцию у противостоящей стороны, вынуждало ее наращивать стратегические силы, дополняя их средствами обороны, чтобы не допустить нарушения военно-стратегического, ракетно-ядерного паритета.

Укрепление военной безопасности любого государства, как правило, осуществляется двумя основными путями. Первый – наращивание военно-экономических возможностей государства (создание всесторонне развитого оборонно-промышленного комплекса) и на их основе увеличение численности вооруженных сил, оснащение их передовой военной техникой и оружием, совершенствование и увеличение количества стратегических ядерных сил (СЯС). Последнее присуще ядерным державам, имеющим высокий экономический, научно-технический и военный потенциал. Второй путь – укрепление военной безопасности на базе взаимного сокращения вооруженных сил, всех видов военной техники и оружия на основе договорных соглашений, достигаемых через дипломатические каналы.

На протяжении более 40 лет в отношениях СССР – США, Запада и Востока преимущество отдавалось первому пути, в результате накоплены горы разнообразной военной техники и оружия. К середине 1980-х гг. ядерные арсеналы пяти ядерных держав насчитывали более 25 тыс. ядерных зарядов, размещенных на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) и ракетах средней дальности (РСД). Они нацелили друг на друга около 4700 стратегических носителей и почти 1900 РСД. Как считает ряд исследователей, Советский Союз был способен одним ракетно-ядерным ударом уничтожить (по ориентировочным расчетным данным) около 91% МБР США¹.

Гонка вооружений поглотила огромные материальные и финансовые средства. На нее работали тысячи промышленных предприятий и НИИ. Так, в СССР в годы холодной войны бесперебойно работали 134 крупных сборочных завода, производивших вооружение в качестве конечного продукта. Из них 24 выпускали наземное оружие, 24 – морское, 37 – авиационное и 49 – ракетное. Работу этих предприятий обеспечивали около 3500 предприятий-поставщиков, а координаторами выступали девять министерств, отвечавших за исследования, разработку и производство вооружений².

По мнению автора, именно чрезмерная милитаризация экономики обескровила народное хозяйство СССР. Укрепляя военную безопасность, милитаризация практически подрывала устои национальной безопасности страны. Только в середине 1980-х гг., стоя на краю ядерной пропасти, политики Востока и Запада прислушались к мнению ученых и

специалистов, голосу общественности, повернули на путь взаимных сокращений стратегических ядерных вооружений.

Тщательно и всесторонне оценив международную военно-политическую обстановку, проанализировав возможные последствия дальнейшей гонки стратегических ядерных вооружений, СССР твердо стал на путь их ограничения и сокращения на паритетных началах с США.

В начале 1985 г. по инициативе Советского правительства была достигнута договоренность о новых переговорах между СССР и США. В марте того же года Советский Союз предложил США на весь период Женевских переговоров заморозить ядерные арсеналы обеих сторон и прекратить дальнейшее развертывание ракет. В апреле 1985 г. СССР в одностороннем порядке прекратил размещение своих боевых ракетных комплексов РСД-10 в европейской части СССР.

В целях ограничения гонки вооружений Советское правительство принимает решение провести советско-американскую встречу на высшем уровне. Она состоялась в Женеве 19–21 ноября 1985 г. На этой встрече СССР предложил осуществить широкомасштабную программу, направленную на ограничение ракетно-ядерных вооружений³.

Крупным планом в ней можно выделить два конкретных предложения.

- Сократить на 50% все имеющиеся у СССР и США стратегические носители, способные достигать друг друга (с 2500 у СССР и 2215 у США до 1250 и 1680 соответственно), а общее число ядерных зарядов на них у каждой стороны ограничить потолком в 6 тыс. единиц⁴.
- Строго выполнять достигнутые договоренности. За время, прошедшее со дня подписания Договора ОСВ-2, СССР в целях неперевышения указанных уровней стратегических вооружений демонтировал 250 стратегических средств доставки, в том числе 182 пусковые установки (ПУ) баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Советский Союз добросовестно выдерживал подуровни, установленные для ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения и тяжелых бомбардировщиков с крылатыми ракетами «воздух–земля»⁵.

Одновременно СССР брал на себя обязательство прекратить постановку на боевое дежурство в составе Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) РСД-10 и снять с боевого дежурства дополнительно развернутые после июня 1984 г. РСД-10. К моменту встречи число таких ракет, стоявших на боевом дежурстве в европейской зоне, составляло 243 единицы⁶. Необходимо отметить, что к тому времени старые и весьма мощные ракеты Р-14 СССР уже полностью снял с вооружения и продолжал снимать ракеты Р-12, которых на октябрь 1985 г. оставалось около 130 единиц⁷.

Означает ли сказанное выше, что СССР в эти годы бросился в одностороннее сокращение стратегических наступательных вооружений (СНВ) в ущерб оборонной безопасности страны? Конечно, нет. Снятие с вооружения МБР, БРПЛ осуществлялось в разумных пределах и сопровождалось строго сбалансированным с США совершенствованием других видов вооружения. Так, разработка и постановка на вооружение в США нового типа стратегического оружия – крылатых ракет большой дальности – вынудили Советский Союз принять ответные меры. В середине 1980-х гг. были развернуты крылатые ракеты большой дальности на стратегических бомбардировщиках и на подводных лодках. По своему масштабу эти меры соответствовали возраставшей угрозе военной безопасности СССР со стороны США.

Учитывая тенденции развития вооружения и боевой техники в армиях США и НАТО, Советский Союз совершенствовал свое ракетно-ядерное оружие, предназначенное лишь для оборонительных целей. Работы велись по нескольким направлениям. Улучшались и модернизировались ракетные комплексы, повышались их надежность, боеготовность и эффективность. Они стали более простыми в эксплуатации и требовали для обслуживания значительно меньше людей, чем раньше. Увеличилась мощность ядерных зарядов и точность попадания моноблочных и разделяющихся головных частей в цель. Повыша-

лась живучесть ракет при ядерном воздействии противника и совершенствовалась автоматизация систем управления ими.

Модернизировались ракеты среднего радиуса действия.

Статистический анализ показывает, что в эти годы СССР строго придерживался Соглашения ОСВ-1 и Договора ОСВ-2, о чем убедительно свидетельствуют обобщенные сравнительные данные табл. 1.

Таблица 1

Соотношение стратегических ракетно-ядерных средств СССР и США в 1979–1985 гг.⁸

Носители и ядерные заряды	Зафиксировано Договором ОСВ-2 в 1979 г.		По состоянию на ноябрь 1985 г.	
	СССР	США	СССР	США
Всего носителей стратегической дальности	2504	2280	2504	2215
В том числе:				
межконтинентальных ракет наземного базирования	1398	1050	1398	1050
ядерных зарядов на носителях стратегической дальности	Около 7000	Около 10 000	7500	Свыше 12 000
Всего носителей средней дальности	938	857	850	1042
В том числе ракет средней дальности в Европе	473	У США – не было; Франция и Англия – около 400	373, в том числе РСД-10 – 2432	США – 236, в целом НАТО – 414
ядерных зарядов на всех носителях средней дальности	2153	3056	Около 2000	Более 3000
ядерных зарядов на РСД в Европе	969	У США – не было; Франция и Англия – около 400	869 (вместе с P-12) ⁹	США – 236, в целом НАТО – 766

Приведенные в табл. 1 фактические данные соотношения СЯС СССР и США показывают, что:

- благодаря усилиям Советского правительства по реализации Договора ОСВ-2, сдерживанию агрессивных устремлений США, направленных на подрыв ракетно-ядерного паритета, удалось добиться позитивных результатов, благоприятно влиявших на поддержание военной безопасности страны и сохранение геополитической стабильности в мире. К концу 1985 г. общее количество стратегических носителей у сторон по сравнению с 1979 г. не изменилось. СССР имел несколько больше, чем США, МБР (1398 : 1050) и ядерных зарядов на них (5000 : около 2400). Однако в целом количество ядерных зарядов на всех стратегических носителях по-прежнему было гораздо больше у США (7500 : свыше 12 000);
- по ядерным вооружениям средней дальности в Европе также существовало примерно равновесие. США к тому времени развернули в Западной Европе 236 ра-

кет (108 *Pershing-2* и 128 крылатых ракет), а всего страны НАТО имели в Европе 414 РСД, на них размещалось 776 боеголовок. СССР в составе РВСН имел в европейской зоне 373 ракеты с 869 боеголовками. Всего в СССР было, как ранее отмечалось, 441 ПУ РСД;

- в 1980-х гг., как никогда ранее, сложилась довольно стабильная устойчивость ракетно-ядерного паритета СССР и США, делающая бесперспективными попытки агрессивных сил как нарушить ее и добиться превосходства, так и сколько-нибудь значительно изменить ракетно-ядерный паритет в свою пользу.

Укрепление военной безопасности страны осуществлялось в основном с соблюдением трех основополагающих правил:

- строгое выполнение всех принятых международных договорных обязательств по ограничению вооружений;
- сохранение общего военно-стратегического равновесия между сторонами, исключающего какие-либо односторонние преимущества;
- создание новых систем вооружения только как вынужденная ответная мера на их появление у вероятного противника.

Устойчивый паритет имел место не только по МБР наземного базирования, как утверждают некоторые эксперты, но и по морским стратегическим ядерным силам (исключение составляли авиационные СЯС). К этому времени «советский ВМФ был вторым в мире по боевой мощи после флота США, превосходил его количественно и довольно успешно поддерживал паритет с военно-морскими силами США и их союзниками. Достаточно упомянуть, что подводных лодок, составляющих основу морских стратегических ядерных сил (МСЯС), к концу 1980-х гг. мы имели больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые, включая и США»¹⁰.

Этот вывод соответствует действительности, но необходимо внести небольшое уточнение. Паритет по большинству компонентов ВМФ (в том числе и МСЯС) был количественный, ибо по многим показателям МСЯС СССР отставали от МСЯС США как по качественным параметрам, так и по времени вхождения их в боевой состав (табл. 2).

Таблица 2

Основные характеристики атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) России (СССР)¹¹

Название головной ПЛАРБ	К-279 <i>Дельта-I</i>	К-441 <i>Дельта-III</i>	К-51 <i>Дельта-IV</i>	TK-208 <i>Тайфун</i>	<i>Юрий Долгорукий Борей</i>
Год сдачи головной ПЛАРБ	1972	1976	1985	1981	2005 (?)
Водоизмещение, т:					
надводное	8900	10 600	11 740	23 200	–
подводное	13 700	ок. 16 000	18 200	48 000	17 000
Скорость полного хода, узлы:					
надводного	16	14	14	12	–
подводного	26	24	24	25	26
Глубина погружения рабочая, м	320	320	320	–	–
Экипаж, чел.	120	130	130	160	130
Ракетное вооружение	12 ПУ МБР <i>РСМ-40</i>	16 ПУ МБР <i>РСМ-50</i>	16 ПУ МБР <i>РСМ-54</i>	20 ПУ МБР <i>РСМ-52</i>	12 ПУ МБР

Достигнутые в ноябре 1985 г. в Женеве договоренности о недопустимости стремления к военному превосходству, особенно в области ракетно-ядерных вооружений, необхо-

димо было перевести в практические действия. С этой целью СССР продлил односторонний мораторий на ядерные взрывы, дав согласие на любые формы контроля за этим процессом с использованием как национальных технических средств, так и международного контроля, с привлечением третьих стран. США в тот период времени не поддерживали наши действия. Позднее под давлением общественного мнения в декабре 1987 г. США вынуждены были дать согласие на участие в полномасштабных поэтапных переговорах по проблемам ядерных испытаний.

15 января 1986 г. советское правительство выступило с заявлением, в котором выдвинуло рассчитанную на 15 лет программу, предусматривающую поэтапную ликвидацию ядерного оружия до конца XX столетия. На базе этой программы обосновывалась первая концепция всеобъемлющей системы международной безопасности, которая предусматривала в военной области:

- отказ ядерных держав от войны друг против друга или третьих государств – как ядерной, так и обычной;
- недопущение гонки вооружения в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полную его ликвидацию, запрет и уничтожение химического оружия и его полную ликвидацию, отказ от других средств массового истребления;
- строго контролируемое снижение уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности и ряд других мероприятий¹².

С высоты сегодняшнего дня можно заметить, что многие предложения этой программы уже полностью реализованы, хотя не всегда тщательно продуманно. Некоторые из них и сегодня находятся в стадии осмысления и поиска направлений обеспечения национальной и глобальной безопасности.

Сложность решения предложенной СССР концепции заключалась в том, что вначале реакция США на наши инициативы была если не совсем отрицательной, то и не конструктивной. Р. Рейган на фоне антисоветской пропаганды уже тогда заявил о намерении США выйти из Договора ОСВ-2, предпринял шаги к разрушению бессрочного Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договора по ПРО). Особый упор был сделан на осуществление стратегической оборонной инициативы (СОИ). США рассчитывали не столько запугать СССР, сколько втянуть его в космическую гонку и тем самым измотать экономически.

Советский Союз, как и Россия сегодня, не поддался на эту провокацию. По инициативе нашей страны в октябре 1986 г. состоялась встреча руководителей двух великих держав в Рейкьявике, на которой советская делегация представила проект крупных мер, предусматривающих ликвидацию ядерных вооружений в сравнительно короткие сроки. Можно считать, что Рейкьявик стал поворотным пунктом мировой истории. По стратегическим вооружениям и РСД удалось, хотя и с большим трудом, достигнуть понимания. Если раньше шел разговор лишь об ограничении ядерных вооружений, то в Рейкьявике и после него – о его сокращении и ликвидации. В феврале 1987 г. СССР высказал предложение об отдельном рассмотрении и решении проблем РСД в Европе, что было убедительным примером конструктивного подхода советского руководства к вопросам ядерного разоружения.

Средствами средней дальности в Европе, по мнению СССР, считались те, которые имели дальность до 2000 км (но не межконтинентальные – свыше 5500 км) и, будучи запущенными с территории западноевропейских стран НАТО или из акваторий прилегающих к ним морей, способны наносить удары по жизненно важным центрам, расположенным на территории Советского Союза.

С учетом указанных критериев на протяжении ряда лет в Европе сохранялось примерное равновесие в области ядерных вооружений средней дальности (табл. 3).

Из таблицы видно, что соотношение в пользу НАТО составляло: по носителям 0,9:1, по зарядам 1:1,5. Поэтому говорить о каком-то преимуществе СССР над США и странами НАТО было абсурдно.

Соотношение ядерных вооружений средней дальности СССР и НАТО в Европе (по состоянию на 1 октября 1985 г.)¹³

Вид вооружений	СССР	НАТО		
		США	Англия	Франция
Ракеты наземного базирования	373 ¹⁴	236	–	18
Ракеты морского базирования	18	–	64	80
Средние бомбардировщики	439	573	–	44
Всего носителей средней дальности	850	1015		
Всего ядерных зарядов на носителях средней дальности	Около 2000	Около 3000		

Вместе с тем СССР не просто искал возможности для укрепления геополитической стабильности и ликвидации ядерной угрозы, но свои миролюбивые предложения неустанно подкреплял практическими действиями, осуществляя значительный (намного превосходящий США) демонтаж стратегических носителей. Об этом убедительно свидетельствуют данные о демонтаже стратегических носителей СССР и США в соответствии с ОСВ-1 и ОСВ-2. К 1987 г. было демонтировано пусковых установок МБР в СССР – 293 (в США – 37): в соответствии с Соглашением ОСВ-1 – 209 (37) и в соответствии с Договором ОСВ-2 – 84 (США по этому Договору демонтаж МБР не производили). Аналогичное соотношение было и по МСЯС. СССР демонтировал к тому времени БРПЛ – 287, США – 176. Несколько иное соотношение было по стратегическим бомбардировщикам.

Всего стратегических носителей было демонтировано в СССР – 616, а в США – 290¹⁵.

Приведенные данные убедительно опровергают обвинения, с которыми выступали в то время лидеры Запада, пытаясь обосновать «агрессивные замыслы Советского Союза». Под этим предлогом они продолжали нагромождать одно препятствие за другим, добились фактически не обуздания гонки вооружения, а устранения преград для осуществления своих военных программ. Под предлогом необходимости ликвидации якобы имеющегося «дисбаланса» в вооружениях Соединенные Штаты намеревались до конца 1980-х гг. значительно увеличить свой ядерный арсенал в первую очередь за счет оснащения своих вооруженных сил новейшими системами оружия, перевода гонки вооружения в космос в обход Договора по ПРО 1972 г.

Накануне 1987 г. Пентагон установил первые 10 ракет МХ. Эти ракеты предполагалось сделать мобильными, разместив на 25 железнодорожных платформах, которые в период чрезвычайной ситуации должны были курсировать по железным дорогам страны¹⁶. Все это обусловило существенные изменения в структуре военных ассигнований США. Бросается в глаза заметное увеличение доли средств, выделенных на разработку и производство вооружения и военной техники.

Ежегодные ассигнования на закупку оружия и военной техники за период 1980–1987 финансовых годов увеличились с 35 до 85,8 млрд долл., или более чем в 2,5 раза. В 1987 г. Пентагон получил на техническое перевооружение вооруженных сил свыше 120 млрд долл.¹⁷.

В совокупности перечисленные факты убедительно свидетельствовали о том, что Вашингтон делал все возможное для того, чтобы разрушить сложившееся в 1970-х гг. военное равновесие между СССР и США, Организацией Варшавского договора и НАТО.

Предложение Советского правительства о резком сокращении РСД, сформулированное 28 февраля 1987 г., поставило в практическую плоскость достижение Соглашения о ликвидации американских и советских ракет в Европе. 23 апреля 1987 г. в Женеве начался очередной раунд обсуждений вопросов, связанных с РСД, на котором делегация СССР внесла новый проект, предусматривающий компромиссное решение этой проблемы. Он предусматривал осуществление ликвидации РСД СССР и США в Европе в два этапа в течение 5 лет. В ходе первого этапа РСД и ПУ к ним сокращались на 50%, а на втором – полностью ликвидировались. Одновременно с ликвидацией РСД в Европе СССР и США осуществляли мероприятия по ограничению у каждой из сторон по 100 боеголовок РСД на азиатской части нашей территории и на национальной территории США¹⁸.

Советским Союзом было также предложено ликвидировать в Европе оперативно-тактические ракеты, а вне Европы решить вопрос о них по аналогии с РСД, то есть ограничить минимальными согласованными уровнями.

Необходимо отметить, что советские предложения застали американских и других деятелей Запада врасплох. Начался поиск предложений для затягивания переговоров. Со стороны США было проявлено стремление зафиксировать в Договоре их право переоборудовать находящиеся в Европе ракеты *Pershing-2* в РМД, что позволяло им «при необходимости» в течение 48 часов вновь вернуть их в боевое состояние. Другим предложением, препятствующим достижению договоренности, было предложение США о порядке проведения сокращений, согласно которому на первом этапе сокращались РСД только СССР, а Соединенные Штаты лишь проверяли, инспектировали действия Советского Союза. Что касается оперативно-тактических ракет, то предлагалось, например, дать возможность США и СССР иметь в Европе по 80 оперативно-тактических ракет (ОТР). Были и другие предложения. В своей совокупности они легли в основу выработки документов (Договора) о полной ликвидации РСД и РМД.

Удивляют темпы решения данной проблемы. В ходе делового и откровенного обсуждения кардинальных вопросов и путей понижения уровней ракетно-ядерных вооружений в течение немногим более полугода была проделана значительная подготовительная работа, последствия которой оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие СЯС СССР (России), на их роль и место в поддержании военной безопасности государства.

8 декабря 1987 г. в Вашингтоне был подписан Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации РСД и РМД. В соответствии с ним две крупнейшие в военно-стратегическом отношении державы взяли на себя обязательства практически уничтожить значительную часть ядерного оружия. В течение трех лет ликвидировались все РСД и РМД. Ликвидации в СССР подлежали 826 развернутых и неразвернутых РСД (*РСД-10*, *P-12*, *P-14*), в том числе 470 развернутых РСД. Со стороны США – 689 РСД (*Pershing-2* и *BGM-109 G*), в том числе 429 развернутых РСД.

В отношении РМД с советской стороны ликвидировались 926 развернутых и неразвернутых ракет; со стороны США – 170 таких ракет¹⁹.

В процессе ликвидации РСД уничтожению подлежали 58 развернутых ракетных операционных баз РВСН, в том числе 45 баз *РСД-10* (39 по 9 ракет и 6 по 6 ракет) и 13 баз *P-12* по 5 ракет²⁰. Договором были определены места ликвидации ракет и пусковых установок.

Следует особо отметить, что определенную новизну в договорных отношениях между СССР и США представляют положения Протокола об инспекциях, которые были для обеих сторон необычными и отличались значительными масштабами их проведения непосредственно в войсках и на ракетных заводах. Так, предусматривалась детально разработанная система инспекций: по проверке исходных данных; по контролю за ликвидацией ракетных операционных баз и ракетных вспомогательных объектов; в местах ликвидации РСД и РМД; за непроизводством ракет на заводах-изготовителях; по завершению процесса ликвидации на квотной основе и др.

В Протоколе содержались подробные правила различных видов проверки, включая их сроки и продолжительность инспекций, состав инспекционных групп и порядок уведомления. Инспекции проводились не только в СССР и США, но и в ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и других странах, где находились ракетные операционные базы.

Новые, необычные по своей сути мероприятия, связанные с выполнением процедур ликвидации и инспекцией, потребовали введения в войсках и в центре специальных подразделений для подбора и соответствующей подготовки офицеров-ракетчиков. Осуществлялись меры по повышению бдительности, строгому соблюдению режима секретности, сохранению военной и государственной тайны²¹.

В процессе реализации Договора Советскому Союзу надлежало ликвидировать около 2500 ядерных боеголовок, а США – 1320²².

Для реализации оговоренных Меморандумом пунктов о ликвидации ракет методом пуска были заблаговременно проведены рекогносцировки, подготовлены специальные площадки для пуска, оборудованы командно-наблюдательные пункты для руководства пусками и для инспекционных групп США.

Первые в истории РВСН пуски ракет РСД-10 в целях их ликвидации под непосредственным контролем инспекционных групп США были проведены из районов Канска и Читы²³.

К началу ликвидации ракет (август 1988 г.) была полностью отработана и принята межведомственная система организации экологического контроля за состоянием природной среды в регионе полигона Капустин Яр. Проверки, проводимые там в ходе ликвидации ракет в 1990 г., полностью подтвердили экологическую безопасность применяемых методов подрыва ракет и отсутствие негативного влияния на водный бассейн региона и безопасность населения.

Договором определялись строжайшие меры контроля: проверка на местах ликвидации ракет, инспекции по подозрению и за производством. Эти инспекции охватывали не только СССР и США, но и другие государства, на территории которых находились РСД и РМД.

В ходе подписания Договора руководители Советского Союза и Соединенных Штатов торжественно провозгласили убеждение в том, что ядерная война никогда не должна быть развязана. Они заявили о решимости предотвратить любую войну между СССР и США – ядерную или обычную, об отказе добиваться военного превосходства.

Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что подписание Вашингтонского договора имеет историческое значение как с точки зрения мировой политики, так и с точки зрения гуманизма. Во-первых, Договор положил начало реальной ликвидации, уничтожению ядерного оружия. Она началась – так рассудила история – с РСД и РМД. Во-вторых, подписание Договора подтвердило возможность безъядерного мира, реализм советской программы избавления от ядерного и других видов оружия массового уничтожения, изложенной в Заявлении М.С. Горбачева от 15 января 1986 г. В-третьих, Договор, подписанный между СССР и США, отвечал чаяниям всех народов. Он имел интернациональный характер. В нем были взаимосвязаны интересы практически всех стран Западной и Центральной Европы. Более того, это не только те девять стран, на территории которых были размещены или планировалось размещение РСД и РМД, но и все страны, безопасность которых в связи с заключением Договора заметно повысилась.

Итак, многолетние разговоры об ограничении и сокращении ракетно-ядерного оружия перешли в плоскость практической ликвидации двух классов ядерных ракет. Прекратили свое существование ракетные полки и дивизионы РСД-10, Р-12, Р-14. Все пуски на уничтожение РСД были проведены с оценками «хорошо» и «отлично». При этом боевое управление пусками ракет осуществлялось с центрального командного пункта РВСН в точно назначенное время (по секундам), что вызвало неподдельное восхищение присутствующих американских инспекторов четкими действиями боевых расчетов и безотказностью советской ракетной техники. Это еще раз подтвердило надежность Ракетных войск в обеспечении оборонной безопасности страны.

В трехлетний период реализации Договора 1987 г. в РВСН были ликвидированы 809 РСД: из них 654 ракеты *РСД-10*; 149 ракет *P-12*; 6 ракет *P-14*; 581 ПУ, из них 509 – для ракеты *РСД-10, 72* – для *P-12*; 408 стационарных сооружений для ПУ, 2725 единиц вспомогательного оборудования и 84 объекта. Кроме того, на развернутых базах ликвидации в процессе технологий было ликвидировано 27 пусковых установок и 17 РСД²⁴.

В ходе ликвидации РСД в РВСН было высвобождено более 18 тыс. единиц техники, что явилось хорошей базой для доукомплектования других ракетных частей. Освободился на 107 ракетных объектах специальный и казарменно-жилищный фонд и более 5 тыс. других зданий и сооружений.

В народное хозяйство безвозмездно переданы 25 военных городков со всей их развитой инфраструктурой и около 3 тыс. единиц автотехники. Кроме того, в народное хозяйство возвращено 28 земельных участков общей площадью 3200 га. Таким образом, расформирование частей РСД прошло без осложнения социальных проблем.

Справедливости ради необходимо отметить, что подписание Вашингтонского договора 1987 г. до сих пор воспринимается неоднозначно. И это понятно. С одной стороны, он имеет всечеловеческое значение как с точки зрения мировой политики, так и с точки зрения гуманизма, ибо он положил начало реальной ликвидации, уничтожению ядерного оружия и стабилизации геополитической и военно-стратегической обстановки. Договор расчистил путь для переговоров по дальнейшему ограничению и сокращению СНВ. С другой стороны, в процесс ликвидации РСД не были вовлечены Франция и Англия, ракеты которых представляли и представляют для России большую стратегическую угрозу, обладая небольшим (до 10 мин) подлетным временем до позиционных районов МБР РВСН. Положение осложняется еще и тем, что необоснованно, может быть и умышленно, практически ликвидировали оперативно-тактическую дальнобойную ракету *Ока* (*РС-23*). Кроме того, ликвидация СЯС повлекла за собой появление новых сложностей в развитии РВСН. На группировку МБР дополнительно возлагалась часть задач РСД на Европейском театре военных действий, а с развертыванием высокоточных ракет США возникла острая потребность повышения возможностей РВСН для решения задач в ответно-встречном ударе путем ускоренного ввода в группировку войск подвижных комплексов МБР, особенно *РС-12М* (*Тополь*) и *РС-20В* (Боевой железнодорожный ракетный комплекс – БЖРК).

Преодоление этих сложностей во многом зависело от дальнейшей судьбы дивизий РСД после ликвидации в них ракет. Как отмечает в своих «Записках бывшего Главкома стратегических» главнокомандующий РВСН того времени генерал армии Ю.П. Максимов, в военно-политическом руководстве страны имелись две точки зрения.

В Политбюро ЦК КПСС и Генеральном штабе считали, что с ликвидацией РСД следует расформировать и исключить из боевого состава РВСН все 14 дивизий, имевших на вооружении РСД. У командования и Главного штаба РВСН была другая точка зрения – расформировать и ликвидировать лишь 5 дивизий, вооруженных ракетами *P-12*, а все остальные перевооружить новыми мобильными грунтовыми и железнодорожными ракетными комплексами МБР: *РС-12М* и *РС-22В*. Но реализовать последнее было трудно, ибо «исключительно сильное противодействие, – вспоминает генерал армии Ю.П. Максимов, – было оказано со стороны Генерального штаба и лично начальника Генштаба Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева. Очевидно, над ним довлел ранее сделанный доклад, представленный Политбюро ЦК КПСС и правительству. Пришлось неоднократно и в официальном плане, и лично с глазу на глаз с С.Ф. Ахромеевым вести жаркую дискуссию по этому поводу. В итоге все же удалось склонить Генштаб к нашему варианту»²⁵. Мне в то время, как и многим моим коллегам, не были ясны в полной мере эти замыслы верхнего эшелона военного руководства. Главнокомандующий не мог тогда нам открыто говорить, почему эти проблемы решаются с таким трудом.

В апреле 1988 г. на Совете обороны было принято решение о дополнительном до конца 1980-х гг. производстве 135 ракетных комплексов *РС-12М* для перевооружения девяти оставшихся в боевом составе РВСН бывших дивизий РСД, до января 1991 г. развернуть подвижную группировку РВСН в составе 315 ПУ *Тополь*, для чего широко использовать

позиционные районы и всю инфраструктуру реформируемых дивизий, сохранить офицерские кадры и специалистов-ракетчиков в интересах оборонной безопасности Советского Союза.

Следует заметить, что принятие этого решения на Совете Обороны страны давалось очень трудно. Как вспоминает бывший главком РВСН Ю.П. Максимов, противники этого решения рьяно доказывали необходимость замены определенного количества ПУ *Тополь* на ПУ БЖРК или вообще предлагали не принимать окончательного решения по этому вопросу до подписания Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений, то есть отложить на время поставку в войска определенного количества ПУ *Тополь*²⁶.

Что это давало бы РВСН для их укрепления? Кроме определенных проблем и снижения уровня боеготовности, ровным счетом ничего. Предложение о замене 135 ПУ *Тополь* на ПУ БЖРК, даже эквивалентные по количеству боевых блоков, было нецелесообразно потому, что она не давала заметного прироста эффективности ответного удара, а по живучести и затратам предпочтительнее был ракетный комплекс *Тополь*.

Нельзя не согласиться с мнением Ю.П. Максимова о невозможности в то время переноса сроков принятия решения о дополнительном производстве ПУ *Тополь*, ибо оно могло вообще привести к тому, что дивизии нечем было бы перевооружать, а подвижная группировка РВСН начала бы рассыпаться, не имея возможности обеспечить необходимый потенциал ответного удара, что значительно подрывало бы обороноспособность страны.

По мнению автора, Совет обороны принял правильный и, пожалуй, единственный в то время вариант решения, который позволял, во-первых, провести в короткие сроки плановое перевооружение дивизий РСД на РК с МБР *РС-12М Тополь* и довести их общее количество к январю 1991 г. до 315 пусковых установок, а во-вторых, сохранял офицерские кадры и специалистов-ракетчиков, 85% которых нашли применение в частях и соединениях РВСН. Только около 4% офицеров было направлено в другие виды и рода войск, 10% офицеров уволены в запас, причем ни один офицер не был уволен без права на пенсию или на установленные льготы²⁷. В итоге существовавшая тогда группировка РВСН не только не ослабла, но и заметно повысила свои возможности за счет ввода в боевой состав новых подвижных железнодорожных и грунтовых ракетных комплексов.

В ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Вашингтоне в декабре 1987 г. стороны договорились об установлении предельных уровней в 4900 единиц на суммарное количество боеголовок МБР и БРПЛ в рамках совокупного уровня 6000 боезарядов. Были согласованы и подуровни для тяжелых ракет (1540 боеголовок на 154 тяжелых ракетах). Удалось согласовать и вопрос о необходимости выработки договоренности, которая обязывала бы как советскую, так и американскую стороны соблюдать Договор по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г.²⁸. Второй раз были сохранены незыблемыми положения этого Договора, которые будут выполняться еще в течение 15 лет.

На основе существовавшего ракетно-ядерного паритета, в результате настойчивых и целеустремленных усилий советской делегации, при согласии администрации США в Вашингтоне удалось добиться не только подписания Договора о ликвидации двух классов ракет – РСД и РМД, но и значительно продвинуться вперед в радикальном сокращении стратегических наступательных вооружений.

Таким образом, путь к достижению уровня достаточности в ракетно-ядерном балансе стратегических наступательных вооружений в направлении их сокращения был открыт.

Сложилась реальная ситуация для завершения подготовки к подписанию нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений.

На встрече президентов США и СССР в Москве 29 мая – 2 июня 1988 г. был подписан Протокол об обмене грамотами о ратификации Договора между СССР и США о ликвидации РСД и РМД, выработан совместный проект текста Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. В нем была отражена ранее достигнутая договоренность об установлении предельных уровней, не превышающих 1600

единиц для средств доставки и 6000 единиц для боезарядов, а также договоренность о предельных подуровнях в 4900 единиц для суммарного количества боеголовок МБР и БРПЛ и 1540 на 154 тяжелых ракетах²⁹.

В проекте Договора было зафиксировано согласие сторон о том, что в результате сокращения суммарный «забрасываемый вес» МБР и БРПЛ Советского Союза будет сокращен до уровня, составляющего примерно 50% от уровня 1988 г.

Кроме того, в ходе встречи было согласовано правило зачета вооружений бомбардировщиков, согласно которому тяжелые бомбардировщики, оснащенные только для ядерных бомб свободного падения и ударных РМД, стали засчитываться как одно средство доставки в предельный уровень в 1600 единиц и как один боезаряд в предельный уровень в 6000 единиц.

Одновременно было подписано Соглашение между СССР и США об уведомлениях о пусках МБР и БРПЛ, что явилось новым практическим шагом, отражающим стремление сторон уменьшить опасность возникновения ядерной войны, в частности в результате ошибочного истолкования, прорчета или случайности.

Однако за внешним благополучием решения проблемы ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений бросалась в глаза определенная противоречивость политики правящих кругов США, на что справедливо обратил внимание М.С. Горбачев в ходе пресс-конференции, состоявшейся во время визита Р. Рейгана в Москву 1 июня 1988 г.: «С одной стороны, у нас есть совместное заявление о том, что войны не должно быть, что она недопустима. Мы ведем деловой разговор о сокращении вооружений, о разоружении, говорим о предпочтительности политических решений проблем. А с другой стороны, постоянно слышим, слышали и в этот раз в Москве... о ставке на силу. Значит, сила, вооруженная сила, военная мощь провозглашаются как главный принцип политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза»³⁰.

Несмотря на определенные проблемы, периодически возникавшие в отношениях между США и СССР, московская встреча президентов двух великих держав еще раз подтвердила правильность выбора пути, сделанного в Женеве осенью 1985 г. и подкрепленного в последующем в Рейкьявике и Вашингтоне, в направлении сдерживания гонки вооружений, ограничения и ликвидации ракетно-ядерного и другого оружия массового уничтожения, укрепления геополитической стабильности в мире.

В процессе достижения этой цели заметно расширились контакты между СССР и США и по военной линии. В июле 1988 г. введен в действие план контактов между вооруженными силами СССР и США на 1988–1990 гг. Предусматривались взаимные визиты военных руководителей. Достигнута договоренность о работе советско-американской группы по предотвращению опасной военной деятельности вооруженных сил стран по отношению друг к другу.

Особо следует сказать о встречах министров обороны СССР и США. Только в 1988 г. состоялись две их встречи: в марте – в швейцарском городе Берне, а 30 и 31 мая – в Москве. При этом, наряду с рассмотрением чисто военных проблем, широко обсуждались вопросы возможного расширения контактов по военной линии в направлении дальнейшего снижения уровня оборонной опасности.

В целом комплекс основополагающих принципов подхода США к переговорам с СССР по стратегическим ядерным вооружениям оформился в некую концепцию, основы которой были сформулированы еще в первой половине 1985 г. и позднее были озвучены бывшим министром обороны США К. Уайнбергером: «Наши цели в сокращении вооружений заключаются в сохранении сдерживания в ближнесрочной перспективе и в открытии процесса перехода к более стабильному миру, в котором будут резко сокращены ядерные вооружения и увеличена возможность сдерживания ядерной войны, которая будет основываться на росте возможностей неядерной обороны, противостоящей ядерному оружию»³¹.

Осуществление этой политики, как считает ряд специалистов в этой области, базировалось на следующих принципах:

- сохранение в течение продолжительного периода политики сдерживания посредством ядерного устрашения, требующей продолжения качественного совершенствования потенциалов СНВ; продолжение работ по комплексу программ СОВИ и увеличение потенциальных возможностей будущей системы ПРО по мере ее поэтапного развертывания;
- существование в течение неопределенного периода параллельно как наступательных, так и оборонительных стратегических вооружений;
- постепенное понижение уровней стратегических ядерных вооружений по мере роста возможностей системы ПРО;
- декларируемая готовность к полной ликвидации в неопределенной перспективе ядерных вооружений³².

Зная концептуальные основы подхода США к переговорам по сокращению СНВ, политическое и военное руководство СССР вынуждено было осуществить ряд мероприятий по качественному совершенствованию ракетного вооружения, систем боевого управления, способов боевого применения, организационной структуры войск. Так, в интересах дальнейшего укрепления оборонной безопасности страны командование и Главный штаб РВСН прорабатывали несколько вариантов развития группировки МБР.

Первый вариант – к 2000 г. завершить модернизацию устаревших РК и иметь в составе РВСН 1398 пусковых установок, в том числе 308 ПУ *РС-20А*, 280 ПУ *РС-22*, 96 ПУ БЖРК и свыше 70 ПУ с мобильными ракетами *РС-12М*. Как видим, упор делался на увеличение доли подвижных ракетных комплексов. Номенклатура МБР, стоящих на вооружении РВСН, сокращалась с семи до трех типов, что значительно снижало затраты на их эксплуатацию и модернизацию.

Второй вариант предполагал к 2000 г. в боевом составе РВСН иметь не более 1000 ПУ МБР: 250 с разделяющимися головными частями (154 *РС-20*, 56 *РС-22* и 40 ПУ БЖРК) и свыше 700 моноблочных ракет, в том числе около 200 ПУ стационарного базирования. При сокращении группировки МБР на одну треть (с 1398 до 1000 ПУ) достигалась определенная сбалансированность боевых возможностей РВСН в ответно-встречном и ответном ударах. Она обеспечивалась за счет рационального соотношения стационарных (45%) и подвижных (55%) ракетных комплексов, МБР с разделяющейся (20%) и моноблочной (80%) головной частью³³.

Были и другие варианты дальнейшего развития группировки РВСН. Но практически реализовался в основном второй вариант.

Радикальные перемены в мире, происшедшие в конце 1980 – начале 1990-х гг., настоятельно потребовали значительного сокращения СНВ на взаимных началах при сохранении ракетно-ядерного паритета без ущерба для безопасности сторон. Начало этому процессу положил Договор СНВ-1, подписанный в Москве 31 июля 1991 г.

Договор был тщательно и всесторонне проработан. Помимо самого Договора, были согласованы Приложения, Протоколы и Меморандум о договоренности. Договор предполагалось заключить на 15 лет со сроком вступления в силу в день обмена ратификационными грамотами³⁴.

В отличие от Соглашения по ОСВ-1, подписанного в 1972 г. и установившего потолка для дальнейшего роста ядерных арсеналов, Договор СНВ-1 предусматривал весьма существенное сокращение уже имевшихся стратегических вооружений.

За точку отсчета в Договоре были взяты данные о стратегическом ядерном оружии, которыми стороны обменялись по состоянию на 1 сентября 1990 г. В то время у СССР имелось 2500 носителей и 10 271 числящийся за ними боезаряд, в США соответственно 2245 и 10 563. Детально (по компонентам) СЯС СССР и США представлены в табл. 4.

СССР и США предстояло осуществить к 1997 г. небывалое сокращение стратегических ядерных арсеналов примерно на 30–35%, количество носителей стратегического ядерного оружия, таким образом, уменьшалось с 2,2–2,5 тыс. до 1,6 тыс. В соответствии с Договором устанавливался общий суммарный потолок для учитываемых ядерных бое-

зарядов СССР и США на уровне 6 тыс. боеголовок, в том числе 4,9 тыс. на баллистических ракетах. Ввиду того что к середине 1991 г. по правилам зачета, фиксируемым в Договоре, на вооружении было у СССР 10 271 и у США 10 563 боеголовок, предусмотренные сокращения представлялись довольно существенными. Договор конкретизировал и сам процесс сокращения.

Согласно Договору СССР и США обязывались:

- ограничить суммарный «забрасываемый вес» развернутых МБР и БРПЛ величиной не более 3600 т;
- не создавать МБР и БРПЛ с количеством боевых блоков, превышающих 10 единиц;
- не создавать средств, включая ракеты, для вывода ядерного оружия или других средств массового поражения в космос и др.

Таблица 4

Стратегические силы России и США на момент подписания Договора СНВ-1 (по согласованным правилам зачета)

Системы	США		Россия		
	ПУ	БЗ	Системы	ПУ	БЗ
МБР:			МБР:		
<i>Минитмен-2</i>	450	450	<i>РС-10 (SS-11)</i>	326	326
<i>Минитмен-3</i>	500	1500	<i>РС-12 (SS-13)</i>	40	40
<i>МХ</i>	50	500	<i>РС-16 (SS-17)</i>	47	188
			<i>РС-20 (SS-18)</i>	308	3080
			<i>РС-18 (SS-19)</i>	300	1800
			<i>РС-22 (SS-24)</i>	89	890
			<i>РС-12М (SS-25)</i>	288	288
Итого МБР	1000	2450		1389	6612
БРПЛ:			БРПЛ:		
<i>С-3</i>	192	1920	<i>РСМ-25 (SS-H-6)</i>	192	192
<i>С-4</i>	384	3072	<i>РСМ-40 (SS-H-8)</i>	280	280
<i>Д-5</i>	96	768	<i>РСМ-45 (SS-H-17)</i>	12	12
			<i>РСМ-50 (SS-H-18)</i>	224	672
			<i>РСМ-52 (SS-H-20)</i>	120	1200
			<i>РСМ-54 (SS-H-23)</i>	112	448
Итого БРПЛ	672	5760		940	2804
МБР+БРПЛ	1672	8210		2338	9416
ТБ:		Реально	ТБ:		Реально
<i>Б-52</i>	290	(4640)290	<i>Ту-95</i>	63	(338)63
<i>Б-52 (КРВБ)</i>	189	(3024)1968	<i>Ту-95 (КРВБ)</i>	84	(672)672
<i>Б-1Б</i>	95	(1520)95	<i>Ту-160 (КРВБ)</i>	15	(210)120
Итого ТБ	574	(9184)3253		162	(1220)855
Всего	2245	(17 394)10 563		2500	(10 635)10 271

В Меморандуме к Договору приведены (многие годы считавшиеся в СССР совершенно секретными) полные данные о количестве различных носителей, их основные характеристики и места расположения. Устанавливались правила контроля за соблюдением Договора, проведения инспекций и непрерывного наблюдения за объектами СНВ. Предусматривалось, что через семь лет после его ратификации и в дальнейшем суммарное количество стратегических наступательных вооружений не должно превышать: 1600 единиц для МБР, БРПЛ и стратегических (тяжелых) бомбардировщиков, в том числе 154 единицы для тяжелых МБР; 6000 единиц для боезарядов на МБР, БРПЛ, тяжелых бомбардировщиках (ТБ), в том числе 4900 боезарядов на МБР шахтного базирования и БРПЛ, 1100 боезарядов на МБР мобильных ПУ (ограничения на количество мобильных ракет не устанавливались), 1540 боезарядов на тяжелых МБР³⁵.

Анализ статей Договора убедительно показывает, что большинство договорных обязательств не касались МБР США, они ограничивали только МБР, находящиеся в боевом составе РВСН, а именно число тяжелых ракет, количество боевых блоков мобильных ракет и правила размещения мобильных РК.

Особенно значительными были положения Договора, устанавливающие правила базирования мобильных МБР. Грунтовые ПУ с ракетами могли размещаться только в ограниченных (5х5 км для 10 ПУ) районах, а железнодорожные – только на станциях их базирования. Каждый ограниченный район должен находиться в пределах района развертывания (125 тыс. кв. км). Кроме того, были определены и правила перемещения мобильных ПУ в порядке обычных передвижений или оперативного рассредоточения. По глубокому моему и моих коллег убеждению, это была чрезмерная уступка американской стороне.

Во-первых, фактически резко повышалась возможность поражения наших пусковых установок по причине ограничения их перемещения, так как они практически становились стационарными и малозащищенными, что неизбежно снижало военную безопасность нашего государства.

Во-вторых, в Договоре очень мало содержалось ограничений для морского компонента СНВ – основной части СНВ США. Практически условными были ограничения и для авиационной составляющей СНВ. Договор позволял США, используя разницу между искусственными правилами зачета и техническими возможностями своих ТБ, не нарушая Соглашения, довести количество боезарядов до более чем 9 тыс. единиц, а Россия оставалась с 5000. Для РВСН значительной тяжестью были дополнительные ограничения, установленные для боеголовок на так называемых тяжелых ракетах (*РС-20*) и на мобильных ракетах наземного базирования (*РС-12М*). В ходе подготовки Договора США стремились запретить полностью тяжелые ракеты, которых к июлю 1991 г. стояло на вооружении РВСН 308, у США – 50. Благодаря колоссальным усилиям советской делегации Договор СНВ-1 оставлял у СССР 154 МБР *РС-20* с 10 боеголовками на борту.

В-третьих, в ракетных дивизиях с отдельными стартами в процессе сокращения СНВ предстояло ликвидировать около 600 шахтных ПУ, для чего потребовалось решить ряд дополнительных организационно-технических задач, выполнить большой объем сложных и ответственных работ по снятию ракет с боевого дежурства и ликвидации шахтных пусковых установок. При этом необходимо было обеспечить ядерную безопасность и строго соблюсти технологии, определенные Договором и Протоколом о процедурах переоборудования и ликвидации МБР.

Вместе с тем советская сторона на переговорах отстаивала право на существование мобильных ракет наземного базирования. В результате Договор СНВ-1 позволял СССР иметь 1100 боеголовок на мобильных ракетах. В РВСН к тому времени стояли два типа таких ракет – грунтово-мобильные (*РС-12М*) и железнодорожно-мобильные (*РС-22В*). У США подобных ракет на вооружении не было. Однако Договор накладывал определенные ограничения на порядок перемещения мобильных пусковых установок в позиционных районах, которые надлежало учитывать при проведении оперативных мероприятий и в повседневной деятельности войск.

Согласно Договору в ракетных дивизиях БЖРК количество железнодорожных комплексов, находящихся на маршрутах боевого патрулирования, не могло превышать 50% от их общего количества.

В соответствии с Договором Соединенным Штатам пришлось значительно ограничить свои планы развертывания нового поколения стратегической триады – МБР МХ (с 200 до 50) и *Midgetman* (решение об их развертывании было отложено до 1997 г.), БРПЛ D-5 (с 600 до 346), бомбардировщиков B-2 (с 132 до 75).

В целом Договор СНВ-1 способствовал укреплению стратегической стабильности. Он принес реальные плоды – уменьшение внешней опасности для нашей страны. После запланированных сокращений СССР сохранил возможность многократного нанесения любому агрессору неприемлемого ущерба в ответном ударе при любом варианте его ядерного нападения и тем самым обеспечивал военную безопасность страны.

Договор СНВ-1 закрепил новые тенденции в советско-американском диалоге по проблемам ограничения и сокращения ядерных вооружений, которые позволяли в будущем более эффективно решать задачи укрепления стратегической стабильности и международной безопасности на основе новых договорных соглашений.

К сожалению, выход США из Договора по ПРО 1972 г. похоронил перспективы с реализацией Договора СНВ-2 и заключением соглашения СНВ-3, которое предусматривало бы более глубокие, чем СНВ-2, сокращения стратегических ядерных сил как России, так и США.

Договор между Российской Федерацией и США 2002 г. о сокращении стратегических наступательных вооружений до уровня 1700–2200 ядерных боезарядов ознаменовал новый этап в укреплении стратегической стабильности.

Примечания

¹ Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества. М., 1998. С. 149.

² Там же.

³ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987. С. 324.

⁴ Советско-американская встреча на высшем уровне. Женева, 19–20 ноября 1985 г. М.: Политиздат, 1985. С. 59.

⁵ *Правда*. 1985, 6 ноября.

⁶ Горбачев М.С. Цит. соч. С. 324.

⁷ Ахромеев С. Ф. Обуздать гонку вооружений. *Правда*. 1985, 23 октября.

⁸ Таблица составлена на основании официальных источников: Горбачев М.С. Цит. соч. С. 325, 339; Соколов С.Л. Сохранить достигнутое в области ограничения стратегических вооружений. *Правда*. 1985, 23 октября; Откуда исходит угроза миру. 2-е изд. М., 1984. С. 8, 33; Откуда исходит угроза миру. 3-е изд. М.:1986. С. 8, 69, 70; Разоружение: кто против? М., Воениздат, 1983. С. 35, 42.

⁹ Всего РСД у СССР было 441 единица. *Правда*. 1985, 2 ноября.

¹⁰ Соколов В.К. Судьба Российского ВМФ. *Независимое Военное Обозрение*. 1997, 5 июля. С. 6.

¹¹ Показанные данные опубликованы в: Кузнецов Юрий. Морская составляющая стратегической триады. *Независимое Военное Обозрение*. 1998, 30 января. С. 6.

¹² *Правда*. 1986, 15 января.

¹³ При составлении таблицы использованы следующие источники: Ахромеев С.Ф. Цит. соч.; Откуда исходит угроза миру. 4-е изд.; Соколов С. Л. Цит. соч.

¹⁴ В том числе 243 ракеты РСД-10 (88-20).

¹⁵ Указанные данные опубликованы в *Правде* за 17 марта 1987 г.

¹⁶ *Красная Звезда*. 1987, 4 января.

- ¹⁷ Откуда исходит угроза миру. 4-е изд. С. 71.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Меморандум о договоренности об установлении исходных данных в связи с Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. *Правда*. 1987, 9 декабря.
- ²⁰ *Вестник МИД СССР*. 1987. № 10. С. 30–50.
- ²¹ Ракетные войска стратегического назначения: Военно-исторический труд. М.: РВСН, 1992. С. 160–161.
- ²² *Красная Звезда*. 1987, 13 декабря.
- ²³ Ракетные войска стратегического назначения: Военно-исторический очерк. С. 136–137.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Максимов Ю.П. Записки бывшего Главкома стратегических. М.: РВСН, 1994. С. 248.
- ²⁶ Там же. С. 249–284.
- ²⁷ Ракетные войска. Цит. соч. С. 163.
- ²⁸ *Правда*. 1987, 12 декабря.
- ²⁹ *Правда*. 1988, 3 июня.
- ³⁰ *Правда*. 1988, 2 июня.
- ³¹ Лебедев Ю.В., Подберезкин А.И. Военно-исторический паритет: две позиции. М.: Воениздат, 1990.
- ³² Там же. С. 78.
- ³³ Максимов Ю.П. Цит. соч. С. 249–250.
- ³⁴ *Правда*. 1991, 1 июня.
- ³⁵ Меморандум к Договору. *Правда*. 1991, 1 июля.

В октябре 2003 г. исполнилось тридцать лет с того момента, когда первые военнослужащие (тогда еще СССР) были направлены на Ближний Восток для действий в качестве военных наблюдателей в составе Органа ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП). Этому событию предшествовало резкое обострение регионального кризиса, одним из средств смягчения которого было избрано учреждение Чрезвычайных вооруженных сил ООН (ЧВС-2), а также усиление ОНВУП за счет включения в него равного числа военнослужащих СССР и США, по 36 человек от каждой стороны.

Остались свидетельства быстротечности событий, связанных с участием советских военнослужащих в этой международной операции – с одной стороны, и пристального «высочайшего» внимания к ней – с другой. 22 октября 1973 г. Совет Безопасности ООН принял решение направить в район боев группы наблюдателей, 25 октября Совет постановил усилить группы наблюдателей, а 26 октября, выступая на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве, Л.И. Брежнев объявил, что советские представители уже направлены на Ближний Восток. Примечательно, что советский руководитель упомянул лишь о той части решения Совета Безопасности, где шла речь о создании Чрезвычайных вооруженных сил. Что же касается военных наблюдателей, то, по его словам, они направлялись в район военных действий по просьбе президента Египта А. Садата², что было правдой, но лишь отчасти.

Старшим группы советских офицеров был назначен ни много ни мало заместитель командира Кантемировской дивизии. О спешке, в которой формировалась и отправлялась группа, говорит хотя бы тот факт, что в комплект обмундирования, которым снабдили командиромых в ближневосточную пустыню, включили теплую шерстяную одежду³, в том числе зимнюю, а всем офицерам выдали табельные пистолеты, которые, когда выяснилось, что военным наблюдателям ООН не положено носить оружие, пришлось сдать в Посольство СССР в Египте⁴.

При этом переговоры о формировании Сил ООН и включении в ОНВУП офицеров из СССР и США завершились в Совете Безопасности лишь 2 ноября⁵, а формально в состав Органа ООН советские представители были приняты двумя партиями – 25 и 30 ноября 1973 г.⁶ Последнему обстоятельству тоже есть объяснение. Несмотря на то, что ОНВУП должна была быть усилена 36 советскими офицерами, первоначально в Египет их прибыло 72, из которых 12 были офицерами-переводчиками, а остальные – главным образом строевыми командирами, не владеющими английским языком и, следовательно, не готовыми к работе в интернациональном коллективе. Пришлось оставить на месте стар-

шего группы и всех переводчиков, а остальных отправить назад и срочно подыскивать более подходящих кандидатов⁷.

Для данного исследования интерес представляет прежде всего удивительная скорость, с которой было принято решение направить советских военнослужащих для действий в составе международного контингента, сформированного и действующего под эгидой ООН, отсутствие в открытом доступе свидетельств о порядке, в котором такое решение принималось, при наличии несомненного доказательства такого решения, выразившегося в официальном заявлении руководителя государства. Мы проследим возникновение и эволюцию законодательного регулирования процедур принятия решений о направлении национальных воинских контингентов или отдельных военнослужащих для участия в совместных операциях под эгидой международных организаций – сначала в СССР, а теперь и в России. Будет рассмотрен действующий порядок и опыт его применения, а также приведены подробности одного малоизвестного решения Конституционного суда Российской Федерации, имеющего самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме.

ИСТОРИЯ

Полномочие властей распоряжаться своим вооруженным инструментом, т. е. армией, в том виде, как оно было сформулировано в советских конституциях 1918, 1924, 1936 гг. и первой версии Конституции 1977 г., не предполагало ее участия в военных операциях, кроме ситуации военного нападения на СССР или необходимости «выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии», как говорилось в двух последних конституциях⁸. В этой ситуации Президиум Верховного Совета СССР был уполномочен объявлять состояние войны. Прерогативы исполнительной власти – Совета Министров – формально сводились к осуществлению общего руководства строительством Вооруженных Сил СССР и определению ежегодных призывных контингентов⁹.

В действительности же чем-то отдаленно напоминающей конституционную основу для принятия важных государственных решений была статья 6 Конституции СССР 1977 г., в соответствии с которой «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» являлась Коммунистическая партия, которая наделялась полномочием «определять линию» внутренней и внешней политики¹⁰. За этой формулировкой скрывались различные обыкновения бюрократической практики, не имевшие нормативно-правового обоснования.

Есть основания полагать, что в случае с направлением первой и последующих групп советских военнослужащих в состав ОНВУП применялась приблизительно следующая процедура. Министерство иностранных дел совместно с Министерством обороны направляло записку в Политбюро ЦК КПСС (жанр этого документа именовался именно «запиской» или же «запиской в инстанцию»), в которой обосновывалась целесообразность участия представителей СССР в международной операции. К записке прилагался проект решения Политбюро ЦК КПСС, которым, среди прочего, через Совет Министров давались поручения Министерству финансов о выплате и сохранении различных видов довольствия командируемым офицерам, Министерству гражданской авиации – об обеспечении авиабилетами, да и самим МИДу и Минобороны – о командировании, оформлении проездных документов, бронировании жилой площади и т. д.

На основании решения Политбюро принималось постановление Совета Министров, и затем необходимые акты издавались задействованными министерствами и ведомствами.

Впрочем, едва ли за пару дней в октябре 1973 г. даже такой отлаженный механизм имел возможность полностью провернуться. Скорее всего, какие-то согласования и решения принимались уже после того, как первые советские офицеры оказались на Ближнем Востоке.

Что же касается подотчетности принимавших подобные решения органов, можно говорить лишь об ответственности Совета Министров перед «всесильной инстанцией», но не перед представительным органом или общественностью.

Коренная конституционная реформа, задуманная и начавшая было осуществляться в СССР в период с 1985 по 1991 г., затронула и данную сферу правового регулирования. Образование общенационального представительного органа власти – Съезда народных депутатов, учреждение поста Президента СССР привело к перераспределению полномочий между ветвями власти. Формально такое перераспределение было осуществлено единственным, но необычайно широким по охвату актом – Законом «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» от 14 марта 1990 г.¹¹.

Для данного исследования важно следующее. Во-первых, законом вносились существенные изменения в статью 6 Конституции СССР, лишавшие КПСС привилегированного положения «руководящей и направляющей силы» и, надо полагать, прекращавшие действие упоминавшихся обыкновений бюрократической практики. Во-вторых, среди полномочий Верховного Совета теперь появилось принятие решений «об использовании контингентов Вооруженных Сил СССР при необходимости выполнения международных договорных обязательств по поддержанию мира и безопасности» (пункт 14 статьи 113). В-третьих, при том, что президент становился Верховным главнокомандующим, не он, а представительный орган принимал на себя полномочия по принятию окончательного решения о направлении Вооруженных сил за границу в ситуациях, не связанных с защитой Отечества от вооруженного нападения.

Пункт 14 статьи 113 содержал понятие «международные договорные обязательства», что могло быть истолковано как разрешение использования Вооруженных сил лишь в ситуациях, допускаемых специальным международным договором. Впрочем, более разумным было бы широкое толкование, допускающее применение данного конституционного положения в случаях принятия Советом Безопасности ООН решения, имеющего обязательный характер. В конце концов, принимая резолюцию, санкционирующую международную операцию с использованием воинских контингентов, Совет Безопасности осуществляет свои полномочия по Уставу ООН, а Устав является не чем иным, как международным договором.

Не в последнюю очередь указанные изменения были обусловлены тяжким опытом афганской войны, решение о вмешательстве в которую принималось все той же «инстанцией» не только втайне от представительных органов власти и от избирателей, но и без мысли о том, что за него придется перед кем-либо отчитываться. Парламентские расследования и оценки этого решения, данные законодателями в 1989 г.¹², в конечном счете привели к включению в Конституцию новых формулировок, закрепляющих решающую роль Верховного Совета в принятии решений об использовании Вооруженных Сил СССР, будь то при обороне от вооруженного нападения извне, выполнении международных обязательств о коллективной обороне или совместных операциях под международной эгидой.

Однако до прекращения существования СССР конституционные новшества так и не удалось опробовать на практике. Но, как это ни удивительно, именно данные процедуры пришлось заимствовать России как самостоятельному государству в то время, когда у нее самой еще не было применимых конституционных или законодательных положений в этой области.

Конституция РСФСР 1978 г., которая к моменту распада СССР была настолько изменена поправками и дополнениями, что мало напоминала первоначальный вариант документа, не содержала ничего подобного пункту 14 статьи 113 союзной Конституции. Столкнуться же с ситуацией, когда нужно было принимать решение о направлении воинского контингента для участия в международной операции, российской власти пришлось еще до того, как были приняты необходимые нормативно-правовые акты.

6 марта 1992 г. Верховный суд Российской Федерации принял Постановление «Об участии воинского контингента в операциях ООН по поддержанию мира в Югославии»¹³.

Парламент действовал в ответ на обращение президента и в качестве правовых оснований ссылался также на обязательства России по Уставу ООН и на резолюцию Совета Безопасности ООН¹⁴, а также на просьбу Генерального секретаря ООН о выделении в состав этих сил российского батальона. В постановлении было дано согласие на выделение контингента численностью до 900 человек; в нем же содержалось поручение правительству «решить вопросы», связанные с направлением батальона в район проведения операции ООН. Можно лишь предположить, что под «вопросами» понималось снабжение военнослужащих всем необходимым, включая финансовое обеспечение как их самих, так и лиц, находившихся на их иждивении.

Итак, российская власть отчасти импровизировала, вырабатывая процедуры, которые еще только предстояло воплотить в норму права, однако эта импровизация имела основу в виде законодательства уже несуществующего государства. В дальнейшем в России был принят Закон «Об обороне» от 24 сентября 1992 г.¹⁵, в котором, по существу, воспроизводилась формулировка пункта 14 статьи 113 Конституции СССР, с той разницей, что в российском законе речь шла об использовании российских воинских контингентов во исполнение международных обязательств вообще, а не только в области поддержания мира и безопасности (статья 4).

Впрочем, и этот, уже российский, закон ни разу не применялся в части, касающейся направления российских военнослужащих за границу. Так, по каким-то причинам Верховный Совет, давая 27 апреля 1993 г. согласие на выделение воинского контингента для участия в коллективных силах по поддержанию мира в Таджикистане в ответ на просьбу президента, не ссылался на Закон «Об обороне»¹⁶. Позднее кризис власти, достигший высшей точки к сентябрю 1993 г., привел к прекращению деятельности парламента в его прежней форме и с прежними полномочиями.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ НОРМЫ

1. Конституция Российской Федерации 1993 г.

Даже беглого взгляда на действующую российскую Конституцию достаточно, чтобы увидеть смещение баланса полномочий в области внешней политики и обороны в пользу президента. Последний является главой государства (часть 1 статьи 80) и Верховным главнокомандующим Вооруженными силами Российской Федерации (часть 1 статьи 87). Он не только определяет основные направления российской внешней политики (часть 3 статьи 80), но и осуществляет руководство ею (пункт «а» статьи 86). Президент представляет страну в международных отношениях (часть 4 статьи 80), ведет переговоры и подписывает международные договоры (пункт «б» статьи 86), а также подписывает ратификационные грамоты (пункт «г» статьи 86) – документы, свидетельствующие об обязательстве соблюдать международные договоры. Он назначает и отзывает дипломатических представителей в международных организациях, при этом участие представительного органа власти сводится к «консультациям» (пункт «м» статьи 83).

Как Верховный главнокомандующий президент вводит военное положение, как сказано в части 2 статьи 87 Конституции, в случае «агрессии или непосредственной угрозы агрессии»¹⁷. К числу прочих военных полномочий президента относятся утверждение военной доктрины (пункт «з» статьи 83), назначение и освобождение высшего командования (пункт «л» той же статьи), причем, в отличие от прерогативы назначения и освобождения послов, в случае с высшими военачальниками президенту не нужно даже консультироваться с парламентариями. Президент также формирует и возглавляет Совет безопасности РФ.

Главенствующее положение президента в решении вопросов внешней политики и обороны еще более усиливается прямым подчинением ему Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки и ряда других министерств и ведомств, которые на политическом «новоязе» принято именовать «силовыми». Правительству оставлены лишь координирующие

функции. Впервые такая система подчинения была предусмотрена Указом Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» от 10 января 1994 г.¹⁸. Впоследствии ее закрепил Закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 г. (статья 34)¹⁹, конкретный же перечень таких министерств и ведомств приведен в Указе Президента РФ № 867 от 17 мая 2000 г.²⁰, с последующими изменениями и дополнениями.

Прерогативы Федерального собрания несравненно скромнее. Главным является полномочие принимать закон о бюджете, который так же, как и законы о ратификации и денонсации международных договоров и законы по вопросам «войны и мира», после принятия Государственной думой подлежит обязательному рассмотрению Советом Федерации (статья 106 Конституции Российской Федерации).

Наибольший интерес с точки зрения данного исследования представляет пункт «г» части 1 статьи 102 Конституции, которым к ведению Совета Федерации отнесено «решение вопроса о возможности использования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». До настоящего времени сфера применения данного конституционного положения сводилась к направлению российских воинских контингентов для участия в международных операциях либо продлению сроков или изменению условий такого участия. Отсутствие иного опыта приводит некоторых исследователей к мнению о том, что вопрос о применении пункта «г» части 1 статьи 102 «может возникнуть в связи с отражением агрессии против Российской Федерации, в связи с выполнением международных договорных обязательств, в частности в связи с выполнением миротворческих задач»²¹. Другие исследователи пишут о том, что «участие Вооруженных сил Российской Федерации (в рамках рассматриваемого конституционного положения. – Б. Т.) в проведении военных, миротворческих и иных акций за границей допустимо в том случае, если это соответствует Конституции Российской Федерации, международным договорам Российской Федерации и федеральным законам»²².

По нашему мнению, пункт «г» части 1 статьи 102 Конституции едва ли применим в ситуации вооруженного нападения на Российскую Федерацию. В случае, если произойдет такое нападение, президенту придется исполнять свои обязанности как Верховного главнокомандующего и отдать войскам приказ о ведении военных действий. Времени на то, чтобы обращаться в Совет Федерации, может быть крайне мало, да и отражение вооруженного нападения не обязательно сопряжено с использованием войск за пределами государственной территории. На такой случай Конституцией и законодательством предусмотрено введение военного положения, при этом Совет Федерации будет исполнять прерогативы, предусмотренные иным положением Конституции – частью 2 статьи 87 и Федеральным конституционным законом «О военном положении».

Что касается пункта «г» части 1 статьи 102, то его особенностью является то, что Совет Федерации может принять решение не только о возможности использования Вооруженных сил за границей, но и об отсутствии такой возможности. В Регламенте Совета Федерации прямо записано: «Если за решение о возможности использования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации не проголосовало необходимое число членов Совета Федерации, Вооруженные силы Российской Федерации не могут использоваться за пределами территории Российской Федерации, что оформляется постановлением Совета Федерации» (пункт 7 статьи 162)²³. Даже указ президента о введении военного положения, подлежащий утверждению Советом Федерации, теоретически не обязательно будет утвержден – такая, пусть и отдаленная в реальной жизни, возможность предусмотрена Федеральным конституционным законом «О военном положении» (части 6 и 7 статьи 4)²⁴. В то же время приказ Верховного главнокомандующего о ведении военных действий отдается президентом единолично (пункт 4 части 2 статьи 4 Закона «Об обороне»)²⁵.

Важный вопрос, ответ на который не может быть получен путем буквального толкования Конституции, заключается в уяснении смысла понятия «использование Вооруженных сил». Во-первых, специальный акт – Закон «Об обороне» – в отношении Вооруженных сил как организации оперирует термином «применение» с единственным исключени-

ем – в пункте 4 части 1 статьи 5, где дословно воспроизводит пункт «г» части 1 статьи 102 Конституции. Во-вторых, будет ли считаться «использованием Вооруженных сил», как это понятие употреблено в Конституции, дальний поход соединения ВМФ, предположим, в район Персидского залива или полеты самолетов дальней бомбардировочной авиации за пределы российского воздушного пространства? Если на этот вопрос дать утвердительный ответ, получится, что в каждом случае такого «использования» потребуются совместный акт президента и Совета Федерации, что едва ли целесообразно, да и никогда не случалось на практике.

Таким образом, изучение указанного положения Конституции в сочетании с федеральным законодательством и опытом его применения показывает, что к настоящему времени сфера регулирования пункта «г» части 1 статьи 102 остается достаточно узкой и сводится к случаям участия контингентов российских Вооруженных сил в международных операциях. Дальнейшее уяснение содержания упоминавшегося выше пункта «г» зависит от возможного расширения сферы его регулирования. Оно может быть также достигнуто путем толкования данного положения, а толкование Конституции является исключительным полномочием Конституционного суда Российской Федерации и раз данное – становится официальным и обязательным для всех органов власти, должностных лиц и граждан²⁶.

2. Решение Конституционного суда

15 июня 1995 г. Совет Федерации принял Постановление²⁷ о направлении в Конституционный суд запроса о толковании пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции²⁸. Как и всякое обращение, запрос должен был содержать изложение правовой позиции самого заявителя по поставленному им вопросу. Из этого изложения следовало, что Совет Федерации, во-первых, придерживается весьма узкого взгляда на возможные сценарии правомерного применения военной силы и, во-вторых, что палата склонна ограничить свое участие в принятии решения об использовании Вооруженных сил. Правовые основания для использования Вооруженных сил в рамках пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции были сведены к ситуациям, урегулированным международными договорами. Более того, Совет Федерации не считал целесообразным свое участие в процессе принятия решения в тех случаях, когда имелся ратифицированный договор. По его мнению, самим фактом положительного голосования при принятии закона о ратификации международного договора Совет Федерации наделял президента не ограниченными по времени полномочиями.

Специфические примеры использования Вооруженных сил, такие как традиционные операции по поддержанию мира или принудительные меры с использованием военной силы, предусмотренные Главой VII Устава ООН, а в некоторых случаях – и некоторыми региональными соглашениями, даже не упоминались в обращении. Не рассматривались в нем и случаи индивидуальной или коллективной самообороны, предусмотренные статьей 51 Устава ООН, которые могут основываться лишь на общей норме Устава даже в отсутствие специального договора.

Может сложиться впечатление, что, принимая свое обращение, Совет Федерации не был осведомлен о том, что Государственная дума на тот момент уже завершала работу по принятию Закона «О международных договорах Российской Федерации» (он был принят на следующий день – 16 июня 1995 г.). И уж вовсе необъяснимо то, что на том же заседании, на котором Совет решил направить запрос в Конституционный суд, он согласился с предложением одного из членов Совета рассмотреть по существу принятый тремя неделями ранее Государственной думой Закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»²⁹ (далее – Закон «О порядке предоставления персонала»). Оба эти закона давали ответы на ряд существенных вопросов, поставленных в обращении Совета Федерации.

И все же авторы запроса попытались сформулировать достаточно широкие вопросы, касающиеся содержания и применения пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции, не сво-

дя их исключительно к таким аспектам, как, например, проведение совместных операций под международной эгидой. Последнее сделал Конституционный суд, который свел варианты использования Вооруженных сил за пределами территории Российской Федерации к сфере регулирования упомянутого выше Закона «О порядке предоставления персонала» (подробнее Закон будет рассмотрен ниже).

Запрос вызвал достаточно оживленную дискуссию среди судей³⁰. Некоторые из них полагали, что он не заслуживает обсуждения по существу, поскольку поставленные в нем вопросы уже были урегулированы законодательством. Их оппоненты считали такой подход недопустимым, поскольку он низводил Конституцию до уровня ординарного законодательного акта. Один из судей отметил, что запрос заслуживает внимательного отношения еще и потому, что, «к сожалению, Конституция недостаточно четко разграничивает компетенцию главы государства и органов законодательной власти в сфере внешней политики»³¹. Наконец, другие участники дискуссии утверждали, что Конституционному суду вообще не пристало отказывать в просьбе о толковании Конституции, поскольку такая прерогатива не принадлежит никакому иному органу государственной власти, тем более если заявителем является одна из палат Федерального собрания.

В конечном итоге Конституционный суд большинством в одиннадцать против пяти голосов решил не рассматривать запрос по существу. В своем отказном определении от 4 декабря 1995 г.³² Суд заявил, что «поставленные заявителем вопросы в принципе решены» в Законе «О порядке предоставления персонала». Суд пришел к заключению, что рассмотрение запроса по существу означало бы проверку конституционности указанного закона «в ненадлежащей процедуре, в то время как конституционность этого закона ни по форме, ни по содержанию заявителем не оспаривается».

По сути дела Конституционный суд сконцентрировал свое внимание на недостатках запроса Совета Федерации, отказав на этом основании заявителю. Впрочем, при всей важности доводов о том, что Конституционному суду не следует отказываться от толкования Конституции, особенно в случае, когда его просят разъяснить смысл важнейшего полномочия органа государственной власти, о котором в тексте Конституции и законах сказано крайне мало, следует учитывать следующее. К моменту поступления запроса Конституционный суд полноценно работал всего четыре месяца – после того как в октябре 1993 г. указом президента его деятельность по рассмотрению дел была приостановлена. В том же 1995 г. Конституционный суд вынес постановление по так называемому «чеченскому делу», оценив конституционность ряда актов президента и правительства, послуживших правовым основанием для применения военной силы в Чечне. Критики этих актов – а Совет Федерации был одним из заявителей – сочли, что суд занял сторону президента, оправдав ширококомасштабную военную акцию с целью подавления мятежа.

В запросе Совета Федерации о толковании пункта «Г» части 1 статьи 102 явно прослеживалось стремление возложить основную тяжесть ответственности за принятие решения об использовании Вооруженных сил на президента. Если бы Конституционный суд занялся рассмотрением запроса по существу, ему скорее всего пришлось бы занять позицию, которую можно было объявить выгодной либо президенту, либо Совету Федерации. Учитывая политическую остроту поставленного вопроса, Суд мог быть вновь втянут в конфронтацию между ветвями власти. Так что, отказывая заявителю, Конституционный суд, возможно, исходил из «соображений собственной безопасности», попутно выработывая принципы собственного невмешательства в политические процессы.

3. Законодательство

Выше уже приводились примеры «импровизации», когда, в отсутствие специального акта, определяющего порядок взаимодействия ветвей власти при принятии решения о направлении воинских формирований за границу, президент и парламент находили некий *modus operandi*, позволявший осуществить необходимые действия. Уже после принятия Конституции 1993 г., но еще до вступления в силу специального законодательного акта, президент и Совет Федерации неоднократно осуществляли свои конституционные пол-

номочия, первый – как Верховный главнокомандующий, второй – как орган, наделенный прерогативой решения вопроса о возможности использования Вооруженных сил за границей. Правда, исследователь, пытающийся восстановить ход событий по документам, иной раз оказывается в недоумении.

Например, 25 февраля 1994 г. Совет Федерации принял Постановление «О выделении дополнительного воинского контингента в состав Сил ООН по охране»³³, откликнувшись на соответствующее обращение президента. Однако следов указа, который должен был последовать за актом Совета Федерации, нам обнаружить не удалось. Проходил ли указ под грифом «секретно» или же он не был издан вовсе?

31 мая 1994 г. Совет Федерации рассматривал поступивший от президента документ, именованный «Письмом о поддержке миротворческих усилий России в решении проблем грузино-абхазского конфликта». Заключительная часть дискуссии проходила на закрытом заседании и, ввиду отсутствия следов постановления в доступных источниках, по всей видимости, завершилась без его принятия. Судя по стенограмме первой части заседания, члены палаты не сочли форму документа соответствующей жанру «обращения», высказали претензии к его содержанию, а также не нашли достаточных правовых оснований для принятия решения об использовании Вооруженных сил России в зоне конфликта³⁴. Это не остановило президента, подписавшего 9 июня того же года Указ «Об участии Российской Федерации в операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта», в котором само такое участие обуславливалось еще не состоявшимся принятием решения Советом Федерации во исполнение его полномочий в соответствии с пунктом «Г» части 1 статьи 102 Конституции³⁵. Иными словами, приняв указ в отсутствие постановления Совета Федерации, президент задержал введение в действие той его части, которая требовала решения палаты³⁶.

Однако с точки зрения конституционной процедуры данная ситуация примечательна еще вот почему. Президент предписал внести собственный указ «на рассмотрение Совета Федерации Федерального собрания». «Рассмотрение» в конституционно-правовом смысле есть вполне определенное действие. Законодательный орган рассматривает законопроект, в результате чего он становится законом, если только не будет отклонен. В соответствии с Конституцией утверждению, а значит и рассмотрению, в Совете Федерации подлежат лишь два вида президентских указов – о введении военного положения и о введении чрезвычайного положения (пункты «б» и «в» части 1 статьи 102). Исключительные обстоятельства, требующие принятия таких указов, обуславливают необходимость утверждения акта властной воли президента (единоличного органа государственной власти) Советом Федерации (коллективным органом, представляющим все субъекты Федерации). Так что юридическое объяснение и обоснование такой записи в указе об участии российских военных в операции в Абхазии найти трудно.

Вот еще один пример. 4 мая 1995 г. Совет Федерации, рассмотрев обращение президента, принял Постановление «О направлении российского воинского контингента в распоряжение Контрольной миссии ООН в Анголе»³⁷. Однако решение о направлении этого контингента было оформлено не указом президента, а Постановлением Правительства № 577 от 10 июня 1995 г., принятым в соответствии с постановлением Совета Федерации. Получается, что правительство узурпировало полномочия президента как Верховного главнокомандующего. Даже если допустить, что указ президента существовал, но был издан под грифом «секретно», постановление правительства дублировало его, поскольку содержало предписания, более подходящие указу.

Возможно, приведенные примеры непоследовательности при принятии актов, предусматривающих согласованные действия различных ветвей власти, можно оправдать отсутствием законодательного закрепления процедуры, которая вскоре появилась.

Специальным актом, регулирующим участие российских военнослужащих в операциях под международной эгидой, стал уже упоминавшийся Федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» 1995 г.³⁸.

Судьба этого закона складывалась непросто. Первоначально он был задуман как Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О порядке участия военного и гражданского персонала в операциях ООН, СБСЕ и СНГ по поддержанию мира», проект которого был подготовлен Президиумом Верховного Совета в октябре 1992 г.³⁹. В дальнейшем к названию проекта постановления добавилась примечательная фраза: «и предоставления военных контингентов в распоряжение Совета Безопасности в соответствии со статьей 43 Устава ООН». Во всяком случае, это документально подтверждено в Распоряжении Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г., которым он назначил своего официального представителя при рассмотрении этого проекта Верховным Советом⁴⁰. Предположительно, законодатели задумали предусмотреть в проекте возможность, пусть и весьма отдаленную, оживления никогда не применявшегося положения Устава⁴¹. Вскоре проект постановления уже сменился проектом Закона «О порядке предоставления военного и гражданского персонала Российской Федерации для участия в операциях ООН по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»⁴², который появился из недр Президиума Верховного Совета в конце июня 1993 г.

Сменившее прежний парламент новое Федеральное собрание довольно скоро вернулось к законопроекту, правда, в очередной раз подкорректировав его название. Уже на третьем месяце с момента своего созыва, 16 марта 1994 г., Государственная дума в первом чтении приняла проект Федерального закона «О порядке предоставления военного и гражданского персонала Российской Федерации для участия в операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности и других видах миротворческой деятельности»⁴³. Думе понадобился год, чтобы принять закон в третьем чтении⁴⁴, перед этим, при принятии во втором чтении, опять изменив его название. Теперь оно звучало так: «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности по поддержанию международного мира и безопасности»⁴⁵. Закон был передан в Совет Федерации, но им не рассматривался, а потому после истечения положенного четырнадцатидневного срока был передан на подпись президенту, но был отклонен с существенными редакционными изменениями. Дума согласилась с президентской редакцией, и в итоге закон был принят 26 мая 1995 г. Далее он был вновь направлен в Совет Федерации, который, несмотря на собственное же решение рассмотреть его по существу⁴⁶, так к нему и не возвратился.

Во всей истории с этим законом особый интерес представляет эволюция воззрений законодателя на разделение полномочий ветвей власти, включая так называемые «подветви» – палаты Федерального собрания, в том, что касается принятия решения об использовании Вооруженных сил за пределами российской территории. Первоначально концепция закона, по замыслу его разработчиков, строилась на том, что «окончательное решение о направлении воинских формирований для выполнения миротворческих функций в соответствии с Конституцией остается за Советом Федерации»⁴⁷. Однако уже ко второму чтению те же самые лица исходили из того, что «Совет Федерации принимает решение только о возможности использования Вооруженных сил в миротворческой деятельности, а непосредственное их направление осуществляется Президентом как Верховным Главнокомандующим»⁴⁸.

Некоторые законодатели сетовали на то, что закон оставляет Думе «очень мало рычагов воздействия и контроля за использованием Вооруженных сил за границей»⁴⁹. В ходе первого чтения выяснилось, что Комитет по международным делам Государственной думы предлагал Комитету по обороне – главному разработчику закона – внести поправку, в соответствии с которой «Государственная дума может давать Совету Федерации рекомендации по вопросу об использовании Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. В случаях, предусмотренных Законом, Президент Российской Федерации одновременно с представлением Совету Федерации информирует также и Государственную думу о предполагаемом использовании Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Совет Федерации принимает решение об использовании Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и об их отзы-

ве с учетом рекомендаций Государственной думы»⁵⁰. По мнению сторонников поправки, она «не нарушает Конституцию, но дополняет ее и усиливает инструмент гражданского контроля над процессом принятия решения о миротворческой деятельности»⁵¹. Однако эта поправка не была внесена в проект закона.

Не нашли поддержки ни предложение одного из членов Совета Федерации о направлении отдельных военнослужащих не единоличным решением президента, а с участием Совета Федерации, ни инициатива правительства об отправке отдельных военнослужащих на основании его, правительства, решения.

В окончательном виде Закон «О порядке предоставления персонала»⁵² можно отнести к актам «малых форм». По своему объему он уступает, к примеру, Закону «О племенном животноводстве» или так и не вступившему в силу Закону «О пчеловодстве». В нем всего восемнадцать статей: глава I (статьи 1–5) содержит общие положения и определения; глава II (статьи 6–9) устанавливает процедуры предоставления военного и гражданского персонала для участия в операциях, не связанных с принуждением; глава III (статьи 10–12) определяет порядок принятия решения об участии в принудительных действиях с использованием Вооруженных сил; глава IV (статьи 13–15) определяет общие условия организации подготовки и обеспечения предоставляемого Россией военного и гражданского персонала; наконец, глава V (статьи 16–18) содержит заключительные положения, в том числе обязывающие правительство ежегодно представлять в обе палаты Федерального собрания доклад об участии Российской Федерации в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности.

Поскольку закон регулирует порядок направления персонала для участия в операциях, выходящих за пределы дипломатических методов, но еще не имеющих характер принудительных мер с применением вооруженных сил, можно сказать, что он дает правовое обоснование операциям по поддержанию мира, которые не предусмотрены в Уставе ООН, а являются плодом его достаточно либерального толкования.

В той части закона, которая касается принудительных действий, он отличается некоторой недосказанностью. Он упоминает «международные принудительные действия с использованием вооруженных сил, осуществляемые по решению Совета Безопасности ООН», однако умалчивает, применяется ли он к аналогичным действиям на региональном уровне в рамках части 1 статьи 53 Устава ООН. Это актуальный вопрос для СНГ, в рамках которого действуют собственные документы о порядке осуществления региональных принудительных мер.

Некоторые из положений закона вызывают сомнения с точки зрения Конституции Российской Федерации и положений Устава ООН, принимая во внимание предусмотренный частью 4 статьи 15 Конституции механизм упрощенной трансформации норм международного права в национальную правовую систему⁵³. Закон может вступить в конфликт с некоторыми важными, хотя и «дремлющими» положениями Устава ООН.

Например, если когда-нибудь вступит в действие статья 43 Устава и между членами ООН и Советом Безопасности будут заключены соглашения о предоставлении вооруженных сил, соответствующие воинские контингенты должны будут предоставляться Совету Безопасности по его требованию. Несмотря на это положение Устава, российский закон устанавливает общее правило, в соответствии с которым Россия «самостоятельно с учетом ее обязательств по Уставу ООН и другим международным договорам определяет в каждом случае целесообразность своего участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» (статья 5). Иными словами, обязательства по международному праву лишь учитываются при выработке окончательного решения. Таким образом, возможна, хотя и теоретически, ситуация, когда России придется выбирать между применением национального закона вопреки ее международным обязательствам и, напротив, подчинением норме Устава ООН, что не соответствует национальному закону. Конституция Российской Федерации в части 4 статьи 15 допускает только второй вариант. Напрашивается вывод о том, что российский законодатель, возможно невольно и безотчетно, допустил оговорку к Уставу ООН, сделав это не только с полувекowym опозданием, но и с нарушением норм Венской кон-

венции о праве международных договоров 1969 г., статья 19 которой допускает формулирование оговорок только «при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему». Если и делать такую оговорку, то это было бы уместно и правомерно при ратификации Устава ООН.

Примечательно, что в 1945 г., когда Сенат Конгресса США рассматривал Устав ООН в порядке ратификации, некоторые сенаторы пытались добиться принятия оговорки к статье 43, которая позволяла бы конгрессу одобрять или запрещать использование американских воинских контингентов в каждом конкретном случае. Большинство же сенаторов полагали, что в самом Уставе заложены гарантии «ненанесения ущерба» национальным интересам. Во-первых, соглашение в любом случае подлежало бы ратификации, о чем прямо сказано в части 3 статьи 43. Во-вторых, США как постоянный член Совета Безопасности могли бы заблокировать решение Совета о применении такого соглашения в конкретной ситуации⁵⁴.

Все же, несмотря на отмеченные недостатки, Закон «О порядке предоставления персонала» восполняет пробел в законодательстве по вопросам внешней политики и обороны. Предусмотренные им процедуры применялись уже неоднократно, о чем речь впереди.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

Обзор и анализ практики применения процедур, в общей форме предусмотренных Конституцией и более подробно изложенных в специальном законе, целесообразно было бы предварить несколькими замечаниями относительно официальных документов, не содержащих нормативных предписаний⁵⁵, но в большей или меньшей степени излагающих официальные взгляды на российское участие в совместных операциях под международной эгидой.

10 января 2000 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации «О концепции национальной безопасности Российской Федерации»⁵⁶, который, как было сказано в самом указе, всего лишь вносил изменения и дополнения в документ под тем же названием, утвержденный в декабре 1997 г.⁵⁷. На деле указом утверждался принципиально новый документ. В апреле того же года был принят указ, утверждавший Военную доктрину Российской Федерации⁵⁸, а в июле – опубликована Концепция внешней политики⁵⁹.

Концепция национальной безопасности отнесла к числу основных направлений внешней политики в области обеспечения национальной безопасности «содействие урегулированию конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций». Перед Вооруженными силами была поставлена задача «обеспечивать осуществление Российской Федерацией миротворческой деятельности».

Концепция внешней политики – подчиненный по отношению к Концепции национальной безопасности документ – подчеркнула важность «международного миротворчества»⁶⁰ как действенного инструмента урегулирования вооруженных конфликтов, отметив, что Россия «выступает за укрепление его правовых основ в строгом соответствии с принципами Устава ООН». В ней было заявлено о намерении Российской Федерации «продолжать активно участвовать в операциях по поддержанию мира, проводимых как под эгидой ООН, так и, в конкретных случаях, региональными и субрегиональными организациями». При этом, как бы в подтверждение положений Закона «О порядке предоставления персонала», в Концепции было подчеркнуто: «Необходимость и степень такого участия будут соразмеряться с национальными интересами и международными обязательствами страны». Особо отмечена была единоличная прерогатива Совета Безопасности ООН «санкционировать применение силы в целях принуждения к миру».

Военная доктрина наиболее подробно излагает официальные взгляды российских властей по вопросу военного участия в операциях под международной эгидой. «Миротворческие операции» – термин, который в документе употребляется наряду с термином «операции по поддержанию и восстановлению мира», причем, как нам кажется, в одинаковом значении, – доктрина относит к числу основных форм применения Вооруженных

сил и других войск. Она формулирует цели такого применения и ставит задачи, подлежащие решению в ходе участия в таких операциях.

Любопытно, что Военная доктрина, с одной стороны, указывает на Вооруженные силы и другие войска как на органы, одной из целей и основных форм применения которых являются операции по поддержанию и восстановлению мира или «миротворческие операции». С другой стороны, в пункте «Основные задачи Вооруженных сил Российской Федерации и других войск» (курсив наш. – Б.Т.) говорится, что «выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается на Вооруженные силы Российской Федерации». Напомним, что в соответствии с Законом «Об обороне» термин «другие войска» имеет вполне определенное содержание. Под ним понимаются «Пограничные войска Российской Федерации, Внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации, Железнодорожные войска Российской Федерации, войска Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации, войска гражданской обороны» (часть 5 статьи 1)⁶¹.

Исследователю, не посвященному в дискуссии, сопровождавшие разработку Военной доктрины, трудно судить, что послужило причиной отмеченной непоследовательности в формулировках документа: небрежность составителей или стремление подчеркнуть роль именно Вооруженных сил как головной организации в осуществлении такого рода деятельности, особенно в свете попыток другого ведомства принять ее в свое ведение⁶². Однако, как показывают Закон «О порядке предоставления персонала» и практика его применения, Вооруженные силы не являются единственным и исключительным поставщиком военнослужащих для операций под международной эгидой. Из «других войск» к участию в таких операциях привлекались Пограничные войска, правда, не формированиями, а направлением отдельных военнослужащих.

Обращает на себя внимание и факт отсутствия в указанных документах упоминания принудительных мер с использованием военной силы под международной эгидой. Между тем Закон «О порядке предоставления персонала» предусматривает участие российского военного персонала и в таких операциях.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУР

Напомним, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 г. к ведению Совета Федерации отнесено «решение вопроса о возможности использования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». Государственной думе принадлежат бюджетные полномочия, и не исключено, что она могла бы оказать влияние на финансирование участия российского военного персонала в международных операциях. Если участие в таких операциях основано на международном договоре, Государственная дума может высказать свое отношение к нему в процессе ратификации. Дума может привлечь внимание других ветвей власти к каким-то проблемам, связанным с российским участием, приняв специальное постановление, не имеющее обязывающей силы. Например, Дума дважды – в июне 1997 г. и в июле 1998 г. – обращала внимание Президента Российской Федерации на необходимость продления мандата Коллективных сил по поддержанию мира в Абхазии, Республика Грузия⁶³. И все же бремя ответственности за решение о направлении воинских контингентов за границу в рамках процедуры, предусмотренной пунктом «г» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации, президент делит именно с Советом Федерации.

Решение о направлении групп военнослужащих вне формирования принимается президентом единолично как Верховным главнокомандующим. Такая практика стала складываться еще до принятия Закона «О порядке предоставления персонала». Например, 10 января 1994 г. Президент Российской Федерации издал Распоряжение «О направлении российских военных наблюдателей в состав Миссии ООН по оказанию помощи Руанде». Основаниями для такого решения были названы резолюция Совета Безопасности ООН и обращение Генерального секретаря ООН⁶⁴. 7 октября того же года было подписано Распоряжение «О направлении российских военных наблюдателей в состав Миссии ООН по наблюдению в Грузии»⁶⁵, причем в некоторых случаях численный состав

таких групп может превышать размеры контингентов, направляемых на основании указа президента. Так, Распоряжением Президента от 25 июня 1999 г. для несения службы в составе международного полицейского персонала в Косово были направлены 210 сотрудников органов внутренних дел и 30 военнослужащих Федеральной пограничной службы⁶⁶. Для сравнения: численный состав воинского формирования, указ о направлении которого для участия в операции ООН в Сьерра-Леоне предваряло Постановление Совета Федерации, не превышал 115 военнослужащих⁶⁷. Впрочем, в последнем случае речь шла об организационно оформленном подразделении – звене боевых вертолетов армейской авиации.

Регламент Совета Федерации подробно описывает порядок решения вопроса о возможности использования Вооруженных сил за пределами территории России (глава 21)⁶⁸. Предложение на этот счет вносится президентом. Примечательно, что предыдущая редакция Регламента, утвержденная в 1996 г. (с последующими изменениями), допускала рассмотрение данного вопроса по инициативе не только президента, но и самой палаты⁶⁹, чего не было в самом первом варианте Регламента Совета, принятом еще на заре его деятельности⁷⁰. Поскольку общим условием вынесения вопроса на рассмотрение Совета Федерации являлось наличие заключения президента, трудно представить, как на практике могла быть возбуждена рассматриваемая процедура по собственной инициативе Совета Федерации, а случись это, каковы могли быть практические последствия такого рассмотрения.

Действующим Регламентом, как и прошлыми его редакциями, в качестве общего правила предусмотрено рассмотрение вопроса о возможности использования Вооруженных сил за границей на закрытом заседании, если только палата не примет иного решения (часть 4 статьи 162). На практике такие вопросы чаще всего рассматриваются на открытых заседаниях. Исключениями стали обсуждение вопроса о размещении контингента в районе грузино-абхазского конфликта 21 июня 1994 г.⁷¹ и дискуссия 25 июня 1999 г. по поводу первоначального развертывания российского контингента в составе международных сил в Косово⁷². Можно также вспомнить заседание Совета Федерации 31 мая 1994 г., на котором впервые обсуждался вопрос об участии формирования Вооруженных сил в операции в Абхазии. Заключительную часть его было решено проводить в закрытом режиме⁷³.

Как правило, направив в Совет Федерации предложение⁷⁴ о посылке контингента для участия в операции или о продлении сроков его пребывания, президент издает распоряжение, которым назначает своих официальных представителей при рассмотрении данного вопроса палатой. В некоторых случаях это могут быть министры иностранных дел и обороны, как это произошло при рассмотрении первоначального развертывания российского контингента в Косово. Чаще такими представителями бывают заместители министра иностранных дел и высшие военачальники: заместители министра обороны или командующие родами вооруженных сил – воздушно-десантными войсками, армейской авиацией. Число и ведомственная принадлежность президентских представителей могут различаться в зависимости от состава развертываемого контингента, от важности самой операции и от ожидаемой остроты дискуссии. Последнее обстоятельство при нынешнем характере взаимоотношений между президентом и Советом Федерации едва ли имеет определяющее значение.

История существования парламента показывает, что наиболее содержательные дебаты чаще случаются при обсуждении вопроса о первоначальном развертывании контингента российских Вооруженных сил в рамках международной операции. Когда же палата рассматривает вопрос о продлении сроков пребывания российских военнослужащих за границей, стремление членов Совета Федерации ставить и обсуждать острые проблемы явно угасает и зачастую постановления принимаются почти автоматически.

Например, 5 января 1996 г. при первом обсуждении возможности участия российского воинского контингента в составе многонациональных сил в Боснии и Герцеговине члены Совета Федерации не только подвергли «допросу с пристрастием» представителей президента и председателя профильного Комитета палаты по вопросам безопасности и обороны, но и устроили дискуссию, в которой выступили десять парламентариев⁷⁵.

25 сентября 2002 г., в очередной раз давая согласие на продолжение российского участия в этой операции, палата ограничилась лишь заслушиванием коротких процедурных ремарок председателей Комитета по обороне и безопасности и Комитета по международным делам⁷⁶.

Вопросы об ожидаемых потерях, которые могут понести российские контингенты, как правило, не оказываются в центре дискуссии. Если кто-то из членов Совета Федерации и поднимает такой вопрос, он не становится предметом долгого обсуждения и до настоящего времени еще не ставил под угрозу срыва принятие положительного решения. Так, при обсуждении первоначального развертывания российского контингента в составе многонациональных сил в Боснии и Герцеговине никто – ни представители президента, ни члены Совета Федерации не упомянули о возможной опасности для жизни и здоровья военнослужащих. И это при том, что российская бригада отправлялась в страну, где еще теплился вооруженный конфликт, и в район с чрезвычайно сложной оперативной обстановкой. Вопрос о потерях практически не обсуждался Советом Федерации в течение начального периода операции в Абхазии, при этом никто не проявлял озабоченности динамикой роста потерь среди воинского контингента: к заседанию Совета Федерации 18 января 1995 г., через полгода после принятия первого постановления, безвозвратные потери составили 6 человек⁷⁷, к 14 июня того же года – 7⁷⁸, на нескольких следующих заседаниях цифры не назывались. На заседании же, состоявшемся 17 июля 1998 г., непосредственно перед голосованием (при том, что обсуждение вопроса о продлении срока пребывания контингента заняло едва ли пять минут) председательствующий «в порядке информации» сообщил, что количество потерь выросло до 61 человека⁷⁹.

Вполне можно допустить, что более острые дискуссии происходят на закрытых заседаниях, а также на заседаниях в головном комитете, которым в соответствии с частью 2 статьи 160 Регламента Совета Федерации является Комитет по обороне и безопасности, или в профильных комитетах по международным делам и по делам СНГ. Однако материалы этих заседаний не публикуются. Порой о сложности дебатов можно судить по косвенным признакам.

25 июня 1999 г. после закрытого заседания Совета Федерации принял Постановление «Об использовании воинских формирований Вооруженных сил Российской Федерации в международном присутствии по безопасности в Косово, Союзная Республика Югославия»⁸⁰. Нам не известны результаты голосования, но можно с уверенностью утверждать, что «против» голосовали оба члена палаты от одного из влиятельных субъектов Федерации – Республики Татарстан. 5 июля того же года Государственный Совет Республики Татарстан принял Заявление⁸¹ в связи с вышеуказанным Постановлением Совета Федерации, в котором поддержал позицию своих представителей, заявивших о необходимости воздержаться от направления воинских формирований Российской Федерации в Югославию⁸². Заявление было выдержано в весьма резких тонах. В нем, со ссылкой на события на Северном Кавказе, говорилось, что «политически безнравственно и лицемерно выступать в роли миротворцев, забывая о судьбе собственного народа». Федеральным властям был брошен упрек в том, что их позиция «привела к росту негативных настроений у части этнических албанцев в отношении присутствия российского воинского контингента». Более того, Госсовет заявил о недопустимости участия «граждан многонациональной Республики Татарстан» в российском контингенте в Косово. По существу, высший орган государственной власти субъекта Федерации вторгся в сферу ведения самой Федерации, к которой Конституцией отнесены внешняя политика, международные отношения, оборона и безопасность (пункты «к», «м» статьи 71)⁸³.

Впрочем, при последующих обсуждениях вопроса о продлении пребывания российского контингента в Косово не было подано ни одного голоса против принятия постановления. Да и постановления, дающие согласие на участие в других операциях, принимаются без особых возражений. Так, против постановления о российском присутствии в Боснии и Герцеговине лишь один раз возразили три члена Совета Федерации (26 июля 2000 г.), дважды – двое (5 января 1996 г. и 17 сентября 1999 г.), один раз – один (12 февраля 1997 г.). В остальных случаях голосов «против» не подавалось вовсе.

Окончательное решение о направлении контингента остается за президентом. Если Совет Федерации вдруг откажется дать свое согласие, но президент все-таки решит послать войска, такое решение Верховного главнокомандующего будет противоречить Конституции (пункт «г» части 1 статьи 102) и практике ее применения. Можно сказать, что право единолично распорядиться вооруженным инструментом государственной власти может принадлежать президенту в исключительной ситуации вооруженного нападения извне, но даже в этом случае Конституция и законы требуют, чтобы в кратчайшие сроки он изыскал возможность для согласования своих действий с парламентом.

Совет Федерации, дав положительный ответ на просьбу президента, не может заставить его направить войска для участия в международной операции. Вполне допустимой являлась бы ситуация, когда после получения согласия Совета Федерации президент не издает указа, например в силу изменения обстановки. Решение не направлять контингент соответствует его полномочиям Верховного главнокомандующего, хотя пока таких случаев не было.

В то же время далеко не всегда за постановлением Совета Федерации следует указ президента, но это вовсе не означает, что российский контингент отзывается с театра военных действий. Так, по поводу участия воинского контингента в проводимой под формальной эгидой СНГ операции в Абхазии президент издал указ, изначально не ограничивавший его каким-либо сроком. Очевидно, правовыми основаниями для такого участия считались соответствующие решения Совета глав государств и правительств СНГ и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, а также согласие сторон конфликта. Правда, 21 июля 1997 г. неожиданно появился указ президента, которым этот срок продлевался до 31 июля 1997 г. Возможно, президент таким образом откликнулся на призывы Государственной думы повлиять на продление мандата СНГ, утверждение которого задерживалось. Как бы то ни было, установление предельного срока означало, что по его истечении президенту пришлось бы (получив согласие Совета Федерации) вновь издавать свой указ. Впрочем, о появлении новых указов нам ничего не известно, поэтому можно предположить, что Совет Федерации и президент попросту вернулись к прежнему порядку взаимодействия: президент обращается в палату с просьбой дать согласие на продолжение российского присутствия в Абхазии на определенный срок, обусловленный решением глав государств СНГ и отсутствием возражений сторон конфликта, и такого согласия оказывается достаточно, поскольку ни район развертывания, ни численность контингента, ни прочие условия не меняются.

Вопрос определения срока участия российского воинского формирования в операции ООН по поддержанию мира в Сьерра-Леоне, пока его состав и задачи остаются неизменными, Советом Федерации целиком отдан на усмотрение президента, и определять его он будет, сообразуясь с решением Совета Безопасности ООН⁸⁴. Соответственно президент пока ограничился одним указом, подписанным вскоре после принятия постановления палаты⁸⁵. В указе говорилось: «В случае продления Советом Безопасности ООН срока проведения операции по поддержанию мира в Сьерра-Леоне упомянутому воинскому формированию продолжить участие в этой операции».

Не вполне понятным для непосвященного человека является вошедшее в практику опубликование выписок из указов, а не полных их текстов. Впервые, как показывают документы, это произошло при издании указа о начале развертывания в составе международного присутствия в Косово. В официальной публикации отсутствовал как минимум пункт 2 Указа⁸⁶. И в дальнейшем указы о продлении срока пребывания российского контингента в Косово публиковались с изъятиями. Указ же, продлевающий срок пребывания в Косово российского контингента с 11 июня до 10 декабря 2000 г., нами вовсе не был обнаружен, при том что положительный ответ на обращение президента Совет Федерации дал 7 июня⁸⁷. В открытых источниках невозможно найти также тексты двух указов президента, которые подтверждают факт продления срока пребывания российской бригады в составе многонациональных сил в Боснии и Герцеговине, хотя Совет Федерации принимал соответствующие постановления 17 сентября 1999 г.⁸⁸ и 26 июля 2000 г.⁸⁹.

Еще одна проблема – несвоевременность принятия решений как президентом, так и Советом Федерации. Например, 25 сентября 2002 г. Совет Федерации, рассмотрев пред-

ложение президента от 8 августа того же года, дал согласие на продление срока использования контингента в Боснии и Герцеговине⁹⁰, – и это при том, что установленный предыдущим указом срок истек 31 июля. Президент же издал новый указ лишь 10 декабря. Строго говоря, более четырех месяцев контингент находился за границей без приказа Верховного главнокомандующего. В отсутствие указа правительство имело все основания прекратить финансирование контингента, оставив его без материального обеспечения, а военнослужащих без денежного довольствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании была показана не только формальная сторона существующей процедуры, но и практика ее применения, включая возможные сложности и неувязки с ее применением. Это возникающая иногда несогласованность в действиях парламента и президента, несвоевременность продления национального мандата на участие в операции, другие проблемы. Не в полной мере выполняется действующее законодательство. Так, нам не известно ни об одном случае представления правительством в обе палаты Федерального собрания доклада об участии Российской Федерации в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Между тем в соответствии с Законом «О порядке предоставления персонала» такие доклады должны представляться ежегодно.

Тем не менее сложившаяся вначале в результате импровизации, а впоследствии получившая нормативно-правовую основу процедура решения вопроса об участии российских воинских контингентов в международных операциях применяется уже на протяжении более десяти лет. Участие парламента в такой процедуре, которую трудно было представить в годы, когда первые советские военнослужащие приняли участие в операции ООН, стало теперь обычной практикой.

По нашему мнению, российское участие в международных операциях является важной публичной функцией Вооруженных сил, а потому его должна сопровождать возможная открытость, пусть и разумно ограниченная спецификой военной организации и воинской службы. Это касается не только деятельности контингента, но и порядка принятия властных решений о его развертывании. Кому-то может показаться, что предусмотренная законодательством процедура способна замедлить осуществление внешнеполитических акций. Но можно взглянуть на нее как на средство наращивания и закрепления общественной поддержки участия российских военных в международных операциях, готовности участвовать в них, несмотря на возможные издержки.

Примечания

¹ Приведенные в данной статье взгляды и аналитические оценки представляют собой субъективное мнение автора и не отражают точку зрения какой-либо организации или учреждения.

² Брежнев Л.И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Изд. 3-е, доп. М., 1978. С. 338.

³ *Независимое Военное Обозрение*. 1998. № 41 (115).

⁴ Из беседы автора с офицером из состава первой группы В.В. Гергелем, ныне директором Музея истории миротворчества, 2 мая 2003 г.

⁵ Советский Союз и Организация Объединенных Наций, 1971–1975. М., 1981. С. 59.

⁶ На службе мира. 1973–2000 /Сост. В.В. Гергель. Изд. 2-е, доп. М., 2000. С. 16–18.

⁷ Из беседы автора с В.В. Гергелем, 2 мая 2003 г.

⁸ Соответственно пункт «н» статьи 49 и пункт 17 статьи 121. См.: Конституция общенародного государства. М., 1978. С. 232, 135.

⁹ Пункт «д» статьи 68 и пункт 5 статьи 131. Там же. С. 234 и 137.

¹⁰ Там же. С. 34. Как в то время писали комментаторы, «Конституция 1936 года зафиксировала такую роль Коммунистической партии косвенно – через право граждан объединяться в общественные организации» (Конституция СССР. Политико-правовой комментарий / Под ред. Б. Н. Пономарева. М., 1982. С. 35).

¹¹ Статья 189. *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР*. 1990. № 12.

¹² Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.». См.: Статья 582. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1989. № 29.

¹³ Статья 619. *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации* (далее – *Ведомости СНД и ВС РФ*). 1992. № 12.

¹⁴ В документе не было подробной ссылки, но, очевидно, имелась в виду резолюция Совета Безопасности ООН № 743 (1992) от 21 февраля 1992 г., которой учреждались Силы ООН по охране.

¹⁵ Статья 2331. *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1992. № 42.

¹⁶ Статья 743. *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1993. № 21.

¹⁷ Заметим, что само по себе употребление термина «агрессия» в таком контексте, с точки зрения международного права, нельзя признать корректным. Вооруженное нападение извне может квалифицировать в качестве агрессии – со всеми вытекающими юридическими последствиями – только Совет Безопасности ООН.

¹⁸ Статья 90. В кн.: *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1993. № 3.

¹⁹ Статья 5712. В кн.: *Собрание законодательства Российской Федерации* (далее – *СЗ РФ*). 1997. № 51.

²⁰ Статья 2168. *СЗ РФ*. 2000. № 21.

²¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С.425.

²² Комментарий к Конституции Российской Федерации. Отв. ред. Л. А. Окуньков. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1996. С.433.

²³ Статья 635. *СЗ РФ*. 2002. № 7.

²⁴ Статья 375. *СЗ РФ*. 2002. № 5.

²⁵ Статья 2750. *СЗ РФ*. 1996. № 23.

²⁶ Статья 1447. *СЗ РФ*. 1994. № 13. Последующие изменения не затронули это положение закона.

²⁷ Статья 2412. *СЗ РФ*. 1995. № 26.

²⁸ Текст обращения не публиковался, имеется в распоряжении автора.

²⁹ В статье 106 Конституции Российской Федерации перечислены шесть категорий законов, принятых Государственной думой и подлежащих обязательному рассмотрению в Совете Федерации. В иных случаях Конституция (часть 4 статьи 105) оставляет на усмотрение Совета Федерации самому решать, рассматривать закон или, не рассматривая его в течение четырнадцати дней, выразить молчаливое согласие.

³⁰ См.: Протоколы и стенограммы пленарных заседаний и совещаний судей Конституционного Суда РФ. Дело № 20. Т. 18, 21, 22.

³¹ Там же. Т. 22. С. 2.

³² Текст определения не публиковался, имеется в распоряжении автора.

³³ Статья 94. *Ведомости Федерального собрания Российской Федерации*. 1994. № 2.

³⁴ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание седьмое 21–24 июня 1994 г. Стенографический отчет. С. 236–248.

³⁵ Статья 690. *СЗ РФ*. 1994. № 7.

³⁶ Одновременно с подписанием указа президент направил в Совет Федерации обращение, удовлетворившее палату, которая, рассмотрев его на закрытом заседании 21 июня, приняла Постановление «Об использовании Вооруженных сил Российской Федерации для проведения операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта». См.: Статья 262. *Ведомости Федерального собрания Российской Федерации*. 1994. № 6.

³⁷ Статья 1770. *СЗ РФ*. 1995. № 20.

³⁸ Статья 2401. *СЗ РФ*. 1995. № 26.

³⁹ Статья 2564. *Ведомости СНГ и ВС РФ*. 1992. № 45.

⁴⁰ Статья 1824. В кн.: *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1992. № 21.

⁴¹ Статья 43 Устава ООН гласит: «1. Все члены Организации для того, чтобы внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением или соглашениями необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода.

2. Такое соглашение или соглашения определяют численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи.

3. Переговоры о заключении соглашения или соглашений предпринимаются в возможно кратчайший срок по инициативе Совета Безопасности. Они заключаются между Советом Безопасности и членами Организации или между Советом Безопасности и группами членов Организации и подлежат ратификации подписавшими их государствами, в соответствии с их конституционной процедурой».

⁴² Статья 1085. *Ведомости СНГ и ВС РФ*. 1993. № 28.

⁴³ Статья 151. *Ведомости Федерального собрания Российской Федерации*. 1994. № 3.

⁴⁴ Статья 1236. *СЗ РФ*. 1995. № 14.

⁴⁵ Статья 466. *СЗ РФ*. 1995. № 6.

⁴⁶ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание двадцать второе. Бюллетень № 2 (72), 15 июня 1995 г. С. 3, 6.

⁴⁷ Государственная дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 18, 16 марта 1994 года. С. 30.

⁴⁸ Государственная дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 82, 25 января 1995 года. С. 37.

⁴⁹ Государственная дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 18, 16 марта 1994 года. С. 42.

⁵⁰ Там же. С. 43.

⁵¹ Там же.

⁵² Статья 2401. *СЗ РФ*. 1995. № 26.

⁵³ Текст этого положения гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

⁵⁴ См.: Glennon M. F. *The United States: Democracy, Hegemony, and Accountability*. In: *Democratic Accountability and the Use of Force in International Law*. Eds. Ch.e Ku, H. K. Jacobson, 2003 at 338-339; Stephen Dycus et al. *National Security Law*. Second Edition. 1997 at 298.

⁵⁵ Об отсутствии нормативного содержания в такого рода документах см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 10-П от 31 июля 1995 г., п. 7. Статья 3424. *СЗ РФ*. 1995. № 33.

⁵⁶ Статья 170. *СЗ РФ*. 2000. № 2.

- ⁵⁷ Статья 5909. *СЗ РФ*. 1997. № 52.
- ⁵⁸ Статья 1852. *СЗ РФ*. 2000. № 17.
- ⁵⁹ *Российская Газета*. 2000, № 133, 11 июля.
- ⁶⁰ Автор считает «миротворчество» и производные от него термины, порой применяемые при описании совместных операций, не отражающими сути явления, которые стремятся описать, чрезмерно эмоциональными, а потому некорректными. Подробнее о проблеме терминологии применительно к международным операциям см.: Э.С.Александрова. ООН: объединенные действия по поддержанию мира. М., 1978. С. 101–107; Тузмухамедов Б.Р. Некоторые правовые проблемы операций по поддержанию мира. *Московский журнал международного права*. 1999. № 1. С. 71–72.
- ⁶¹ Статья 2750. *СЗ РФ*. 1996. № 23.
- ⁶² При обсуждении проекта Закона «О порядке предоставления персонала» такую позицию отстаивал представитель Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. См.: Государственная дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 18, 16 марта 1994 года. С. 36–37.
- ⁶³ Статья 3176. *СЗ РФ*. 1997. № 27; Статья 3726. *СЗ РФ*. 1998., № 30.
- ⁶⁴ Документ не публиковался, имеется в электронной базе данных «КонсультантПлюс».
- ⁶⁵ Статья 2635. *СЗ РФ*. 1994. № 24.
- ⁶⁶ Статья 3345. *СЗ РФ*. 1999. № 27.
- ⁶⁷ Статья 2750. *СЗ РФ*. 2000. № 26.
- ⁶⁸ Статья *СЗ РФ*. 2002. № 7, ст. 635, с последующими изменениями.
- ⁶⁹ Статья 655. Часть 2 статьи 161. *СЗ РФ*. 1996. № 7.
- ⁷⁰ Статья 81. *Ведомости Федерального собрания Российской Федерации*. 1994. № 2.
- ⁷¹ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание седьмое, 21–24 июня 1994 г. Стенографический отчет. С. 5.
- ⁷² Совет Федерации Федерального собрания. Заседание сорок девятое (внеочередное), 25 июня 1999 г. Заседание пятидесятое, 2 – 3 июля 1999 г. *Бюллетень № 166–168*. С. 5.
- ⁷³ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание шестое, 31 мая – 2 июня 1994 г. Стенографический отчет. С. 248.
- ⁷⁴ Автору неизвестны случаи опубликования таких обращений.
- ⁷⁵ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание тридцать третье. *Бюллетень № 1 (92)*. С. 17–31.
- ⁷⁶ Девяносто третье заседание Совета Федерации Федерального собрания. *Бюллетень № 14 (213)*, 25 сентября 2002 г. С. 26–27.
- ⁷⁷ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание пятнадцатое. *Бюллетень № 2 (51)*, 18 января 1995 г. С. 21, 22.
- ⁷⁸ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание двадцать второе. *Бюллетень № 1 (71)*, 14 июня 1995 г. С. 18.
- ⁷⁹ Совет Федерации Федерального собрания. Заседание тридцать шестое. *Бюллетень № 1 (148)*, 17 июля 1998 г. С. 42.
- ⁸⁰ Статья 3190. *СЗ РФ*. 1999. № 27.
- ⁸¹ *Республика Татарстан*. 1999. № 135, 6 июля.
- ⁸² Примечательно, что один из этих представителей при рассмотрении вопроса о продлении срока пребывания российского контингента в Абхазии в свое время поддерживал «мнение о том, что

на данном этапе необходимо оставить там миротворцев». См.: Совет Федерации. Заседание пятнадцатое. *Бюллетень № 2 (51)*, 18 января 1995 г. С. 28.

⁸³ В связи с этим напрашивается любопытная историческая параллель. 21 сентября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление, которым признавалось «недопустимым направление граждан РСФСР, призванных на действительную военную службу, за пределы РСФСР для участия в разрешении межнациональных конфликтов». См.: Статья 177. *Ведомости СНД и ВС РСФСР*. 1990. № 17.

⁸⁴ Постановление № 130-СФ от 7 июня 2000 г. См.: Статья 2465. *СЗ РФ*. 2000. № 24.

⁸⁵ Указ № 1156 от 22 июня 2000 г. См.: Статья 2750. *СЗ РФ*. 2000. № 26.

⁸⁶ Статья 3183. *СЗ РФ*. 1999. № 26.

⁸⁷ Постановление № 112-СФ от 7 июня 2000 г. См.: Статья 2476. *СЗ РФ*. 2000. № 24.

⁸⁸ Статья 4527. *СЗ РФ*. 1999. № 38.

⁸⁹ Статья 3209. *СЗ РФ*. 2000. № 31.

⁹⁰ Статья 3654. *СЗ РФ*. 2002. № 39.

территорией Иордании, Саудовской Аравии и Ирака и уничтожили реактор всего 14 свободнопадающими бомбами!

Схожесть ситуации 1981 г. со сложившейся в настоящее время и возможное применение в операции против Ирана самолетов израильских ВВС привлекают неослабевающий интерес к аспектам операции 1981 г.

ИРАКСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

Фактически путь Ирака к обладанию ядерным оружием начался за десять лет до описанных выше событий. В 1971 г. в рамках Иракской комиссии по атомной энергии при Министерстве высшего образования Ирака был создан Центр ядерных исследований, который расположился на территории Ядерного исследовательского комплекса в Тхувайтхе – в 17 км к югу от Багдада.

В задачи Центра входили создание и приведение в исполнение плана приобретения Ираком доступа к ядерному оружию. До 1971 г. ядерной программы Ирака фактически не существовало: работа в этом направлении велась лишь в рамках международных программ поддержки, таких как, например, американская «Атомы для мира». Был у Ирака и купленный в Советском Союзе в 1962 г. исследовательский реактор ИРТ-2000 мощностью 2 МВт.

Такое положение вещей совершенно не устраивало иракское политическое руководство. Однако и ему было понятно, что Ирак никогда не сможет построить ядерный реактор своими силами. Был разработан план, согласно которому Ираку предстояло купить реактор за рубежом.

На покупку реактора у Советского Союза Ирак особых надежд не питал. Справедливости ради необходимо отметить, что и в СССР не очень стремились снабжать арабские страны «чувствительными технологиями». На этот счет еще Н.С. Хрущевым было дано недвусмысленное распоряжение: «Сотрудничать – сотрудничайте, но бомбы не давать!»¹¹

Тем не менее в 1975 г., будучи еще вице-президентом, С. Хусейн посетил Советский Союз. Просьба иракского вице-президента о продаже мощного реактора в тупик руководство СССР не поставило. Советские лидеры не возражали против передачи Ираку некоторых ядерных технологий и даже против постройки нового ядерного реактора, но... только под гарантиями МАГАТЭ. Такое положение иракцев не устраивало.

Прояснив позицию СССР, иракское руководство обратилось к канадскому правительству в надежде закупить реактор типа CANDU, такой же, какой был построен канадскими специалистами в Индии¹². Реакция канадцев, впрочем, была предсказуема и мало чем отличалась от позиции, которой придерживалась советская сторона.

Но основной расчет делался не на Канаду и не на СССР. В Багдаде уже давно и серьезно рассматривали возможность работы по «ядерной тематике» с давним и достаточно надежным, как считалось, партнером – с Францией. Багдад всерьез интересовался продукцией французского военно-промышленного комплекса: самолетами, самоходными артиллерийскими установками, на что западные специалисты смотрели благосклонно, считая, что иракское руководство хочет «спрыгнуть с крючка», на который оно оказалось наняванным благодаря советским военным поставкам, так как более 90% всей военной техники в Ираке было произведено в СССР. В 1975 г. состоялся визит С. Хусейна в Париж и его встреча с премьер-министром Франции Ж. Шираком.

В ходе беседы двух лидеров были рассмотрены вопросы о военно-техническом сотрудничестве между двумя странами, и тогда же возникла тема поставки французских ядерных технологий в Ирак. В Елисейском дворце по какой-то причине даже не стали обращать внимание на высказывание С. Хусейна в интервью (которое накануне своего визита в Париж он дал одной арабской газете) о том, что другие страны должны помочь Ираку обрести ядерное оружие «для того, чтобы уравновесить ядерный потенциал Израиля»¹³.

На первом этапе, руководствуясь этой информацией, израильские лидеры пытались оказывать дипломатическое давление на участников проекта, добиваясь «замораживания» франко-иракской сделки.

В 1977 г. попытки предотвратить получение Ираком реактора стали более настойчивыми. Прикладывались самые разнообразные дипломатические усилия для того, чтобы прекратить не только поставку реакторов из Франции, но и сотрудничество иракского руководства с правительствами Италии и Бразилии, которые намеревались поставить в Ирак соответствующее оборудование. Однако даже действия, предпринятые через американских союзников, не дали никакого результата¹⁸.

В складывающейся ситуации израильский кабинет министров оказался перед небогатым выбором: либо оставить все как есть, либо действовать решительно и идти на риск. Политическая разведка «Моссад» и военная разведка Аман получили «добро» на проведение операции по саботированию проекта «Таммуз». Было принято решение остановить иракский ядерный проект силами двух ведущих разведывательных служб Израиля.

«Моссад» развернул активную работу по сбору всей возможной информации о странах, лицах и фирмах, сотрудничавших с иракской стороной. Несмотря на то что реакторы приобретались в Париже, сотрудники Института разведки и специальных задач активно работали и в Италии, и в Бразилии – в странах, которые также принимали участие в иракской ядерной программе. Однако судьба иракского ядерного проекта должна была решиться, как на это по крайней мере рассчитывали в израильской разведке, во Франции.

В Институте разведки и специальных задач решили уничтожить реактор до того, как он будет переправлен в Ирак. Но прежде было необходимо собрать исчерпывающую информацию о тех ученых, которые были задействованы в работе над проектом.

Для получения необходимой информации сотрудники «Моссад» в Париже воспользовались услугами одного из своих помощников по имени Ж. Марсель¹⁹. Строго говоря, Ж. Марсель не был агентом «Моссад» в классическом понимании этого слова. Он принадлежал к числу так называемых «сайаним» – добровольных помощников из числа еврейской диаспоры, проживающей в стране. «Сайаним» – это питательная среда для оперативников «Моссад», которые в своей разведывательной практике очень часто привлекают к работе граждан еврейской национальности, живущих за пределами Израиля. «Сайаним» – разветвленная, «естественная» агентурная сеть, члены которой на добровольной основе и совершенно бескорыстно принимают участие в акциях израильской разведки.

Но использование «сайаним» для проникновения в сокровенные тайны самого проекта «Таммуз» или для проведения актов саботажа исключалось. Согласно одному из пунктов секретного межправительственного соглашения между Ираком и Францией, к работе над проектом не допускались «лица еврейской национальности или религий последователей учения Моисея»²⁰.

Для получения необходимой первичной информации схема с использованием «сайаним» сработала безукоризненно. Ж. Марсель сумел заполучить оригинал списка иракских ученых, задействованных в работе над проектом «Таммуз».

Сотрудникам института список был необходим для того, чтобы понять, кто же из иракских ученых окажется наиболее «перспективным» для израильской разведслужбы.

Свой выбор израильские разведчики остановили на Б. Эбине Халиле²¹ – иракском инженере, который находился в командировке во Франции и наблюдал за выполнением условий проекта «Таммуз». Выбор был продиктован относительной доступностью иракца для «работы» с ним: в отличие от большинства сотрудников, работавших над проектом, он жил в городе и был избавлен от плотной «опеки» службы безопасности.

А полгода спустя на приеме в Париже был отравлен еще один иракский инженер – А. -Р. Расул.

ВТОРОЙ РАУНД

После того как израильскому руководству стало ясно, что второй реактор будет поставлен Ираку, началась разработка плана дальнейшей модели действий. Согласно данным разведки, в 1981 г. Ирак отделял от создания ядерного оружия срок от пяти до десяти лет²⁵. Высказывались также предположения о том, что этот срок может составить всего один-два года²⁶.

О важности для Израиля сохранить статус-кво на Ближнем Востоке говорит комментарий М. Бегина после налета на Озирак: «Наши специалисты сказали, что одна иракская 20-килотонная бомба способна сразу уничтожить 50 000 израильтян и явиться причиной смерти еще 150 000 человек. Кроме того, последствия радиации не только послужат причиной смерти, но и лишат возможности рожать детей, или же дети будут рождаться с физическими или психическими отклонениями. Имея три атомные бомбы, противник будет способен уничтожить Иерусалим и окрестности, Тель-Авив с пригородами, а также Хайфу с близлежащими городами. 20% израильского населения будут уничтожены или облучены. В сопоставимых цифрах это будет равно 46 миллионам американцев. Вот почему иракская бомба будет постоянной угрозой Израилю»²⁷.

В октябре 1980 г. М. Бегин созвал совещание руководителей силовых ведомств, на котором обсуждались вопросы дальнейших действий в отношении иракского реактора²⁸. В самом начале встречи М. Бегин заявил, что «если Саддам Хусейн сделает атомную бомбу, он не раздумывая сбросит ее на Тель-Авив, что приведет к гибели 300 тыс. человек»²⁹. Начальник Генштаба Армии обороны Израиля Р. Эйтан предложил уничтожить реактор с воздуха³⁰. За нанесение удара высказались также министр иностранных дел И. Шамир и министр сельского хозяйства А. Шарон³¹. Были обозначены и сроки: до загрузки активной зоны реактора. Начальник ВВС Израиля Д. Иври говорил: «Мы должны атаковать до загрузки урана в реактор, потому что в ином случае разрушение реактора повлечет за собой радиоактивное заражение окружающей среды»³². Предполагалось, что самолеты пролетят через Иорданию и Саудовскую Аравию, а не через Сирию, что было бы кратчайшим путем³³. При этом у проекта по уничтожению реактора находились и противники: военная разведка, «Моссад», оперативное управление Генерального штаба. По их мнению, бомбардировка реактора могла привести к нежелательным последствиям: Израиль потеряет своих немногочисленных друзей в арабском мире, Египет разорвет мирный договор, Иран и Ирак прекратят войну и объединятся против Израиля, этот шаг не найдет понимания в МАГАТЭ, чьи инспекции побывали на иракском объекте и ничего подозрительного не обнаружили³⁴. Не исключалась и возможность попадания бомб в находящийся рядом советский реактор³⁵. Однако восторжествовали «ястребы» – после совещания с начальником Генерального штаба премьер-министром Израиля было принято решение об осуществлении рейда на иракский реактор.

Первоначально дата операции, получившая название «Опера», была назначена на воскресный день 10 мая 1981 г. Дата удара была специально оговорена премьер-министром М. Бегинем из политических соображений (предполагалось, что в выходной на объекте будет минимум французского персонала и, соответственно, возможных жертв среди граждан третьих стран). По той же причине бомбежка планировалась во второй половине дня, а точнее – после окончания работы. Стратегически эта дата тоже устраивала, поскольку начало эксплуатации реактора планировалось на середину сентября 1981 г., что оставляло достаточно времени в случае задержек или временной отмены приказа³⁶.

Операцию поручили разрабатывать офицерам из оперативного управления ВВС. На территории Израиля была сооружена точная копия реактора и прилегающих строений, и летчики начали тренировки в условиях, приближенных к боевым. Сложность представляло и еще одно обстоятельство: расстояние до объекта по выбранному маршруту составляло 1100 км в одну сторону.

Интересно, что, согласно некоторым израильским источникам, подготовка к операции началась еще в ноябре 1979 г.³⁷. Планировалось использовать истребители-бомбардировщики *F-4E Phantom* и штурмовики *A-4N Skyhawk*. Видимо, выбор их был связан с тем, что они обладали возможностью дозаправки в воздухе³⁸, кроме того, если не считать истребителей *F-15* и *Kfir*, они были на тот момент наиболее современными самолетами израильских ВВС³⁹.

Однако когда стала известна дата прибытия в Израиль первых из заказанных истребителей *F-16*, было решено сделать ставки на них: технически дальность полета *F-16* с двумя 2000-фунтовыми (908-килограммовыми) бомбами американского производства *Mk.84* позволяла нанести удар по реактору и вернуться назад. Первые *F-16* прибыли в Израиль 2 июля 1980 г., а уже в ноябре 1980 г. первая эскадрилья, получившая *F-16* на базе Рамат-Давид, была объявлена боеготовой. (Официальная церемония передачи первого *F-16* ВВС Израиля произошла 31 января 1980 г. После этого израильские летчики тренировались в США на авиабазе «Хилл» в Юте. Интересно, что израильские *F-16* первоначально предназначались для ВВС Ирана, но падение режима шаха вынудило США искать другого заказчика.)⁴⁰

В этой связи хочется отметить, что А. Бен-Нун, начальник израильской авиабазы Хацор в 1977-1982 гг., настаивал на применении *F-15* в операции. Однако командующий ВВС Израиля Д. Иври решил этот вопрос в пользу *F-16*. Для операции отобрали самолеты, которые имели минимальное количество обнаруженных дефектов (как выяснилось, не зря, так как в ходе всего полета не было отмечено ни одного отказа).

Из наличных *F-16* было отобрано 8 самолетов, которые составили две четверки. Первая имела кодовое название «Измель» («Скальпель»), вторая – «Эшколь» («Гроздь», «Кисть»). Командиром группы, а также ведущим первого звена был подполковник Р. Зеев, второй – подполковник А. Нахуми⁴¹.

Прикрывавшие их *F-15* из 133-й истребительной эскадрильи были разбиты на три звена:

- 1-е звено – кодовое название «Петель» («Малина») – имело задачей оборону ударных самолетов и радиоэлектронной борьбы;
- 2-е звено – «Патефон» («Патефон») – отвечало на ретрансляцию и оборону на обратном пути;
- 3-е звено – «Пахман» («Углерод») – воздушный командный пункт (ВКП), в случае необходимости мог принять участие в воздушном бою⁴².

Кроме того, помимо 8 непосредственно задействованных в операции *F-16*, было подготовлено еще 2 запасных самолета. Также было 4 резервных летчика. Соответственно число летчиков, которые готовились к участию в операции, составило 12 человек (изначально 13 – один пилот погиб в ходе подготовки к операции). Эта цифра была озвучена полковником Р. Зеевом⁴³. Примечательно, что среди пилотов был И. Рамон – первый израильтянин, полетевший в космос 16 января 2003 г. на шаттле «Колумбия» и трагически погибший вместе с остальными 6 членами экипажа челнока при возвращении на землю 1 февраля 2003 г.

Таким образом, в операции должны были принять участие 14 израильских самолетов, только 8 из которых несли бомбы для удара по реакторному залу.

Интересным является также вопрос о том, как были собраны точные данные о цели предстоящего нападения. Так, существует мнение, что они были получены в виде снимков от американских разведывательных спутников *KN-11* (при этом официально ни американские, ни израильские источники этого не подтверждают)⁴⁴. По другим данным, снимки были переданы израильтянам иранской службой разведки САВАК⁴⁵, причем речь идет об аэрофотоснимках⁴⁶. Кроме того, нельзя исключить и того, что необходимая информация была получена израильтянами с помощью собственных разведывательных самолетов или с помощью агентуры (хотя в данном случае важнее все-таки было изображение объекта с воздуха).

При подготовке удара принималась в расчет и система противовоздушной обороны (ПВО) реактора. Так, на середину 1981 г. в Ираке имелось 14 бригад ПВО, 1 зенитная ракетная группа и 2 отдельных зенитных ракетных дивизиона⁴⁷. На их вооружении находилось 20 зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) *C-75M* (кодовое наименование НАТО – *SA-2 Guideline*), 37 – *C-125 (SA-3 Goa)*, 35 ЗРК *2K19 «Квадрат» (SA-6 Gainful)* и 4 системы *9K33 «Оса» (SA-8 Gesko)*⁴⁸.

При этом пришлось принять во внимание то обстоятельство, что реактор стал мишенью иранских ВВС в начавшейся ирано-иракской войне. Так, 30 сентября 1980 г. реактор в Озираке был атакован двумя иранскими *F-4 Phantom*, но неуправляемые реактивные снаряды (НУРС) не нанесли серьезных повреждений зданию ядерного комплекса⁴⁹: легкие повреждения получила крыша реакторного зала, а также система охлаждения реактора⁵⁰, однако все неполадки были быстро устранены⁵¹. И хотя в дальнейшем налеты иранских ВВС больше не повторялись, ПВО в районе этого объекта было усилено. Так, в дополнение к дивизиону (три батареи) ЗРК *C-125* и полку 57-миллиметровых автоматических пушек *C-60* и 23-миллиметровых зенитных установок (ЗУ) *ЗУ-23-2*, вокруг ядерного комплекса был развернут зенитно-ракетный полк, оснащенный ЗРК *Квадрат* в составе трех батарей⁵². При этом ЗРК *Квадрат* обслуживались в том числе и советскими военнослужащими: группу советских военных специалистов по ЗРК из Ленинградского военного округа в количестве 10 человек перебросили по тревоге в Багдад еще в апреле 1981 г. с иракско-иранской границы (г. Ханакин)⁵³. Им была поставлена задача прикрыть «объект» – ядерный центр или, как его еще называли, «бункер в пустыне Тхувайт-ха», от воздушных налетов противника на малых и средних высотах. Основное внимание при этом уделялось прикрытию восточного, иранского направления⁵⁴.

Видимо, именно сентябрьскими событиями можно объяснить появление на близлежащем аэродроме Аль Хаббания 11-й эскадрильи истребителей *МиГ-23М*. Кроме того, иракцы стали сооружать комплекс «пассивных» защитных сооружений в виде песочно-земляных валов, а также маскировочных сетей над рядом строений ядерного центра.

Как уже отмечалось, первоначально дата проведения операции была назначена на 10 мая 1981 г. Самолеты прибыли на базу Эцион (со своей постоянной базы Рамат-Давид). Летчики прошли последний инструктаж, и тут вылет отменили по политическим причинам⁵⁵. Согласно некоторым источникам, перенос даты операции был вызван тем, что из-за песчаных бурь в районе ядерного центра американские спутники не могли «отслеживать» происходящие на «объекте» работы⁵⁶. По одному из источников, летчики на момент отмены уже сидели в кабинах, по другому – надевали летные костюмы. Вторая дата была назначена на 31 мая 1981 г., но ее отложили на неделю из-за намеченной через несколько дней встречи в верхах: Бегин – Садат. Срок 7 июня был крайним, так как имелась информация о том, что в июле планируется запуск реактора⁵⁷.

НАЛЕТ НА РЕАКТОР

По-видимому, накануне планируемой даты удара (6 июня 1981 г.) самолеты были сосредоточены на авиабазе Эцион, на Синайском полуострове. Выбор именно этого аэродрома был обусловлен соображениями скрытности: маршрут ударной группы проходил над территорией Саудовской Аравии и Иордании, слабо прикрытой средствами ПВО, а систем дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) арабские страны не имели до 1986 г., когда в Саудовскую Аравию был поставлен первый американский самолет *E-3 AWACS*⁵⁸. Кроме того, вторжение в иракское воздушное пространство осуществлялось с наименее ожидаемого направления.

Следует отметить, что, по некоторым данным, для возможной операции по спасению сбитых летчиков на территорию Ирака с вертолетов была высажена группа специального назначения «Шальдаг» («Зимородок»)⁵⁹. К слову, в отдельных источниках указывается, что в районе ядерного центра были установлены радиомаяки для более точного наведения на цель самолетов. Нельзя исключать, что они были установлены именно вышеупомянутой группой. Хотя это все-таки кажется маловероятным, так как обнаружение спецназовцев могло поставить под угрозу всю операцию.

Наконец 7 июня 1981 г. в 16:01 самолеты взлетели для нанесения удара по иракскому реактору. Планировалось, что над целью самолеты должны быть в 17:35, таким образом, полет в одну сторону занял полтора часа и проходил в полном радиомолчании. Причем большая часть маршрута проходила на сверхнизких высотах для того, чтобы избежать обнаружения радаром. Так, над территорией Саудовской Аравии самолеты снизились до 92 м. На конечном участке маршрута сначала *F-15* поднялись на высоту 7200 м, чтобы прикрыть все возможные направления подхода иракских истребителей, а на удалении примерно 6 км от реактора *F-16* начали резкий набор высоты, далее, по достижении траверза цели, они выполнили резкий разворот влево с продолжением набора высоты. На высоте 1525 м *F-16* перешли в горизонтальный полет, а затем спикировали на реакторный зал. Вся атака заняла всего 80 секунд⁶⁰.

Интересно, что советские специалисты зусели неизвестную цель, которая не отвечала на запрос «свой-чужой», кроме того, их смутило направление, в котором она следовала⁶¹. Затем были применены активные радиопомехи, которые полностью парализовали работу радаров станций наведения ракет⁶². Пока иракские расчеты получали одобрение багдадского начальства на переход на запасную частоту, израильские самолеты отбомбились. Вдгон было пущено несколько ракет ЗРК *Квадрат*, *C-125* и *C-75*, но ни одна из них в цель не попала. По некоторым данным, из имевшихся поблизости перехватчиков взлетел лишь один *МиГ-23*, пилот которого, однако, не рискнул атаковать израильскую ударную группу⁶³.

В отличие от иракских и советских расчетов ПВО, эффективность израильских летчиков оказалась намного выше. По израильским данным, из 16 сброшенных бомб 14 попали непосредственно в реакторный зал и полностью разрушили реактор, а также повредили несущие конструкции здания реакторного зала, что вызвало обрушение всего здания⁶⁴. Причем использовалась следующая схема: первая бомба пробила свод реакторного зала, а остальные попали в реакторный зал сквозь образовавшееся отверстие⁶⁵. При этом необходимо отметить, что бомбы *Мк.84* являются свободнопадающими, и такой результат был достигнут только благодаря высокому уровню подготовки пилотов и характеристикам прицельного комплекса *F-16*.

Одна из двух бомб, не попавших в реакторный зал, пробила туннель между реакторным залом и экспериментальной лабораторией, проходящий на глубине в 4 м. По некоторым сведениям, в туннеле находилось специальное оборудование, предназначенное для определения уровня радиации, только что поставленное французами⁶⁶. Израильское руководство утверждало, что в туннеле находилось оборудование, на котором можно было вырабатывать плутоний и оружейный уран⁶⁷.

Потери на земле были минимальны: погибли французский инженер и 9 человек иракского обслуживающего персонала, причем только два человека стали жертвами бомб, остальные, по иракским сведениям, погибли от огня бортовых пушек самолетов⁶⁸. Последнее представляется маловероятным, так как израильские самолеты действовали на пределе своей дальности и всячески экономили топливо, а подобные «маневры» практически никакого смысла не несли. К тому же обстрел из бортовых пушек наземных целей увеличивал время нахождения в зоне действительного огня ПВО, в первую очередь артиллерии; кроме того, израильская сторона всячески стремилась минимизировать потери среди персонала центра. Таким образом, причиной гибели людей могли стать осколки зенитных снарядов собственно иракских орудий и зенитных ракет.

В любом случае удалось избежать многочисленных жертв, учитывая масштабы операции. Это было следствием как удачно выбранного времени налета (вечер воскресенья), так и точностью бомбардировки. При этом время начала атаки было продиктовано еще и следующим обстоятельством: самолеты приближались к цели со стороны заходящего солнца, что значительно затруднило работу иракских артиллерийских расчетов, использовавших визуальный метод наведения на цель. Учитывая низкие высоты, с которых проводилось бомбометание, орудия калибра 23–57 мм представляли для израильских самолетов серьезную угрозу.

И, наконец, еще одно обстоятельство. По сложившемуся распорядку, в 17:00 у расчетов иракских ЗРК и артиллеристов начинался ужин, и, естественно, к 17:30 большинства из них еще не было на боевых постах. По мнению иракцев, такое совпадение налета израильтян с графиком дежурств говорит об очень хорошей работе разведки⁶⁹.

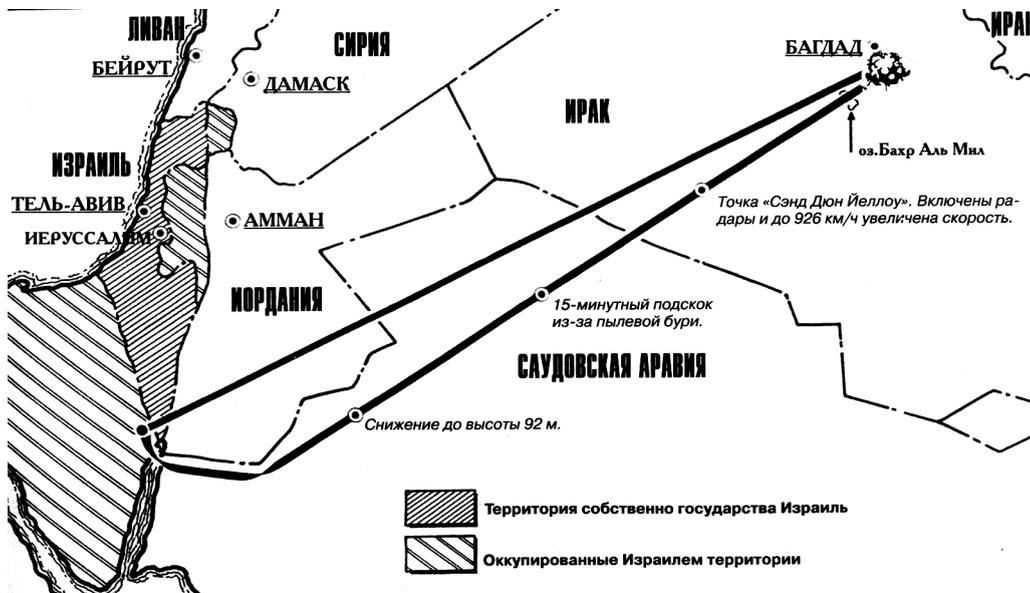
Реакция иракского политического руководства была следующей: все ответственные офицеры ПВО-центра были расстреляны⁷⁰.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАЛЕТА

Результатом налета стало полное разрушение французского реактора, которое, в свою очередь, в значительной степени затормозило развитие иракской ядерной программы. Ирак так и не смог восстановить реактор до 1990 г., когда в связи с его вторжением в Кувейт ООН объявила эмбарго на любые поставки в Ирак.

Кроме того, операция, проведенная израильскими ВВС, явилась первым и пока единственным примером «активного нераспространения» и уничтожения реактора⁷¹. При этом необходимо иметь в виду, что фактически первым в мире уничтоженным реактором является реактор, разрушенный взрывом в Ля-Сиен-сюр-Мер.

Представляет интерес и то обстоятельство, что для достижения своей цели Израиль сначала провел диверсионную операцию на территории государства, имеющего дипломатические отношения с Израилем, а затем предпринял атаку объекта на территории государства, которое, формально находясь в состоянии войны с Израилем, активных военных действий против него не вело. При этом было нарушено воздушное пространство еще двух государств, с одним из которых (Иорданией) у Израиля был заключен мирный договор. К тому же израильское руководство так и не пришло к согласию по вопросу реальной угрозы, исходящей со стороны реактора «Таммуз». Но даже потенциальная возможность вынудила израильское руководство пойти на столь радикальный шаг.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЛЕТА НА ИРАНСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ

В связи с ситуацией, сложившейся вокруг иранской ядерной программы, интересно было бы проанализировать гипотетическую возможность нанесения удара по ядерным объектам Ирана.

- ² Hibbs Mark. Officials say Israel will destroy Natanz plant if Iran operates it. *Nucleonics Week*. 2003, 3 July. P. 12.
- ³ Ракетная угроза Ирана Израилю – в центре внимания прессы. *MIGnews.com*. 2003, 4 июля.
- ⁴ Израиль разработал план удара по ядерным объектам Ирана? *Агентство Курсор*. 2003, 29 августа.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Немцы считают, что Израиль будет бомбить ядерные объекты Ирана. *MIGnews.com*. 2003, 11 октября.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Hibbs Mark. Op. cit. P. 13.
- ¹⁰ США будут бить первыми. <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000111/002/02092702.htm>.
- ¹¹ Гриневский Олег. Атомная бомба и Ближний Восток. *Независимая Газета*. 2001, 1 марта .
- ¹² From Aflaq to Tammuz. *The High Energy Weapons Archive*. 2001, 27 December; <http://nuketesting.enviroweb.org/hew/Iraq/IraqAtoZ.html>.
- ¹³ Khamza Khidir. *Saddam's Bombmaker*. Scribner. New York, 2000. P. 105.
- ¹⁴ Iraq Nuclear Weapons Program — An Annotated Chronology. 2003, March; http://www.nuclearthreatinitiative.org/e_research/e1_iraq_N_chron.html.
- ¹⁵ Khamza Khidir. Op. cit. P. 83.
- ¹⁶ Яременко Валерий. Ядерная бомба Саддама. *Время MN*. 2002, 27 декабря.
- ¹⁷ Капитонов Константин. Операция «Вавилон». *Пресс-обозрение*. 2001, 24 мая.
- ¹⁸ Равив Ден, Мелман Йосси. История разведывательных служб Израиля. М.: Международные отношения, 2000. С. 301.
- ¹⁹ Островский Виктор, Хой Клэйр. Я был агентом «Моссад». М.: Арт-Пресс, 2000. С. 11.
- ²⁰ Гриневский Олег. Цит. соч.
- ²¹ From Aflaq to Tammuz. Op. cit.
- ²² Островский Виктор, Хой Клэйр. Цит. соч. С. 22.
- ²³ Ibid. P. 110.
- ²⁴ Khamza Khidir. Op. cit. P. 134.
- ²⁵ Osiraq/Tammuz I. <http://www.fas.org/nuke/guide/iraq/facility/osiraq.htm>.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Feldman S. *Nuclear Weapons and the Arms Control in the Middle East*. The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, 1997. P. 105.
- ²⁸ Яременко Валерий. Бомба для Саддама. *Независимое Военное Обзорение*. 2003, 7 февраля. С. 5.
- ²⁹ Fieldman S. Op. cit. P. 106.
- ³⁰ Яременко Валерий. Цит. соч. С. 5.
- ³¹ Vanderbroucke L. The Israeli strike against Osiraq. <http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/aureview/1984/sep-oct/vanden.html>.
- ³² Grant Rebecca. Osiraq and Beyond. *Air Force Magazine*. 2002. Vol. 85, No. 8, August. P. 75.
- ³³ В 1980–1981 гг. израильская армия в той или иной степени была вовлечена в междоусобицу в Ливане, что приводило к периодическим столкновениям на земле и в воздухе с сирийскими вооруженными силами. К тому же в конце 1970-х гг. ПВО Сирии было значительно усилено постав-

ками техники для войск ПВО из СССР. В любом случае скрытность перелета при пролете через Сирию было сложнее сохранить.

³⁴ Яременко Владимир. Цит. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Райдер Максим. «Опера» для Саддама Хусейна. *История Aviации*. 2001. №1. С. 50.

³⁷ http://www.iaf.org.il/iaf/doa_iis.dll/Serve/item/English/1.3.3.5.4.1.html.

³⁸ В этом случае, *Skyhawk* мог использоваться в качестве самолета-заправщика.

³⁹ Однако *Kfir* обладал возможностью дозаправки в воздухе.

⁴⁰ http://www.iaf.org.il/iaf/doa_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.4.6.10.1.html;
http://www.iaf.org.il/iaf/doa_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.3.6.5.2.html.

⁴¹ http://www.iaf.org.il/iaf/doa_iis.dll/Serve/item/Hebrew/1.1.2.5.7.14.html.

⁴² Ibid.

⁴³ Pomerance Rachel. Many have heard of Osirak strike, but few know the risk and rewards. http://www.jta.org/page_view_story.asp?strwebhead=Remembering+Osirak+attack&intcategoryid=5.

⁴⁴ Suspected states. <http://209.210.231.220/webdoc3.htg/Docs/NukeWeaponsFaq/nfaq7-3.html>.

⁴⁵ Wishart Ian. Project Babylon: who armed Iraq? <http://www.investigatemagazine.com/apr3iraq.htm>.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Почтарев Андрей. Сражающийся «Вавилон». http://www.redstar.ru/2003/05/24_05/6_01.html.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Osirak/Tammuz I. <http://www.fas.org/nuke/guide/iraq/facility/osiraq.htm>.

⁵⁰ Si l'Iraq a la bombe c'est grace a la France. http://www.chez.com/atomicsarchives/bombe_iraq.html.

⁵¹ Ibid.

⁵² Райдер Максим. Цит. соч. С. 49.

⁵³ Почтарев Андрей. Сражающийся «Вавилон». http://www.redstar.ru/2003/05/24_05/6_01.html.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ <http://www.waronline.org/forum/ftopic5897-0-asc-25.html>.

⁵⁶ Райдер Максим. Цит. соч. С. 50.

⁵⁷ Гриневский Олег. Цит. соч. С. 6.

⁵⁸ <http://www.boeing.com/defense-space/infoelect/awacs/saudie3.html>.

⁵⁹ www.isayeret.com/units/air/5101/article.htm.

⁶⁰ Grant Rebecca. Osirak and Beyond. *Air Force Magazine*. 2002. Vol. 85, No. 8, August. P. 75.

⁶¹ Почтарев Андрей. Цит. соч.

⁶² Там же.

⁶³ Райдер Максим. Цит. соч. С. 51.

⁶⁴ The Third temple's holy of holies: Israeli's nuclear weapons. <http://www.fas.org/nuke/guide/israel/nuke/farr.htm>.

⁶⁵ Iraq's nuclear weapons program. From Aflaq to Tammuz. <http://nuketesting.enviroweb.org/hew/Iraq/IraqAtoZ.html>.

⁶⁶ Hamza Khiddir. Op. cit. P. 129.

⁶⁷ Damage to Iraqi Reactor Still Unknown as Controversy Continues. *Nucleonics Week*. 1981, 18 June. P. 2.

⁶⁸ Hamza Khiddir. Op. cit. P. 129.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Под активным нераспространением понимаются: комплекс решительных мер, ориентированных на недопущение приобретения оружия массового уничтожения кем бы то ни было, будь то государства или негосударственные структуры; наращивание государствами усилий (независимо от достижения/недостижения прогресса в решении других важных вопросов безопасности и сокращения вооружений), направленных непосредственно на укрепление нормы нераспространения и расширение сферы ее охвата, на недопущение увеличения количества обладателей оружием массового уничтожения и решительное пресечение попыток такого рода. Подробнее см.: Калядин Александр. Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. *Ядерный Контроль*. 2003, осень. С. 54.

⁷² Popeye turbo. <http://www.fas.org/nuke/guide/israel/missile/popeye-t.htm>. При этом состояние этой программы неизвестно, и заявленная дальность выглядит малореальной.

⁷³ F-15I. <http://www.israeli-weapons.com/weapons/aircraft/f-15i/F-15I.html>.

⁷⁴ The Military Balance 2002-2003. L. Oxford University press, 2002. P. 105.

⁷⁵ Ibid.

Кеннет Бергерон | ТРИТИЙ – ЗАМОРОЗИТЬ.
Новый опасный союз между ядерным оружием и ядерной энергетикой.
Кембридж, Массачусетс, Лондон: The MIT Press, 2002. 234 с.

Kenneth Bergeron | TRITIUM ON ICE.
The Dangerous New Alliance of Nuclear Weapons and Nuclear Power.

Cambridge, MA, L., England: The MIT Press, 2002. 234 p.

Рецензия – Роланд Тимербаев

К. Бергерон – физик и писатель, специализирующийся в области социальных и политических аспектов науки и технологии. В течение 25 лет работал в лаборатории Сандия, занимался главным образом безопасностью коммерческих ядерных и военных промышленных реакторов, на которых производился тритий для ядерного оружия.

Непосредственным мотивом для написания книги явилось решение Б. Ричардсона, министра энергетики США при администрации Клинтона, принятое в декабре 1998 г., о производстве трития на коммерческих реакторах. Специалистам хорошо известно, что период полураспада трития, используемого практически во всех типах атомных и водородных бомб, составляет около 12 лет, и поэтому время от времени приходится пополнять его запасы. Согласно новому правительственному плану, три коммерческих реактора, находящиеся в ведении Управления долиной Теннесси (Tennessee Valley Authority – TVA), будут производить тритий в процессе своей нормальной деятельности. Два реактора входят в АЭС «Секвойя», а третий имеет название «Уоттс Бар». Все три реактора находятся вблизи Нэшвилла и потребуют модернизации, которую предполагается завершить в 2006 г.

Производство трития, которое осуществлялось путем облучения нейтронами лития на промышленных реакторах в Хэнфорде и в Саванна Ривер, было приостановлено в 1988 г. Основными причинами этого, считает автор, послужило избыточное накопление трития, а также то обстоятельство, что промышленные реакторы заметно исчерпали свой жизненный ресурс, да к тому же были примерно того же типа, что и Чернобыльский реактор (с. 98).

Если с точки зрения Министерства энергетики необходимость в свежем тритии возникнет в 2006 г., то К. Бергерон как специалист уверен, что такая потребность в действительности может появиться лишь через двадцать или более лет. Он ссылается и на мнение такого эксперта, как Ф. Ван Хиппель, который полагает, что необходимость в свежем тритии может возникнуть только к 2029 г. (с. 140). Кроме того, К. Бергерон считает, что имеются и другие «многочисленные варианты для получения трития» – не только путем его наработки в коммерческих реакторах.

Но главная мысль, которую высказывает автор с нескрываемым беспокойством, – это то, что «в сфере ядерного распространения происходит дрейф от бдительности к самоуспокоенности». Принятое в 1998 г. решение, «неразрешенное и, казалось бы, безобидное, – кладет конец многолетней политике Соединенных Штатов, политике разграничения гражданского и военного применения ядерной энергии. Эта новая политика опасна для национальной безопасности Соединенных Штатов и международной безопасности. Как выясняется, она опасна и для здоровья и безопасности населения, которое будет жить вблизи энергетических реакторов, предназначенных для этой цели» (с. 3).

Автор, в частности, отмечает, что, имея профессиональный опыт в области условий безопасности этих конкретных реакторов и понимая, какими высокими политическими ставками руководствуются военные при производстве трития, он обеспокоен тем, что будет отсутствовать научная объективность при оценке потенциально возможных тяжелых аварий на этих трех объектах: «Имеются серьезные основания для озабоченности, что выделенные реакторы могут подвергнуться катастрофическим авариям. Тот факт, что оператором реакторов является Управление долиной Теннесси – федеральное агентство, имеющее длительную историю легкого отношения к вопросам ядерной безопасности, только усугубляет потенциальную опасность». Реакторы, предполагаемые для изготовления трития, относятся к числу тех, которых в США называют «конденсаторами льда» (ice condenser). Бергерон считает их наименее приспособленными для обеспечения должной ядерной и радиационной безопасности. Из действующих 104 коммерческих реакторов США только 9 относятся к категории «конденсаторов льда». Считается, что подобные реакторы способны предупреждать аварийные ситуации, с чем автор, впрочем, совершенно не согласен. Напротив, он убежден, что к выбору Министерством энергетики трех реакторов для наработки трития проблема ядерной безопасности не имела никакого касательства. Просто-напросто Управление долины Теннесси как федеральное агентство вынуждено было из бюрократических соображений дать согласие на использование трех выбранных реакторов (предисловие, с. IX).

При рассмотрении типа реактора, подходящего для возобновления производства трития, были рассмотрены и другие варианты:

- модульный высокотемпературный реактор с газовым охлаждением (MHTGR), который неплохо зарекомендовал себя как в США, так и в Германии;
- тяжеловодный реактор – более продвинутый вариант реактора для наработки трития, который был разработан в Саванна Ривер;
- легководный реактор, концепция которого разрабатывалась в штате Вашингтон.

Были рассмотрены и другие варианты, но, как считает К. Бергерон, наибольшие шансы имели первые два реактора. Анализировалась и возможность получения трития на линейном ускорителе, но эта идея, с одной стороны, была связана с крупными расходами, а с другой – ее эффективность еще не была доказана, хотя тогдашний министр энергетики Х. О'Лири явно оказывала ей предпочтение.

Подводя итог, К. Бергерон вновь с тревогой пишет, насколько его беспокоит нераспространенческий аспект принятого Министерством энергетики решения. Для автора это самое главное, ведь наиболее продвинутые ядерные державы (а тут необходимо думать и о будущем развитии атомного оружия), как правило, неизменно используют тритий как для водородного, так и для атомного оружия. Тритиевое усиление в обычной атомной бомбе существенно повышает ее мощность. Фактически любое ядерное оружие – и водородное, и атомное – сейчас или во всяком случае в обозримом будущем не обойдется без трития. Так или иначе Соединенные Штаты уже пошли по этому пути (с. 87).

В связи с этим К. Бергерон напоминает о так называемом «китайском скандале», когда в 1995 г. американские разведывательные органы установили, что в течение более двадцати лет Китай получал информацию о детальной конструкции самых современных видов термоядерного оружия США и смог на много лет ускорить свою термоядерную программу. И в результате в 1999 г. американцам пришлось произвести полный пересмотр системы сохранения секретов. В том же году один китайский эксперт, работавший в Лос-Аламосской лаборатории, был обвинен в сборе секретной информации (с. 91). С учетом этого случая автор высказывает мнение о необходимости обеспечения надежной секретности на тех коммерческих реакторах, где будет нарабатываться тритий и где необходимой системы секретности сейчас не имеется.

Книга К. Бергерона не может не вызывать чувства закономерной симпатии. В заключительной части своей монографии он вновь подчеркивает: «Каково может быть оправдание для отказа от глубоко проникшей в нашу плоть нераспространенческой традиции во имя того, чтобы накапливать запасы нового трития, потребность в котором может появиться через тридцать или более лет?»

Скот Саган,
Кеннет Уолтц

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ:
СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Нортон анд Компани. Нью-Йорк–Лондон, 2003

Scott D. Sagan,
Kenneth N. Waltz

THE SPREAD OF NUCLEAR WEAPONS: A DEBATE RENEWED.

W.W. Norton & Company Inc.: 2003, New York - London

Рецензия – Михаил Лебедев

Многие годы во время холодной войны мир балансировал на грани ядерной опасности. Особенно остро ситуация складывалась в период Кубинского кризиса. И все же человечеству удалось избежать самоуничтожения. Способствовало ли этому распространение оружия массового поражения, которое сдерживало государства от его применения, при этом заставляя все человечество «ходить по лезвию»? И если оружие массового уничтожения все же являлось сдерживающим фактором, буквально предотвратившим катастрофу мирового масштаба, то способно ли оно продолжать играть эту роль «миротворца» и в сегодняшнем мире?

Рецензируемая книга является попыткой двух известных американских исследователей: Кеннета Уолтца, основоположника неореализма, профессора политических наук Колумбийского университета, и Скотта Сагана, профессора политических наук Стэнфордского университета, заместителя директора Центра международной безопасности и сотрудничества (Center for International Security and Cooperation), ответить на все эти важные и сложные вопросы. Книга представляет собой продолжение диалога между этими двумя исследователями по проблемам ядерного нераспространения.

Первая серия диалога этих двух авторитетных авторов появилась еще в 1995 г. под названием «The Spread of Nuclear Weapons: A Debate» W.W. Norton & Company Inc.: 1995, New York / London, где К. Уолтц и С. Саган изложили свои основные позиции, а потом ответили на поставленные друг другу вопросы. Выход в свет в 2003 г. рецензируемой новой книги – продолжение дискуссии, что является вполне закономерным и логичным в свете всех событий, которые произошли в области нераспространения в эти последние несколько лет. 161 государство подписало ДВЗЯИ, 175 государств поставили свои подписи под тем, что ДНЯО продлевается на бессрочный период, новое обострение индо-пакистанских отношений, выход США из Договора по ПРО 1972 г., трагические события 11 сентября 2001 г. Все это происходит на фоне того, что время от времени звучит информация, что «Аль-Каида» уже обладает ОМУ. Новые факты потребовали серьезного переосмысления прежних тезисов и аргументов, в связи с чем и вышло продолжение ставшего знаменитым диалога.

К. Уолтц считает, что нет необходимости противостоять процессу распространения ядерного оружия, так как, по его мнению, именно наличие у государств ядерного оружия является сдерживающим фактором. В этих условиях риск, которому подвергаются развязывающие войну государства, оказывается слишком высоким по сравнению с предполагаемой выгодой. Например, если бы США, подчеркивает исследователь, во время войны в Персидском заливе 1990 г. знали, что «Ирак, возможно, обладает ядерным оружием, то скорее всего они попытались бы решить этот конфликт какими-либо другими методами и, может быть, ограничились бы эмбарго»¹. Иными словами, по убеждению К. Уолтца, мир был бы значительно безопаснее, если бы ядерным оружием владели многие страны. И даже если (хотя это и маловероятно) серьезные разногласия между

ядерными державами на определенной стадии и перерастут в конфликт, то вряд ли, полагает автор, в этих условиях он станет вооруженным. В ситуации, когда риски очень высоки, «государства, – утверждает К. Уолтц, – склонны к более взвешенному и обдуманному принятию решения»². Он считает, что для сдерживания многого не требуется: даже малая возможность эффективного ответного удара оказывается для этого вполне достаточной. Сегодня не обязательно иметь многочисленные войска, несколько ядерных зарядов и возможность их доставки в полной мере выполняют функции сдерживания. Однако этот ядерный арсенал должен сохранить свою боеспособность и после первого удара. Более того, как подчеркивает автор, средством доставки может быть что угодно, вплоть до грузовиков и даже обычных лодок, которые перевезут заряды через соседние границы.

При наличии ядерного оружия у той или иной страны любое другое государство, по мнению автора, будет воздерживаться от его применения, так как имеется возможность ответного удара³. В современных условиях это приводит к тому, что оценка военного потенциала больше не играет принципиальной роли, поскольку ни одно государство реально не способно произвести удар таким образом, чтобы исключить возможность ответного удара. В результате сравнение военных потенциалов сегодня становится, в сущности, бесполезным⁴. Иными словами, К. Уолтц уверен, что даже небольшие дееспособные силы сдерживания являются настолько же эффективными, как и значительные.

Ядерное оружие, таким образом, становится своего рода «великим уравнивателем» в мировой политике не только по причине того, что размер ядерных сил не имеет значения, но также и потому, что размер традиционных сил также не важен. Последний тезис ученый аргументирует тем, что ядерный потенциал сводит к нулю потенциал любых традиционных войск. При наличии возможности государства А нанести ответный удар по государству Б не только ответный удар малых масштабов будет равен ответному удару больших масштабов, но и малые военные силы обычных вооружений обоих государств имеют такое же значение, что и большие⁵. Таким образом, в современном мире соотношение ядерных и традиционных военных сил не играет особой роли. Как следствие – слабые государства становятся равными супердержавам. Соответственно, получается так, что любое государство сдерживается «равной мощью» другого государства, и военные действия, в полном смысле этого слова, становятся очень маловероятными. Показательно, что данное положение является новым, оно не содержится в издании 1995 г. «В ядерном мире, – утверждает К. Уолтц, – существует возможность возникновения только ограниченных войн, а вероятность возникновения серьезной войны между государствами, обладающими ядерным оружием, приближается к нулю»⁶.

В общем виде позицию К. Уолтца можно сформулировать так: «постепенное распространение ядерного оружия нужно скорее приветствовать, чем опасаться»⁷.

С. Саган, со своей стороны, не разделяет оптимистичных взглядов К. Уолтца о том, что ядерный мир будет стабильным. Он обращает внимание на индо-пакистанский конфликт и считает, что возникнет ситуация, в которой система ядерного сдерживания может не сработать, и в конце концов этот конфликт закончится применением ядерного оружия⁸. С. Саган считает, что ошибка К. Уолтца заключается в том, что он рассматривает ситуации исходя из того, что государства и люди, которые принимают решения, находятся под огромной тяжестью психологического давления, ведут себя рационально и что все действия их при этом будут тщательно продуманы. По мнению же С. Сагана, ядерные арсеналы контролируются «неидеальными людьми в рамках неидеальных организаций», ведь ядерные вооружения находятся в распоряжении профессиональных военных организаций, а подобные организации склонны к «ограниченно рациональному» поведению. И именно такое поведение наиболее вероятно может привести к недееспособности системы сдерживания и, как следствие, к предумышленным или к непредумышленным военным действиям⁹.

В публикации 1995 г. ученый выделил три основные угрозы, исходящие от «часто имеющих место несовершенств в военных организациях»¹⁰. Первое, на что он обращает внимание – проблема превентивных войн: в ситуации, когда одно государство начинает на-

ращивание ядерного арсенала, государство или государства, противостоящие ему, могут начать войну и в первую очередь атаковать именно ядерные объекты, «играя на опережение». Второй угрозой, по его мнению, является уязвимость ядерных сил. Во время кризиса наличие уязвимых ядерных сил по разным причинам может спровоцировать другую сторону на военные действия (создать совершенно неуязвимые ядерные силы практически не представляется возможным). И третья угроза, которую называет С. Саган, – это возможность непредвиденных случаев, включающих в себя несанкционированный доступ к ядерным объектам и несанкционированные центральным правительством запуски. Данные аргументы С. Саган представляет в гораздо более развернутом виде в своей книге «Пределы безопасности» («The limits of Safety: organizations, accidents and nuclear weapons»). Princeton University Press, New-York, 1995). Реальный опыт показывает, что подобное действительно возможно: в свое время была захвачена американская подводная лодка с ядерным арсеналом на борту, но, к счастью, захватчики просто не знали, как ею управлять. Кроме того, можно вспомнить случай, когда сержант армии США решил покончить жизнь самоубийством, выстрелив всю обойму в ядерную боевую головную часть, но взрыва не произошло благодаря одной лишь случайности.

В последнем издании дискуссии двух ученых С. Саган приводит еще и четвертую угрозу, которую, тем не менее, можно рассматривать как экстремальную форму третьей угрозы, – это терроризм. Учитывая стремление государств с нестабильной политической системой (особенно исламистских государств) к приобретению оружия массового уничтожения, а также подобных намерений со стороны некоторых террористических организаций, резко возрастает возможность его применения. Это обусловлено еще и тем, что многие подобные государства, стремящиеся получить оружие массового уничтожения, оказавшись на периферии мировой политики, безусловно, желают переделать сложившуюся систему. Однако если прибегать к наиболее простому способу изменения баланса сил и соответственно сложившейся системы международных отношений, т. е. используя военную (в данном случае ядерную) мощь, то это было бы наиболее эффективно делать не самим, а руками террористов. Таким образом, наблюдается определенное неофициальное желание таких государств при возможности передать различные виды оружия массового уничтожения террористам. Даже в ситуации, когда подобного желания нет, возможность завладения террористами этим видом оружия все равно резко возрастает, так как данные государства, как правило, не являются экономически развитыми и, соответственно, не могут надежно обеспечить должный уровень безопасности своих стратегических вооружений. Террористы наверняка постараются воспользоваться этим.

К сказанному С. Саганом следует добавить, что существует еще один момент, связанный с проблемой теракта, который может быть очень серьезным катализатором ядерной мировой войны. При современном уровне развития новых технологий для развязывания ядерной войны террористам нет необходимости иметь непосредственный доступ к стратегическим вооружениям. Наиболее простой сценарий – группа террористов захватывает центр CNN, удерживая оборону на протяжении не более чем 45 минут, и пускает в эфир заранее подготовленную пленку, на которой воспроизведены кадры начала якобы третьей мировой войны. При сегодняшних технологических средствах это делается без особого труда, что уже неоднократно было доказано Голливудом. При этом имитируется пуск баллистической ракеты. Это может быть просто взрыв бензоколонки, который очень сложно отличить со спутника от реального старта ракеты, или же запуск ракеты, но не баллистической, а неуправляемого артиллерийского реактивного снаряда (НУРС), который террористы могут создать и сегодня. Данный воздушный объект вполне реально можно принять за баллистическую ракету. Подобные действия, воспринятые как реальные, могут спровоцировать, как минимум, панику с трудно прогнозируемыми последствиями, а то и реальные боевые действия.

В завершение необходимо сказать, что данные два на первый взгляд непримиримых подхода к рассмотрению проблемы распространения оружия массового уничтожения не только имеют право на жизнь, но и, более того, дополняют друг друга. Мир, в котором мы живем, и проблемы, с которыми сталкивается мировое сообщество, зачастую слишком сложны для понимания, чтобы упрощать и делить их на «черное и белое».

Новый диалог К. Уолтца и С. Сагана предлагает вниманию читателя два различных теоретических подхода к обсуждаемому вопросу и серьезно способствует переосмыслению проблемы распространения оружия массового уничтожения, заставляя читателя более широко взглянуть на данную проблему.

Примечания

¹ Sagan Scott D., Waltz Kenneth N. *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed*. N.Y.; L.: W. W. Norton and Company, 2002. P. 143.

² Ibid. P. 7.

³ Ibid. P. 117, 141.

⁴ Ibid. P. 30.

⁵ Ibid. P. 32–33.

⁶ Ibid. P. 49.

⁷ Ibid. P. 45.

⁸ Ibid. P. 106.

⁹ Ibid. P. 47.

¹⁰ Более подробно см.: Sagan Scott. Responses and reflections. *Security Studies*. 1995. Vol. 4, No.4, Summer. P. 807.

С.В. КОРТУНОВ. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. М.: Наука, 2003. 612 с.

Монография С. В. Картунова посвящена рассмотрению как теоретических, так и практических проблем безопасности современной России. Автор книги – известный российский эксперт, принимавший непосредственное участие в выработке основополагающих документов по национальной безопасности России во второй половине 1990-х гг. в качестве главы аналитической группы администрации Президента РФ по обоснованию политики безопасности России до 2015 г.

В первом разделе работы С. В. Картунова дается системное представление о понятии «национальная безопасность», рассматриваются методологические вопросы обеспечения безопасности, анализируются особенности ресурсной поддержки политики национальной безопасности, а также приоритеты и механизмы реализации последней в России.

Второй раздел книги посвящен анализу национальной безопасности России в контексте становления международной системы безопасности в целом и процессов глобализации в начале XXI в. Рассматриваются такие вопросы, как становление нового мирового порядка, взаимоотношения России и Запада, противодействие международному терроризму, управление региональными конфликтами. Особый интерес для читателей журнала *Ядерный Контроль* может представлять десятая глава этого раздела, озаглавленная «Контроль над ядерными вооружениями и распространением ОМУ (оружия массового уничтожения. – Ред.)». В ней автор довольно подробно анализирует эволюцию международной системы контроля над ядерными вооружениями и ее текущее состояние, уделяя особое внимание перспективам российско-американского взаимодействия в ядерной области, а также новым способам противодействия распространению ОМУ. В частности, С. В. Картунов подробно останавливается на рассмотрении новой американской стратегии противодействия распространению ОМУ, известной как «контрраспространение» (counterproliferation).

Книга представляет интерес для специалистов по проблемам безопасности, международных отношений, работников государственной службы, а также преподавателей и аспирантов.

STEPHEN J. LUKASIK, SEYMOUR E. GOODMAN AND DAVID W. LONGHURST. PROTECTING CRITICAL INFRASTRUCTURES AGAINST CYBER-ATTACK. Adelphi Paper 359. The International Institute for Strategic Studies, 2003.

Защита критической инфраструктуры (в частности, электрических и телекоммуникационных сетей, транспортной системы) от террористических атак является как никогда актуальной задачей в новую эпоху «супертерроризма». В последнее время, в связи с раз-

витием информационных технологий, функционирование все большего количества объектов, обеспечивающих жизнедеятельность общества, зависит от надежной и бесперебойной работы информационных систем.

Доклад, изданный Международным институтом стратегических исследований, посвящен проблеме защиты информационных систем, обеспечивающих функционирование критической инфраструктуры. Авторы доклада – бывший директор Агентства перспективных исследований Министерства обороны США (DARPA), известный разработкой протоколов в Интернете и организацией инфраструктуры этой сети, а также два ведущих специалиста в области информационной безопасности из США и Великобритании – анализируют уязвимость современных информационных сетей и объектов инфраструктуры для атак со стороны кибертеррористов. На основе анализа стратегического набора возможностей по противодействию этой угрозе авторы предлагают ряд мер как для правительств, так и для частного сектора. В работе приводится система критериев, по которым можно выбрать те или иные меры по противодействию информационным атакам. Авторы стремятся адаптировать свою концепцию применительно к ситуации в конкретных странах – США и Великобритании, проводя детальный анализ уязвимости их национальной инфраструктуры. В заключение авторы доклада указывают на то, что помимо тех мер, которые каждое государство может предпринять самостоятельно, в силу глобального характера проблемы, существует необходимость введения единых международных стандартов и международного сотрудничества в области защиты критической инфраструктуры.

CONTAINING THE ATOM: INTERNATIONAL NEGOTIATIONS ON NUCLEAR SECURITY AND SAFETY/ Edited by Rudolf Avenhaus, Victor Kremenyuk, and Gunnar Sjostedt. Published by Lexington Books, Rowman & Littlefield Publishing Group, Lanham. 2003. 440 p.

Данное издание подготовлено коллективом авторов, работающих в рамках исследовательского проекта «Процессы международных переговоров» под эгидой Международного института прикладного системного анализа (Вена). Целью проекта является выяснение общих черт международных переговоров в различных областях, что могло бы послужить базой для выработки общей теории международных переговоров. Ранее в рамках этого исследовательского проекта были изданы работы по многосторонним переговорам, переговорам по защите окружающей среды, а также по экономическим переговорам. Новый коллективный труд под редакцией профессора Университета федеральных вооруженных сил (Германия) Р. Авенхауса, старшего научного сотрудника Шведского института международных отношений Г. Съестедта и заместителя директора ИСК РАН В. А. Кременюка является результатом трехлетних исследований и посвящен рассмотрению теоретических и практических аспектов международных переговоров по ядерным вопросам.

В первой главе работы дается определение предметной области ядерных переговоров и приводится ряд гипотез, объясняющих их специфические особенности по отношению к переговорам в других предметных областях. Последующие одиннадцать глав книги посвящены анализу отдельных конкретных случаев международных переговоров по ядерным вопросам (включая переговоры по СНВ, ДВЗЯИ, безъядерным зонам, ДНЯО, ядерной программе Северной Кореи и др.). В каждом случае рассматриваются действующие лица, стратегии, процессы, структура и результат переговоров и дается оценка их влияния на различные сферы международной жизни. Эти главы написаны ведущими экспертами в области международной безопасности и переговоров, многие из которых принимали непосредственное участие в анализируемых ими событиях, что, несомненно, повышает как научную, так и практическую ценность данного исследования. В последней главе проводится оценка выдвинутых в первой главе гипотез, формулируются выводы и предлагается ряд рекомендаций по повышению эффективности использования переговоров как инструмента политики в ядерной области.

Главному редактору

Журнал Ядерный Контроль неоднократно обращается на своих страницах к проблеме терроризма во всех его проявлениях. Из последних публикаций на эту тему отмечу статьи Уильяма Поттера и Николаса Флоркина «Многоликий ядерный терроризм» в №1 за 2003 г. и Александра Федорова «Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие» опубликованную в №3 за 2003 г.

В связи с ростом террористической угрозы, хотелось бы отметить следующее:

Вероятность применения террористами оружия массового уничтожения (ОМУ) следует оценить как достаточно высокую. Иначе «Большая восьмерка» не принимала бы много-миллиардные программы, направленные на снижение опасности такого развития событий. Волна терактов прошла по всему миру, причем качество их растет. Террористам важен сам факт слепого мщения. Чем больше жертв, тем больше жажда мщения. Утолить жажду мщения может уже только атомная оргия. Катастрофы 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 23 октября 2002 г. в Москве ничто по сравнению с тем, что может сделать ядерный терроризм.

Последствия теракта с применением оружия массового поражения для мировой энергетической системы могут быть прямыми, если примененный террористами ядерный заряд разрушит, например, важную транспортную артерию. Но гораздо страшнее последствия косвенные – скачки в ценах на энергоносители, падение курса акций энергетических концернов, прекращение поставок энергоносителей, коллапс народнохозяйственных систем. Тут убытки возможны в триллионы долларов.

Превентивные контрмеры: что делать, чтобы предотвратить теракты с использованием оружия массового уничтожения? Это главное направление усилий всех, кто ощущает масштаб своих возможных потерь.

Что мы имеем?

У террористов есть деньги, система и идеология. Судить об их эффективности можно по их плодам. В ответ должна быть создана универсальная система борьбы с терроризмом. Сейчас мы имеем спорадические, бессистемные подачки денег со стороны отдельных правительств, львиная доля которых приходится на одну страну – США. В этом слабость сегодняшней борьбы государств с терроризмом. Все антитеррористические организации напоминают государственные структуры, которые, как известно, малопоротливы.

Мы не имеем морального права отрицать работу правительств мира по созданию новой глобальной системы безопасности. Но в нынешнем виде эта система не отвечает требованиям времени, так как не является всеобъемлющей. Кроме того, она внутренне

противоречива. С одной стороны, мы вроде бы едины. С другой – каждая подсистема потенциально готова враждовать с другой подсистемой. Но не может прочно стоять дом, в котором камни друг от друга отталкиваются. Тем не менее правительственные структуры работают именно так. Они призваны учитывать не только далекие интересы нашего общего выживания, но и близкие национальные интересы. Если взять ООН, решающую подобные задачи, то и она в этом плане есть только более высокая ступень национальной дипломатии.

В мире пока нет серьезной системы противодействия терроризму. Нет профессионального механизма, который работал бы на опережение террористов. Мы только реагируем на их действия. Возможно, меня поправят, но пока мне представляется, что мир идет за терроризмом. Терроризм невидимо управляет миром. Ситуацию нужно менять коренным образом. В мире не существует до конца осознанной проблемы терроризма. Борьбу ведут только те, для кого эта проблема актуальна. Это принципиальная ошибка. В данном случае сила не в мощи одного государства, а в единении всех государств.

Универсальная система борьбы с терроризмом должна состоять из трех частей:

А. Объединение всех религий, проповедующих идеологию мира, для теснейшего сотрудничества в борьбе с общей для всех угрозой терроризма и войн. Систему борьбы с терроризмом нельзя построить на нашем сегодняшнем страхе перед террористами – в таком случае мы будем за ними гоняться и при этом опаздывать. Человеческий страх вообще и страх перед террористами в частности основан на нашей слабой вере в защиту Бога.

Мы не сомневаемся в том, что все террористы будут найдены и наказаны. Однако бомба или пуля, которые убьют террориста, не смогут убить саму идеологию терроризма. Идеологию терроризма победит только идеология мира, которую призваны проповедовать все традиционные религии мира. Система будет иметь успех только в том случае, если будет основываться на идеологии мира и любви, опираться на поддержку всех традиционных религий. Тогда она сможет работать на опережение террора. Это принципиальный момент.

Только подобная концепция мира, любви и разоружения культур в международных отношениях может дать то недостающее фундаментальное обоснование с точки зрения религии, философии и науки и тот импульс к действию, которых остро недостает дипломатам, строящим новую систему безопасности для мира. Мы предлагаем объединить все религии на борьбу с международным терроризмом, строить отношения между ними не вокруг догматических различий между ними, а на основе их совместной борьбы с общими проблемами.

Б. Создание всемирной всеобъемлющей системы контроля за всеми ядерными материалами и всеми видами оружия массового уничтожения. Война в Ираке – итог отсутствия должного контроля в мире за химическим оружием. Печальный итог. Нужно наладить эффективный глобальный учет ядерных материалов, чтобы не было новой войны. Американцы поступают со своей точки зрения вполне логично. Если хотим остановить их от новой войны, надо работать с ними на уровне их логики. США начали бороться с угрозой не теми методами, но у мира есть шанс на организацию подобной системы. США могут выступить инициаторами ее создания. Россия, Великобритания, Франция, Китай, Израиль, Индия и Пакистан должны поддержать США. Сейчас еще возможно обойтись без новой войны.

В. Создание специальной международной структуры по уничтожению международного терроризма с участием как правительств, так и религий и неправительственных организаций. Нам нужна всемирная антитеррористическая организация, своего рода специальный Интерпол по оружию массового уничтожения. Его работа будет очень разноплановой. Потребуются специалисты, которых сегодня просто нет. Юристам предстоит «сесть на шпагат» – под одной крышей предстоит объединить борьбу традиционных религий с идеологией терроризма, работу большого бизнеса по привитию иммунитета к оружию массового уничтожения и терроризму, с крупномасштабными акциями всего мирового сообщества по уничтожению террористических организаций и взятию всего накопленного оружия массового уничтожения под жесткий контроль.

Некоторые тезисы по предотвращению ОМУ-терроризма:

Главная задача универсальной системы борьбы с терроризмом – сделать политику терроризма абсолютно бесполезной. К этой идее надо подключать государство, экономику, политику, право и религии. Нужно искоренять из сознания людей идею о том, что терроризм – это почетно или священно. Это – стратегическое направление работы.

Гражданское общество должно мобилизовать себя на помощь государству, роль которого в жизни общества должна заметно усилиться. Террору ненавистна демократия. Цель террористов состоит в том, чтобы уставшие от жизни в страхе и хаосе народы сами избрали себе диктаторов для наведения порядка. Мы должны сами ужесточить свои законы, всемерно помогать правительственным органам в антитеррористической работе. Необходимо тесное сотрудничество между спецслужбами всех стран. Со временем они обязательно поймают Усаму Бен Ладена и его подручных. Но чтобы на их место не пришли сотни других, предстоит иссушить саму почву терроризма. Эта задача состоит из нескольких составных частей.

Большой бизнес должен помочь политике, даже если это поначалу нанесет ущерб отдельным банкам. Нужна полная прозрачность всех финансовых потоков. Надо закрыть все оффшорные зоны. Нужно решительно покончить с наркобизнесом в мире.

Террористы часто работают не только за деньги, но и «за идею». Им достаточно добыть оружие. Необходимо взять под жесточайший контроль торговлю оружием в мире. Террористам должен быть поставлен надежный барьер. Продавать и покупать оружие должно быть разрешено исключительно в целях национальной безопасности. Участвовать в торговле оружием могут только государственные организации. Необходимо взять под строгий государственный контроль все оружие в мире вплоть до автоматических винтовок. Частные компании должны быть удалены с этого рынка.

Должна быть полностью разрушена существующая система соблазнов для террористов. Сегодня террористам хочется в своих целях использовать атомную электростанцию, нефтяной порт, газопровод и другие системы жизнеобеспечения человека. Постепенно должна быть создана такая система защиты этих объектов, при которой подобного соблазна просто не возникнет.

В настоящее время террористы открыто заявляют, что эти объекты находятся у них на прицеле. Им нравится запугивать мир подобным образом. Мир должен незамедлительно принять законы, по которым сам факт такого запугивания должен преследоваться в уголовном порядке, так же как и словесное разжигание межнациональной вражды. Даже словесное запугивание разрушением систем жизнеобеспечения является преступлением против человечества. Нашим ответом на террор должны стать новые жесткие законы, и нельзя давать никаких послаблений в их реализации. США и Россия должны показать пример. Странам, пока не испытавшим на себе террора, лучше быстро последовать этому примеру, а не ждать, когда придет их черед.

Многие миллионы объектов обеспечения жизнедеятельности человека могут попасть под прицел террористов. Заранее предугадать, какую цель выбрали террористы, практически невозможно. Поэтому, по большому счету, защищать надо не только объекты, надо защищать сознание людей от идей терроризма. Террористы хотят разрушить объект, но им еще важнее психологическое воздействие своего преступления на настроение больших масс людей. Важнейшая задача – поставить мощный государственный заслон идеологии терроризма. Когда станет ясно, что терроризм не проходит, что террористические методы непопулярны, только тогда можно будет сказать, что борьба с терроризмом сдвинулась с мертвой точки. Надо показать всем, что терроризм бесперспективен перед мощью государственной машины. Пока этого не видно.

Терроризм очень ловко использует безалаберность и самоуспокоенность тех, кто считает, что они сделали все необходимое для обеспечения безопасности граждан. Так было 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 23 октября 2002 г. в Москве. Наша самоуспокоенность помогает террористам нанести наиболее точный удар. После 11 сентября 2001 г. мы в России мобилизовали себя. Но произошел парадокс: наша мобилизация позволила нам же успокоиться. Классический случай самоуспокоенности – теракт в московском театре.

Нам нужен другой тип мобилизации. Это должно стать системой или нормой жизни. Очень, конечно, жаль, но если делать это серьезно, то эта мобилизованность нам будет нужна еще очень долго, до тех пор, пока во всем мире не искореним идеологию терроризма и ее носителей. И не надо стесняться сгущать краски в наших действиях против терроризма.

Каждое государство обязано создать национальную систему, защищающую право своих граждан на свободу жизни без терроризма. Сегодня перед лицом угрозы ядерного, химического или бактериологического терроризма беззащитны все, включая и хорошо охраняемых глав государств. Это новая реальность, которую всем следует как можно быстрее осознать.

Большой бизнес мог бы активно последовать примеру Теда Тернера, вложившего 250 млн долл. в свой фонд по уменьшению ядерной угрозы, включиться в прямую борьбу с терроризмом, влиять на политику своих правительств, побуждая их к усилению борьбы с угрозой терроризма.

Энергетические компании могли бы использовать свой вес в исламских странах. Нужно найти правильную платформу взаимоотношений США, Евросоюза, НАТО, России с арабами и руководителями мусульман. У нас общие проблемы, нужно находить общие подходы к их решению. Нужно выработать единую объединяющую основу. Никто не застрахован от терроризма, в том числе и сами арабские страны. Терроризм в любом случае будет искать отдушину. Взрыв в Эль-Рияде тому подтверждение.

Энергетические компании должны прийти к пониманию того, что сверхприбыли от роста цен на энергоносители неизбежно будут уничтожены паникой на рынках, вызванной терактами с использованием оружия массового уничтожения. Мы реалисты и понимаем свою беспомощность перед интересами тех, кто получает сверхприбыль от роста цен на нефть. Но у нас нет выбора, мы должны доказать им, что война никогда не может принести доходов, что она всегда убыточна.

Можно взять под контроль все энергетические ресурсы планеты. Но если серия ядерных терактов и ответных ударов обрушит валютные операции и остановит мировую торговлю, то при нынешней глубине международного разделения труда мировой кризис 1929 г. вспомнится как романтическое приключение. Большой бизнес должен прекратить игру на войне.

Минимизировать ущерб от ОМУ-терроризма

Необходимо в кратчайшие сроки сделать глобальные системы жизнеобеспечения человечества максимально неуязвимыми к последствиям террористических атак. Это касается прежде всего глобальных энергетических рынков: нефтяного, электроэнергетического, в особенности ядерного, и газового; мировой финансовой системы: банков, фондовых рынков, страховых компаний, в особенности занимающихся накопительным страхованием и перестрахованием. Основные инвестиционные средства в мировой экономике, включая и большую энергетику, мы черпаем из системы страховых компаний и пенсионных фондов. ОМУ-терроризм может уничтожить всю систему долгосрочного инвестирования. Необходимо серьезно переработать правовую базу страхования, подготовить ее к новым испытаниям. Нужны свежие системные решения.

Хотел бы закончить одной простой мыслью. Государства и народы стремительно теряют взаимное уважение. Если они перестанут уважать друг друга – тогда будут только воевать между собой. У нас общая большая беда – международный терроризм, рвущийся к оружию массового уничтожения. В одиночку нам с терроризмом не совладать. Мы имеем реальный шанс сплотиться на всех уровнях организации общества и, работая плечом к плечу, как в годы антигитлеровской коалиции, научиться с уважением относиться к своим партнерам.

Андрей Быков

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Вызов супертерроризма. №1, Весна 2003, с.7

Международные режимы нераспространения: терапевты справятся лучше хирургов. №2, Лето 2003, с.9

После Эвиана: сделать так, чтобы документы саммита не стали водой. Осень 2003, с.7

“Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации”: идем в ногу со временем? №4, Зима 2003, с. 7

ИНТЕРВЬЮ

Юрий Балуевский: Договор СНП отвечает интересам России и сегодня, и в перспективе. №1, Весна 2003, с.9

Михаил Маргелов: Национальные интересы России и США не противоречат друг другу. №2, Лето 2003, с.11

Дмитрий Рогозин: Протокольными нотами мировая история не пишется. №3, Осень 2003, с.9

Сергей Антипов: Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока еще не пересек никто. №4, Зима 2003, с. 9

АНАЛИЗ

Вадим Козюлин. ВТС: российско-израильское противостояние. №1, Весна 2003, с.17

Уильям Поттер, Николас Флоркин. Многоликий ядерный терроризм. №1, Весна 2003, с.71

Наталья Калинина. Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. №1, Весна 2003, с.89

Новиков Владимир. Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. №2, Лето 2003, с.17

Василий Лата, Антон Хлопков. Иран: ракетно-ядерная загадка для России. №2, Лето 2003, с.39

Вячеслав Пушкарев. Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. №2, Лето 2003, с.57

Дмитрий Ковчегин. Международный рынок ОЯТ: есть ли у России перспективы? №2, Лето 2003, с.89

Юрий Подгорных, Евгений Сиротин. Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. №2, Лето 2003, с.91

Андрей Фролов. Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом. №2, Лето 2003, с. 101

Роланд Тимербаев. Ближний Восток и атомная проблема. №3, Осень 2003, с.15

Александр Калядин. Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. №3, Осень 2003, с. 49

Василий Лата. Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России. №3, Осень 2003, с.59

Николай Соков. Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? №3, Осень 2003, с.71

Анатолий Анин. Глобальное партнерство на распутье. №4, Зима 2003, с.15

Роланд Тимербаев. О роли ООН в сегодняшнем мире. №4, Зима 2003, с.25

Игорь Голоскоков. Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России. №4, Зима 2003, с.39

ПОЛЕМИКА

Александр Савельев. Новый смысл взаимного ядерного сдерживания. №1, Весна 2003, с.123

Виктор Есин. Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. №1, Весна 2003, с.131

Джон Волфстал. Ядерная политика США и будущее контроля над вооружениями. №1, Весна 2003, с.137

Андрей Пионтковский. Кризис институтов безопасности в свете иракского конфликта. №2, Лето 2003, с.121

Евгений Сатановский. Мир после иракской войны. №3, Осень 2003, с.87

Константин Эггерт. НАТО, Россия и угрозы нового века. №3, Осень 2003, с.95

Гейдар Али Балуджи. О ядерном выборе Ирана. №4, Зима 2003, с.51

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Александр Бедрицкий, Юрий Володин, Владимир Дворкин, Элина Кириченко, Анатолий Коробейников, Константин Косачев, Федор Ладыгин, Валерий Лисица, Владимир Мельников, Владимир Орлов, Николай Пономарев-Степной, Бахтияр Тузмухамедов, Александр Федоров. Международный терроризм с использованием оружия массового уничтожения: миф или реальность? №4, Зима 2003, с.61

КОММЕНТАРИЙ

Анатолий Лучин, Виталий Федченко. Ядерное будущее Мьянмы. №1, Весна 2003, с.143

Сергей Якимов. Система экспортного контроля в Российской Федерации. №1, Весна 2003, с.151

Владимир Дворкин. О предварительных уроках войны в Ираке. №2, Лето 2003, с.125

Дмитрий Евстафьев. Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные

сценарии развития. №2, Лето 2003, с.131

Роланд Тимербаев. О ходе подготовки к Обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. №3, Осень 2003, с.101

Василий Лата. Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности. №4, Зима 2003, с.81

Виктор Есин. Пути противодействия международному терроризму. №4, Зима 2003, с.89

Илья Фабричников. Ядерные грезы Бразилии. №4, Зима 2003, с.95

ОБЗОР

Евгений Зведре. Глобальная система экспортного контроля и международный кодекс поведения. №1, Весна 2003, с.155

Виктор Лихачев. Проблема бесхозных радиоактивных источников: пути решения. №2, Лето 2003, с.139

Андрей Фролов. Россия и Франция в зеркале Глобального партнерства. №2, Лето 2003, с.147

Александр Федоров. Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие. №3, Осень 2003, с.109

Виктор Козлов. Перспективы российского атомного экспорта. №3, Осень 2003, с.119

Элина Кириченко. Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации. №3, Осень 2003, с.127

Наталья Белобородова. Глобальное партнерство в российско-японских отношениях. №3, Осень 2003, с.139

Василий Лата. Стратегические Ядерные Силы и обеспечение ядерной безопасности государства. №4, Зима 2003, с.101

Бахтияр Тузмухамедов. Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика. №4, Зима 2003, с.117

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Светлана Ковалева. “Я даже для одной бомбы не вижу применения”. Об академике Льве Феокистове. №1, Весна 2003, с.165

Борис Юринов, Эдуард Шарапов. Герой России. №3, Осень 2003, с.157

Илья Фабричников, Андрей Фролов. Контрраспространение: хорошо забытое старое. №4, Зима 2003, с.137

БИБЛИОТЕКА

Роланд Тимербаев. Непроложенным курсом. Малькольм Чалмерс и Уильям Уокер. Соединенное Королевство, ядерное оружие и вопрос о Шотландии. Таквелл Пресс, 2001. xii+196 с. №1, Весна 2003, с.183

Светлана Ковалева. Рожденная атомным веком. Сборник исторических очерков, документов и воспоминаний ветеранов к 40-летию создания в СССР Службы специального контроля Министерства обороны. Под редакцией А.П. Васильева. В 3-х частях. М., 2002. №1, Весна 2003, с.187

Роланд Тимербаев. Смертоносные арсеналы. Справочник о распространении оружия массового уничтожения. Джозеф Сирынсионе, Джон Волфстал и Мириам Раджжумар.

Фонд Карнеги за международный мир. Вашингтон, 2002. X+466 с. №2, Лето 2003, с. 161

Алексей Обухов. Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX веке. №3, Осень 2003, с. 165

Роланд Тимербаев. Тритий – заморозить. Новый опасный союз между ядерным оружием и ядерной энергетикой. Кеннет Бергерон. Кембридж. Массачусетс, Лондон: The MIT Press, 2002. 234 с №4, Зима 2003, с.151

Михаил Лебедев. Распространение ядерного оружия: спор продолжается. Скотт Саган, Кеннет Уолтц, Нортон анд Компани. Нью-Йорк - Лондон, 2003. №4, Зима 2003, с.153

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Ежегодник СИПРИ 2001. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2002. 1047 с. Весна 2003, с.191

Братство бомбы: запутанная жизнь и лояльность Роберта Оппенгеймера, Эрнста Лоуренса и Эдварда Теллера. Хркен Грег. Нью-Йорк: Генри Холт энд Компани, 2002. 464 с. Весна 2003, с.191

Воспоминания. Рокфеллер Дэвид. Нью-Йорк: Рэндом Хауз, 2002. 496 с. Весна 2003, с.192

Мировая политика. Лебедева М.М. М.: Аспект-Пресс, 2003. 351 с. №2, Лето 2003, с.163

Современная российская военная журналистика: опыт, проблемы, перспективы. М.: Гендальф, 2002. 251 с. №2, Лето 2003, с.163

Вокруг атомной энергии: правда и вымыслы. Колдобский А.Б.,Насонов В.П. М.: Московский инженерно-физический институт, 2002. 115 с.

№2, Лето 2003, с. 164

Beyond the nuclear shadow: a phased approach for improving nuclear safety and U.S-Russian relations. David E. Mosher, Lowell H. Schwartz, David R. Howell, Lynn E. Davis, RAND, 2003. 153 p. №3, Осень 2003, с.169

Нужна ли Америке внешняя политика? Киссинджер Г. М.: Ладомир, 2002. – 352 с. №3, Осень 2003, с.169

Adelphi paper 355: The role of the G8 in international peace and security. Risto E. J. Penttila, The International Institute for Strategic Studies, 2003. 104 p. №3, Осень 2003, с.170

Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. С.В. Картунов. – М.: Наука, 2003. – 612 с. №4, Зима 2003, с.157

Adelphi Paper 359. Protecting critical infrastructures against cyber-attack.. Stephen J. Lukasik, Seymour E. Goodman and David W. Longhurst. The International Institute for Strategic Studies, 2003. №4, Зима 2003, с. 157

Containing the atom: international negotiations on nuclear security and safety. Edited by Rudolf Avenhaus, Victor Kremenyuk, and Gunnar Sjostedt. Lexington Books, Rowman & Littlefield Publishing Group, Lanham. 440. №4, Зима 2003, с. 158

SUMMARY

The editorial “**Urgent Tasks for the Development of the Armed Forces of the Russian Federation: Are We In Step With the Times?**” analyzes the advantages and disadvantages of Russia’s recent “White Book on Defense.”

This essay assesses the state of the Russian armed forces, surveys possible threats, and reviews the nature of modern wars and conflicts. It indicates that the Russian leadership shares the principles of U.S. military policy, which recognizes the unpredictability of the global military and political situation since the end of the bipolar system.

At the same time, the article notes that the new doctrine espoused by the Ministry of Defense raises several questions. First of all, it proclaims the end of military reform, even though a mismatch between declared aims and available resources remains. Furthermore, there is no real difference between the principles underlying the new doctrine and the military doctrine of 2000.

In an interview of Sergey Antipov by *Yaderny Kontrol* editor in chief Vladimir Orlov, called “**Nuclear Submarine Dismantlement: No One Has Yet Crossed the Finish Line,**” the Russian Deputy Minister of Atomic Energy speaks out on a number of critical issues, such as Minatom’s role as a coordinator of programs related to the MNEPR agreement, and various aspects of nuclear submarine dismantlement in light of cooperation under the framework of the Global Partnership as well as the recent loss of the K-159 submarine.

Giving his estimation of MNEPR, Antipov notes that “if MNEPR overcomes all of the difficulties related to ratification, it could become the universal organizational and legal basis for the realization of many different types of cooperation, from Global Partnership to bilateral projects.”

Concerning the question of financing nuclear submarine dismantlement, Antipov noted that “at present Russian financing is not sufficient to undertake the tasks we find before us. Therefore we have turned the attention of the world community to this problem and are waiting for assistance, particularly of a financial nature. Unfortunately, we have not received a sufficient quantity to date.”

In his article “**The Global Partnership at a Crossroads,**” Anatoliy Anin examines the prospects for the development of the Global Partnership program, from Kananaskis to Sea Island. The author notes that clear successes include the disposition of chemical weapons and dismantlement of nuclear-powered submarines.

In Anin’s opinion, “one of the most important tasks in the coming year is the continuation of work on the establishment of the legal basis needed for Global Partnership cooperation. Current bilateral agreements with the United States, Japan, Germany, and the United Kingdom make progress possible. Similar agreements must be worked out with Italy and

Canada. Questions regarding interaction in the field of chemical weapons destruction remain with France.”

Roland Timerbayev’s article **“On the Role of the United Nations Today”** analyzes the reasons for the crisis in which the UN finds itself at present. Timerbayev focuses particular attention on the negative consequences of U.S. policy towards the United Nations.

The senior PIR Center adviser examines the UN’s ability to regulate conflicts, evaluates different methods for reforming the organization in order for it to avoid the fate of the League of Nations, and examines in detail the positions of UN Security Council permanent members toward reform of this body.

In the article **“The Reform of Ministry of Internal Affairs Detachments Guarding Russian Nuclear Facilities,”** Deputy Director of the Siberian Chemical Combine Igor Goloskokov examines the developments that have resulted in the need for a revision of current Minatom facility protection practices. The author notes that in view of the great potential danger emanating from these facilities, the consequences of inadequate protection could be catastrophic.

Using the Siberian Chemical Combine’s physical protection system as an example, the author analyzes the advantages and disadvantages of the two prevailing security systems: the practice of using Internal Ministry troops to protect facilities and the use of Minatom’s own detachments.

Iranian Institute for Political and International Studies (IPIS) researcher Heidar Ali Balouji, in his article **“On Iran’s Nuclear Choice,”** presents the Iranian position regarding charges concerning the Iranian nuclear program, and also the motives that lie behind such charges. The Iranian expert notes that hypothetically “Iran’s poor nuclear arsenal would be useless against weak neighbors and ineffective against the large nuclear arsenal of such powerful enemies as the United States. Moreover, any Iranian attempt to get nuclear weapons could provoke a preemptive attack.” The author devotes considerable attention to Iran’s position with regards to its nuclear program, and also discusses nuclear disarmament and Iran’s national interests.

In materials on a round table, entitled **“International Terrorism Using Weapons of Mass Destruction,”** that occurred at the Russian Federal Assembly Federation Council with the participation of PIR Center Director Vladimir Orlov; Federation Council International Affairs Committee Expert Council Chairman Anatoliy Korobeynikov; Vladimir Melnikov, Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Defense and Security; Leonid Bindar, member of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation; Fedor Ladygin, East-West Energy Dialogue Institute advisor; Oleg Nechiporenko, General Director of the National Anticriminal and Antiterrorist Foundation; Nikolay Ponomarev-Stepnoy, Russian Academy of Science academician and Vice President of the Kurchatov Institute (Russian Research Center) and others, the opinions of Russian experts on urgent questions related to WMD terrorism are presented, including the vulnerability of state and megalopolis infrastructure to terrorism, and measures to fight terrorism.

In PIR Center Research Council member Colonel General Viktor Yesin’s article **“Ways to Counter International Terrorism,”** the author analyzes the social and ideological reasons for the rise of international terrorism. Yesin believes that international terrorism is begetting new and serious threats to the security of both individual states and the world community as a whole. In the article he argues that “the use of armed methods (force) alone to combat terrorism leads to a dead end: violence generates violence.” The author proposes several ways to fight the escalation of international terrorism, as well as to restrain it, based first and foremost on the establishment of a consolidated international system for combating terrorism.

In his article **“Nuclear Security and the Human Factor,”** the senior PIR Center adviser Vasilii Lata examines one of the most important factors in ensuring the security of nuclear missiles: the psychological state of the soldiers operating them.

The author analyzes the foundations of the psychological component of the security system in military units that handle nuclear missiles, such as educational and psychological work with

personnel. The results of sociological studies carried out among the troops were widely used in this analysis.

In the beginning of 2003, Brazil's new Minister of Science and Technology, Roberto Amaral, stated that his country should obtain nuclear weapon technology. However, is Brazil capable of building these deadly weapons? In his article **"Nuclear Dreams of Brazil,"** Ilya Fabrichnikov answers this question through an analysis of the current state of Brazil's nuclear industry, and also the Brazilian political leadership's intentions in the development of peaceful atomic power engineering and the national economy in pursuit of this task.

National security can be strengthened not only through an increase in armaments, but also via the mutual reduction of armed forces, all types of military equipment, and weapons on the basis of international agreements, writes Vasilii Lata in his article **"Strategic Nuclear Forces and the Provision of National Security."**

In the author's opinion, it was precisely the excessive militarization of the economy that destroyed the Soviet economy and national security. Examining the process of reducing strategic armaments in the USSR, the author comes to the conclusion that a reduction in strategic nuclear forces does not automatically lead to a reduction of security, and that the ability to cause unacceptable damage to an aggressor can be maintained.

In an article by Bakhtiyar Tuzmukhamedov, Counselor in the Department of International Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, entitled **"Russian Soldiers in International Joint Operations: Constitutional-Legal Procedures and Practices,"** the author examines both Soviet and Russian legal regulations governing procedures for making the decision to dispatch military contingents abroad, as well as current arrangements and their application in practice. The transformation of the relationship of the executive branch towards the use of our armed forces abroad and the application of existing procedures in practice is demonstrated. A little-known Russian Constitutional Court resolution relating directly to this subject is described in detail.

Ilya Fabrichnikov and Andrey Frolov, in their article **"Counterproliferation: There's Nothing New Under the Sun,"** examine the first practical example of counterproliferation: Israel's 1979-1981 actions to sabotage the Iraqi nuclear program. The authors examine Israeli actions in France and Iraq, as a result of which the Iraqi nuclear program was stopped. The article also analyzes possible scenarios for the destruction of Iranian nuclear facilities.

РОССИЯ в ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Сила знаний и компетентности

*Журнал для тех, кто хочет знать,
как устроен мир в эпоху глобализации*

«Россия в глобальной политике» — это уникальное издание, на страницах которого лучшие российские и иностранные исследователи делятся своим видением национальных приоритетов России и ее перспектив в новом мире.

«Россия в глобальной политике» — это площадка для диалога ведущих экспертов и журналистов, политиков и предпринимателей, общественных деятелей и ученых из разных стран о животрепещущих проблемах в области безопасности, экономики и общественного развития.

«Россия в глобальной политике» — это возможность познакомиться с эксклюзивными материалами ведущих аналитических центров и лучшими публикациями из журнала *Foreign Affairs* — самого влиятельного американского издания.

Редакционный совет «России в глобальной политике» — это настоящая сборная звезд мировой политики и политологии, среди которых Гельмут Коль, Мартти Ахтисаари, Карл Бильдт, Карл Кайзер, Тьерри де Монбриаль, Хорст Тельчик, Джеймс Хоуг, Алексей Арбагов, Игорь Иванов, Сергей Караганов, Александр Лившиц, Владимир Лукин, Вячеслав Никонов, Евгений Примаков, Сергей Приходько, Сергей Ястржембский и другие.

Журнал выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Объем: 224 полосы.

Подписка: subscribe@globalaffairs.ru

Тел.: +7 095 206-8573

Факс: +7 095 206-8661

E-mail: info@globalaffairs.ru

**Хотите понимать законы, по которым развивается современный мир?
Присоединяйтесь к нашей аудитории!**

www.globalaffairs.ru

Антипов Сергей Викторович – заместитель министра Российской Федерации по атомной энергии, кандидат физико-математических наук, доцент общественно-правовых дисциплин. Родился 11 октября 1948 г. В 1972 г. окончил Московский инженерно-физический институт. С 1972 по 2002 г. – в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова. В 1989 г. назначен помощником директора института. С ноября 2002 г. – заместитель министра Российской Федерации по атомной энергии. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Сфера научных интересов – проблемы нераспространения, физической защиты, контроля и учета ядерных материалов. Автор более 50 научных статей и докладов.

Балуджи Гейдар Али – научный сотрудник института политических и международных исследований, Тегеран, Иран. Эксперт в области нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями.

Бедрицкий Александр Владимирович – родился 10 января 1971 г. Закончил МАТИ им. Циолковского. Является научным сотрудником Российского института стратегических исследований. Сфера научных интересов: военное строительство зарубежных стран и проблема информационной безопасности

Быков Андрей Юрьевич – председатель Научного совета Академического центра стратегического партнерства и энергетической безопасности, г. Москва. Родился в Москве в 1963 г. В 1985 г. окончил МГИМО и до 1992 г. работал в Министерстве иностранных дел. С 1992 г. занимается научной и консалтинговой практикой. Основная специализация работы А.Быкова – нераспространение ОМУ, борьба с международным терроризмом, топливно-ядерный цикл и углеводородное сырье. Автор двух книг: «Российский оружейный плутоний и западный вариант» и «Устойчивое разоружение». А.Ю.Быков является советником Экономического управления Президента РФ и министра РФ по атомной энергии.

Володин Юрий Георгиевич – руководитель управления по надзору за учетом и контролем ядерных материалов, обеспечением гарантий их нераспространения и физической защиты Госатомнадзора. Родился в 1947 году. В 1971 году закончил Московский инженерно-физический институт. 1971-1982 гг. проработал в Институте атомной энергии им. академика И.В. Курчатова (в настоящее время РНЦ «Курчатовский институт») в отделении ядерных реакторов. Занимался вопросами ядерной безопасности, динамикой реакторов, исследованием аварий связанных с реактивностью. С 1982 по 1987 инспектор в Департаменте гарантий в МАГАТЭ. С 1987 г. – в Федеральном надзоре России по ядерной и радиационной безопасности.

Голоскоков Игорь Владимирович – заместитель генерального директора Сибирского химического комбината Минатома России по безопасности. Родился 23 октября 1956 г. в

Томской области. В 1979 г. окончил Томский политехнический институт. Три года работал в Управлении «Химстрой», г.Томск-7. В течение 15 лет служил в системе ФАПСИ на технической, аналитической и руководящей работе. В 1996 г. окончил Московскую юридическую академию. С февраля 1998 г., в указанной должности, на крупнейшем предприятии атомной отрасли России. Автор более 20 публикаций по вопросам контртеррористической защиты объектов Минатома, по проблемам международного сотрудничества в области нераспространения, по истории режимно-секретных служб Минатома.

Дворкин Владимир Зиновьевич – старший советник ПИР-Центра, генерал-майор. Родился 12 января 1936 года в Ленинграде. В 1958 году окончил Высшее военно-морское училище. С 1958 по 1962 годы работал на Государственном Центральном морском полигоне. Участвовал в испытаниях первых отечественных атомных подводных ракетоносцев и первых пусках баллистических ракет из-под воды. В 1974 году Владимир Дворкин защитил докторскую диссертацию. С 1962 до 2001 годы работал в 4-м ЦНИИ министерства обороны, в том числе с 1993 года – начальником института. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор более 350 научных трудов и многочисленных публикаций в российских научных журналах и еженедельниках, включая *Ядерный Контроль* и *Независимое Военное Обозрение*. Редактор монографии: «Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности» (М., ПИР-Центр, 2002).

Есин Виктор Иванович – генерал-полковник запаса. Родился 14 февраля 1937 г. В Вооруженных силах СССР и России прослужил около 40 лет. Последняя должность в Вооруженных силах России (1994 – 1996 гг.) – начальник Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения – первый заместитель Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения. С декабря 1996 г. по февраль 2002 г. работал в администрации Президента Российской Федерации (вначале начальник отдела – заместитель руководителя аппарата Совета обороны Российской Федерации, а с апреля 1998 г. – начальник управления аппарата Совета безопасности Российской Федерации). В 1961 г. окончил Военную артиллерийскую инженерную академию им. Ф.Э. Дзержинского и в 1983 г. Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Кандидат военных наук, профессор. Действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. В настоящее время является первым вице-президентом общественной российской Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

Кириченко Элина Всеволодовна – руководитель Центра Североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. В 1963 г. окончила экономический факультет Московского государственного университета. В 1967 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. С 1968 г. работает в ИМЭМО РАН. В 1996-1999 гг. занимала пост старшего научного сотрудника Центра международной торговли и безопасности при Университете штата Джорджия (США). Член ученого совета ИМЭМО РАН и редакционной коллегии журнала *Мировая экономика и международные отношения*. Член Совета консультантов бюллетеня *Экспортный контроль в России*, выпускаемого ЦПЭК, Института обращения с ядерными материалами. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Круг научных интересов – проблемы глобализации, нераспространения ОМУ и политики экспортного контроля. Автор многочисленных публикаций.

Кобяков Даниил Олегович – научный сотрудник ПИР-Центра, координатор проектов «Совместное уменьшение угрозы и Глобальное партнерство» и «Серые зоны распространения». Родился в 1978 г. в Санкт-Петербурге. В 1999 г. с отличием закончил факультет международных отношений СПбГУ, в 2002 г. магистратуру Монтерейского института международных исследований. В январе – сентябре 2002 г. проходил стажировку в секретариате Конференции по разоружению в Женеве. В июне 2003 г. с отличием окончил магистратуру МГИМО. Области научных интересов включают вопросы международной безопасности, в том числе нераспространения ОМУ, разоружения и международных переговоров.

Коробейников Анатолий Антонович- член Комитета Совета Федерации по международным делам, представитель правительства Ставропольского края. Родился 3 октября

1937 г. 1963 – 1968 – комсомольская работа в Ставропольском крае. 1968 – 1970 – секретарь Ленинского райкома КПСС г. Ставрополя. 1970 – 1973 – аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС. 1973 – 1987 – заведующий отделом, секретарь Ставропольского крайкома КПСС по идеологии. 1987 – 1989 – первый заместитель министра просвещения СССР. 1989 – 1994 – Генеральный консул СССР/России в ФРГ. 1994 – 2001 – заместитель начальника Аналитического управления Государственной Думы ФС РФ. С 25 января 2001 года – Представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ставропольского края.

Косачев Константин Иосифович – заместитель председателя Комитета Государственной Думы 3 созыва по международным делам. Родился 17 сентября 1962 г. В 1984 с отличием окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате и загранучреждениях МИД СССР и России, в том числе в Швеции в качестве советника посольства. Принимал участие в ряде международных конференций по вопросам европейской безопасности и разоружения. Входил в группу советников Министра иностранных дел РФ. Являлся заместителем директора 2-го Европейского департамента МИД России. С мая 1998 – советник, затем помощник по международным вопросам премьер-министров С. В. Кириенко, Е.М. Примакова, С. В. Степашина. Занимал должность заместителя руководителя Секретариата Председателя Правительства РФ С.В. Степашина. 19 декабря 1999 избран депутатом Государственной Думы РФ третьего созыва. Являлся заместителем председателя фракции ОВР в Государственной Думе.

Ладыгин Федор Иванович – генерал-полковник запаса. Родился 10 марта 1937 года. В 1959 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е. Жуковского. В 1984 г. – Высшие академические курсы Военной академии Генштаба. С 1954 по 1997 г. – в Вооруженных силах СССР и РФ. Проходил службу на офицерских должностях в Ракетных войсках стратегического назначения, научно-исследовательских учреждениях Министерства обороны, Генеральном штабе Вооруженных сил. В 1990-1992 гг. – начальник Международно-договорного управления Генерального штаба. Принимал непосредственное участие в подготовке международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и разоружением, в том числе Договора СНВ-1, Договора об ограничении обычных вооруженных сил в Европе, Договора по «открытому небу», Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении, документов по мерам укрепления доверия, безопасности и сотрудничеству в Европе и др. В 1992-1997 гг. – Начальник Главного управления Генерального штаба – Заместитель Начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Член Экспертно-консультативного Совета ПИР-Центра. Председатель Комиссии по международной безопасности Экспертного Совета при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ, член Экспертного Совета при Комитете по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член Центрального Совета Внешнеполитической Ассоциации.

Лата Василий Филиппович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, доктор военных наук. Родился 24 января 1944 г. В 1974 г. поступил и в 1976 г. окончил командный факультет ВА им Ф.Э. Дзержинского. Затем служил на должности начальника штаба ракетного полка. С 1981 по 1999 г. служил в Центральном аппарате Главного штаба РВСН на должностях научного сотрудника, старшего офицера отдела, затем старшего офицера Управления оперативной подготовки Генштаба. Был слушателем Академии Генштаба (1987–1989 гг.) и снова начальником отдела Главного штаба РВСН. В последующем – начальник направления и первый заместитель начальника Управления военной политики МО РФ, затем начальник Оперативного управления Главного штаба РВСН и первый заместитель начальника Главного штаба РВСН (до июля 1999 г.). Уволился по достижении предельного возраста службы. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). В настоящее время также работает ведущим научным сотрудником Военной академии РВСН и является доцентом Военной академии Генштаба.

Лебедев Михаил Владимирович – студент 1-го курса магистратуры МГИМО. Родился 11 января 1983 г. В 2003 г. окончил факультет политологии МГИМО. Сфера научных интересов – мировая политика, проблемы безопасности.

Лисица Валерий Николаевич – кандидат технических наук, полковник запаса. С 1982 г. специализируется в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени. В 1996 г. уволен в запас с должности заместителя начальника всероссийского научно-исследовательского института МЧС России по научной работе. С 1996 г. является генеральным директором ГУП г. Москвы «Экспертно-инновационный центр по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям». Один из руководителей разработки Концепций безопасности Москвы, Концепции развития гражданской обороны г. Москвы и ряда других проектов в области безопасности мегаполисов.

Орлов Владимир Андреевич – создатель ПИР-Центра; директор и член Совета ПИР-Центра с момента основания; главный редактор журнала Ядерный Контроль; член Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской Академии наук; консультант ООН. Родился в 1968 г. в г. Москве. В 1990 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД РФ по специальности «международная журналистика». Кандидат политических наук, крупный специалист в области нераспространения ядерного оружия и экспортного контроля, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам и ядерного терроризма, имеющий большой опыт исследовательской и журналистской работы. Работал в качестве политического обозревателя, начальника отдела, вице-президента и члена Совета директоров газеты Московские Новости. Соавтор и редактор ряда книг по ядерному нераспространению, изданных в России и за рубежом, в том числе: «Dismantling the Cold War» (1997), «Dangerous Weapons, Desperate States» (1999), сборника статей «Экспортный Контроль в России: политика и практика» (2000), справочника «Контроль над ядерными вооружениями и военной деятельностью» (2001), учебника «Ядерное нераспространение» в 2-х томах (2002). Является автором публикаций в газетах Независимое военное обозрение, Время новостей, Московские новости, в журналах Итоги, Ядерный Контроль, Bulletin of the Atomic Scientists, Nonproliferation Review, Pro et Contra и в других российских и зарубежных изданиях.

Пономарев-Степной Николай Николаевич – вице-президент Российского научного центра «Курчатовский институт». Академик РАН, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий. С 1979 г. – по настоящее время – главный редактор журнала Атомная энергия. С 1989 г. – по настоящее время – член редакционной коллегии журнала Nuclear Science and Engineering. В 1992 – 1993 годах. – президент Ядерного общества. С 1995 г. – по настоящее время – председатель научного совета по Атомной энергетике РАН. В настоящее время – член научного совета МАЭ РФ, член Ядерного общества России. Участвовал в ряде промышленных разработок: атомный самолет (КАР), ядерный ракетный двигатель (ИВГ), термоэлектрический реактор-преобразователь (Ромашка), космическая ядерная термоэмиссионная установка (Енисей) и др. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Тимербаев Роланд Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), старший советник ПИР-Центра. В 1949 г. окончил МГИМО. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль за ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России при международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000. Автор двух глав учебного пособия для студентов вузов

«Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: Библиотека ПИР-Центра, 2000 и 2002. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001; монографии «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях». М.: Библиотека ПИР-Центра, 2001, и работы «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы», *Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, №17, и работы «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003. №22.

Тузмухамедов Бахтияр Раисович – советник Конституционного суда РФ, государственный советник юстиции III класса. Кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ. Советник делегации СССР в Специальном комитете ООН по Индийскому океану, член группы экспертов Института ООН по исследованию проблем разоружения, советник по гражданским вопросам Сил ООН по охране в Боснии и Герцеговине, член группы экспертов Международного комитета Красного Креста по изучению обычных норм международного гуманитарного права. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Заместитель главного редактора московского *Журнала международного права*, член Исполкома Российской ассоциации международного права, со-докладчик Комитета по праву контроля над вооружениями и разоружению Всемирной Ассоциации международного права, член Американского общества международного права. Автор монографии «Зоны мира» (Москва, 1986) и соавтор ряда коллективных трудов, опубликованных в России (СССР), США и в других странах, в том числе: *International Law and International Security. Military and Political Dimensions*. Armonk, NY, London, 1991; *Challenges of Peace Operations: Into the 21st Century*. Stockholm, 2002; *Democratic Accountability and the Use of Force in International Law*. Cambridge, 2003, а также многих газетных и журнальных статей, главным образом по проблемам международного мира и безопасности.

Фабричник Илья Сергеевич – сотрудник компании «Центр специальных технологий», аспирант Российского университета дружбы народов. Родился в 1979 г. В 2003 г. с отличием окончил магистратуру факультета международной журналистики Российского университета дружбы народов. В 2002–2003 гг. занимал должность младшего научного сотрудника ПИР-Центра, являлся выпускающим редактором журнала *Ядерный Контроль*. Круг научных интересов включает различные аспекты глобальной и региональной безопасности, внешнюю политику Российской Федерации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, вопросы государственной информационной безопасности.

Федоров Александр Валентинович – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (факультет вычислительной математики и кибернетики) и в 1981 г. – аспирантуру МГУ. Имеет ученую степень кандидата физико-математических наук и научное звание старшего научного сотрудника. После окончания учебы работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной информационной безопасности и борьбы с международным терроризмом. Редактор и соавтор монографий «Информационные вызовы национальной и международной безопасности» и «Супертерроризм: новый вызов нового века».

Фролов Андрей Львович – младший научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра, координатор проекта «Экспортный контроль». Родился в 1979 г. Выпускник российско-французской магистратуры МГИМО 2003 г. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. С сентября 2002 по январь 2003 г. проходил стажировку в ПИР-Центре. В рамках стажировки подготовил работу «О содействии Франции в уничтожении избыточных ядерных вооружений России». Автор статьи «Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом», *Ядерный Контроль*, 2003, лето. Сфера научных интересов – российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий.

Уважаемый коллега,

Заинтересованы ли Вы в получении объективной, оперативной и точной информации по актуальным вопросам международной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и разоружения?

В этом случае приглашаем Вас в Клуб ПИР-Центра – инструмент интеллектуальной интеграции российских зарубежных дипломатов, представителей бизнес-сообществ, ученых и журналистов.

Клуб ПИР-Центра объединяет *более тридцати индивидуальных и корпоративных членов*, включая представителей посольств Индии и Израиля, Италии и Польши, Чехии и Австралии, Дании и Нидерландов, США и Швеции, Венгрии и Швейцарии, компаний «Аспект-Конверсия», «Атомстройэкспорт», «Bechtel», «NAC International» и «Washington Group», крупнейших российских научно-исследовательских центров РНЦ «Курчатовский Институт», Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики (Снежинск), Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Саров), ИА Киодо Цусин (Япония) и др.

Клуб ПИР-Центра – это:

- место встречи дипломатов, журналистов, ученых и представителей бизнес-сообщества для обсуждения в узком кругу актуальных вопросов международной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями;
- факты из «первых рук» от ведущих государственных и неправительственных экспертов из России и зарубежных стран.
- оперативное и квалифицированное знакомство с широким спектром мнений в России и за рубежом по животрепещущим вопросам безопасности;

Членом клуба можно стать, оплатив **клубный взнос** за индивидуальное или корпоративное членство.

Вид членства	2004 год
Индивидуальное	595 USD
Корпоративное	995 USD

Члены Клуба обеспечиваются:

- **подпиской** на все периодические издания ПИР-Центра: журналы *Ядерный Контроль* (на русском и английском языках) и *Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность*, которые доставляются курьером в день выхода журналов из печати;
- **подпиской** на электронные издания ПИР-Центра *Вопросы Безопасности* (на русском и английском языках) и *Ядерный Контроль: Информация*;
- **монографиями и докладами** серии *Библиотека ПИР-Центра*;
- **приглашениями** на заседания **Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра**, который объединяет ведущих российских правительственных и неправительственных экспертов в области международной безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения. Заседания Экспертно-консультативного совета проводятся **шесть раз в год**;
- **приглашениями** на ежеквартальные заседания **Клуба ПИР-Центра**;
- **приглашением** на международную конференцию **«Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения»**, которая пройдет в Москве 23-24 апреля 2004 г.
- **приглашениями** на все прочие мероприятия, проводимые Центром (семинары, конференции, пресс-конференции);
- **доступом** к информационным базам данных ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека и научные архивы);
- **доступом** к специально созданному для членов Клубу разделу в сети Интернет.

С Клубом ПИР-Центра Вы всегда будете НА ШАГ впереди новостей. Стоит ли упускать такое преимущество?

За более подробной информацией об условиях вступления в Клуб просьба обращаться к исполнительному помощнику директора ПИР-Центра Елене Полидва:

Тел.: (095) 234-9558

Факс: (095) 234-9558

e-mail: polidva@pircenter.org

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 27 ноября 2003 г.)

Антонов Анатолий Иванович, посол по особым поручениям, к.э.н., МИД РФ, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Беляева Марина Павловна, Минатом РФ, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Булочников Анатолий Михайлович, Центр по проблемам экспортного контроля, Москва, Россия

Бухарин Олег Александрович, к.ф.-м.н., Принстонский университет, Принстон, США

Волландер Селест, д-р, Программа новых подходов к российской безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США.

Виноградов Михаил Сергеевич, генерал-лейтенант (в отставке), Комитет ученых за глобальную безопасность, Москва, Россия

Володин Юрий Георгиевич, Госатомнадзор, Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, Фонд Карнеги за международный мир, Вашингтон, США

Джонсон Ребекка, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Дьяков Анатолий Степанович, к.ф.-м.н., Центр разоружения, энергетики и экологии Московского физико-технического института, Долгопрудный, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., *Крос*, Москва, Россия

Елеуменов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., Казахстанский филиал Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Алма-Ата, Казахстан

Есин Виктор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник командующего Ракетных войск стратегического назначения РФ (РВСН), Москва, Россия

Зведре Евгений Константинович, МИД РФ, Москва, Россия

Зобов Андрей Иванович, советник 1-го класса МИД РФ (в отставке), Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., Помощник Председателя Правительства РФ, Москва, Россия

Калядин Александр Николаевич, д.и.н., Центр политических и военных прогнозов ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., Центр Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Козюлин Вадим Борисович, Москва, Россия

Козлов Виктор Васильевич, Атомстройэкспорт, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, генерал-майор (в отставке), проф., Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., Фонд «Евразия», Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, Российское авиационно-космическое агентство, Москва, Россия

Кривохижа Василий Иосифович, д.п.н., Аппарат Совета Федерации, Москва, Россия

Крючков Эдуард Феликсович, к.т.н., Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, академик РАН, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), Группа Глобал Консалтинг, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, Правительство Москвы, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Макиенко Константин Владимирович, Центр АСТ, Москва, Россия

Манилов Валерий Леонидович, генерал-полковник (в отставке), Комитет по обороне и безопасности, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Маргелов Михаил Витальевич, Комитет по международным делам, Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Мисюченко Владимир Федорович, к.ф.н., Совет Федерации РФ, Москва, Россия

Михайлов Виктор Никитович, академик РАН, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Ознобищев Сергей Константинович, академик, Академия космических наук им. К. Э. Циолковского, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, д.ф.н., Центр стратегических исследований, Москва, Россия

Погорелый Михаил Михайлович, Центр журналистики войны и мира, Москва, Россия

Подвиг Павел Леонардович, Центр по изучению проблем разоружения Принстонского университета, Принстон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, академик РАН, РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Пшакин Геннадий Максимович, к.т.н., Физико-энергетический институт, Обнинск, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., Посольство Российской Федерации, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сафранчук Иван Алексеевич, к.п.н., Центр оборонной информации, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, проф., ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Слипченко Виктор Сергеевич, ДВБР МИД РФ, Москва, Россия

Смит Харольд, д-р, Голдменский институт общественной политики Калифорнийского университета, Беркли, США

Соков Николай Николаевич, д.п.н., Центр изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Монтерей, США

Сухоручкин Владимир Константинович, к.т.н., РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, Конституционный суд Российской Федерации, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф-м.н., Москва, Россия

Хромов Геннадий Константинович, *Главкосмос*, Москва, Россия

Цыгичко Виталий Николаевич, проф., академик Российской академии естественных наук, Институт системного анализа РАН, Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, Московское бюро, *BBC* Всемирная служба, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, *Microsoft*, Москва, Россия

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ИЗДАНИЯ ПИР-ЦЕНТРА
НА 2004 ГОД

Журнал *Ядерный Контроль*
выходит четыре раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Дайджест журнала *Ядерный Контроль* (на английском языке)
выходит два раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Научные Записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность
выходят три раза в год
Стоимость подписки на 2004 год – **3000 руб.**

Оформление подписки для резидентов РФ

Реализацией издания на территории России и СНГ занимаются:

- **Агентство «РОСПЕЧАТЬ»**

Информация о подписке на 2004 г. находится в *каталоге «ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ»*. Индекс издания – **79280**

- **Компания «ТРИАЛОГ»**

Оплата в любом отделении Сбербанка РФ. Заполненный подписной купон вместе с квитанцией об оплате следует направлять по адресу: 121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

Оформление подписки для нерезидентов РФ

ПИР-Центр принимает к оплате чеки зарубежных банков в долларах США.

Чеки на имя **Center for Policy Studies in Russia** просьба направлять по адресу:
Trekhprudny Business Center, Trekhprudny Per., 9, bldg. 1B, Moscow 123001, Russia

В этом случае стоимость подписки на 2004 г. составит **200 долл. США.**

Реализацией журнала за рубежом занимаются агентства:

Swets Blackwell

tel.: +31-252-435-111

fax: +31-252-415-888

e-mail: infoho@nl.swetsblackwell.com

http://www.swetsblackwell.com

East View Publications

Представительство в России

тел.: +7-095-777-6558

факс: +7-095-318-0881

http://www.eastview.com

**По всем вопросам оформления подписки
просьба обращаться в компанию «Триалог»
по тел.: +7-095-764-9896**

121019, Москва, а/я 137, ООО «Триалог»

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Ф. И. О. получателя (полностью) .....

Организация, должность .....

Период подписки: 2004 год

Почтовый адрес (с индексом) .....

Телефон/факс (код) .....

E-mail .....

Количество экземпляров .....

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

- «Ядерный Контроль», журнал на русском языке
- «Ядерный Контроль», журнал на английском языке
- «Научные Записки: национальная и глобальная безопасность»

Наименование организации .....

Период подписки: 2004 год

Юридический адрес .....

Почтовый адрес (с индексом) .....

Телефон/факс (код) .....

E-mail .....

Р/с .....

ИНН .....

Извещение

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»
(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

_____
(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Квитанция

Форма №ПД-4

ООО «Триалог»
(наименование получателя)

ИНН 7729422765

ИНН получателя платежа

№ р/сч 40702810738250120106

(номер счета получателя платежа)

Люблинское ОСБ №7977, г. Москва

(наименование банка и банковские
реквизиты)

к/сч 30101810400000000225

БИК 044525225

Подписка на журнал

_____
(наименование платежа)

Кассир

Сумма
платежа _____ (руб.) _____ (коп.)

Количество экземпляров _____

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. суммы, взимаемой за услуги банка, ознакомлен и согласен

« _____ » _____ 20 ____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)